

ISSN 2588-0012
DOI: 10.17277/issn.2588-0012

ПРАВО:

история и современность

Научно-практический информационный журнал

Журнал издается с 2017 года
Выходит 4 раза в год

№ 2/2019

Издательство ФГБОУ ВО «ТГТУ»

Учредители: ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
технический университет»;
ООО «Юридический центр «ФОРУМ»

Издатель: ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
технический университет»

Главный редактор

кандидат юридических наук, доцент **Е. Е. Орлова**

Заместитель главного редактора

кандидат юридических наук **Е. В. Судоргина**

Ответственный секретарь журнала

кандидат юридических наук, кандидат исторических наук,
доцент **И. Г. Пирожкова**

Средство массовой информации зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору в сфере связи
и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-70918 от 05.09.2017

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ:

392000, Россия, Тамбовская область, Тамбов, ул. Советская, д. 106
Тел. (4752) 63 10 19; e-mail: tstu@admin.tstu.ru

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

392032, Россия, Тамбов, ул. Мичуринская, 112, корп. Д, Юридический институт,
тел.: (4752) 63 03 84; e-mail: pravo_red@list.ru

Подписной индекс каталога агентства ФГУП «Почта России» П6820

Подписано в печать 06.06.2019. Дата выхода в свет 28.06.2019
Формат журнала 70×100/16. Усл. п. л. 11,20. Уч.-изд. л. 10,00.
Цена свободная. Тираж 100 экз. Заказ 082.

Макет подготовлен в редакции научных журналов Издательского центра ФГБОУ ВО «ТГТУ»,
392032, Тамбов, ул. Мичуринская, 112, тел. (4752) 63 03 91, e-mail: vestnik@mail.nnn.tstu.ru

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «ТГТУ»
392032, Тамбов, ул. Мичуринская, 112, тел. (4752) 63 07 46

ISSN 2588-0012

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
технический университет», 2019

© ООО «Юридический центр «ФОРУМ», 2019

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ И ЭКСПЕРТНОГО СОВЕТА

Баев Валерий Григорьевич	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», заведующий кафедрой «Трудовое и предпринимательское право»; <i>e-mail: vgbaev@gmail.com</i>
Бернацкий Георгий Генрихович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государствен- ный экономический университет», профессор кафедры «Теория и история государства и права»; <i>e-mail: gberg@yandex.ru</i>
Быков Виктор Михайлович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», профессор кафедры «Безопасность и правопорядок»; <i>e-mail: bykov_vm@mail.ru</i>
Дроздова Александра Михайловна	д-р юрид. наук, профессор	ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», профессор кафедры «Правовая культура и защита прав человека»; <i>e-mail: temp17@rambler.ru</i>
Желудков Михаил Александрович	д-р юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», профессор кафедры «Уго- ловное право и прикладная информатика в юриспруденции»; <i>e-mail: kandydat1@yandex.ru</i>
Искевич Ирина Сергеевна	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», заведующая кафедрой «Международное право»; <i>e-mail: irina_77707@list.ru</i>
Кириллов Станислав Иванович	д-р юрид. наук, профессор	ФГКОУ ВО «Московский университет МВД РФ имени В. Я. Кикотя», профессор кафедры «Кри- минология»; <i>e-mail: stanislav.kirillov.1995@mail.ru</i>
Куркин Борис Александрович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», профессор кафедры «Ме- ждународное право»; <i>e-mail: kurkin.boris2012@yandex.ru</i>
Лаврик Татьяна Михайловна	канд. юрид. наук	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», заведующий кафедрой «Гражданское право и процесс»; <i>e-mail: lavriktan@mail.ru</i>
Муромцев Дмитрий Юрьевич	д-р техн. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», проректор по научно- инновационной деятельности; <i>e-mail: postmaster@nauka.tstu.ru</i>
Никулин Виктор Васильевич	д-р ист. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», профессор кафедры «Кон- ституционное и административное право»; <i>e-mail: pravo@admin.tstu.ru</i>
Осокин Роман Борисович	д-р юрид. наук, профессор	ФГКОУ ВО «Московский университет МВД РФ имени В. Я. Кикотя», начальник факультета; <i>e-mail: osokinr@mail.ru</i>
Орлова Елена Евгеньевна	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», директор Юридического института; <i>e-mail: elenaorlowa@yandex.ru</i>

Попов Алексей Михайлович	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», заведующий кафедрой «Безопасность и правопорядок»; <i>e-mail: pamtambov@yandex.ru</i>
Пчелинцев Анатолий Васильевич	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», профессор кафедры «Кон- ституционное и административное право»; <i>e-mail: sclj@scj.ru, rinfo@mail.ru</i>
Рыбакова Светлана Викторовна	д-р юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юри- дическая академия», профессор кафедры фи- нансового, банковского и таможенного права; <i>e-mail: svrybakova@mail.ru</i>
Саломатин Алексей Юрьевич	д-р юрид. наук, д-р ист. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Пензенский государственный уни- верситет», заведующий кафедрой «Теория госу- дарства и права и политология»; <i>e-mail: valeriya_zinovev@mail.ru</i>
Сафронова Елена Викторовна	д-р юрид. наук, профессор	ФГАОУ ВО «Белгородский государственный на- циональный исследовательский университет», профессор кафедры «Международное право и государствоведение»; <i>e-mail: elena_safronova_2010@mail.ru</i>
Судоргина Елена Валерьевна	канд. юрид. наук	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», и. о. заведующего кафедрой «Конституционное и административное право»; <i>e-mail: tikhnvaele@rambler.ru</i>
Туманова Анастасия Сергеевна	д-р ист. наук, д-р юрид. наук, профессор	ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», профес- сор кафедры «Теория и история права»; <i>e-mail: atumanova@hse.ru</i>
Чернышов Владимир Николаевич	д-р техн. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», заведующий кафедрой «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции»; <i>e-mail: elters@crimeinfo.jesby.tstu.ru</i>

РУБРИКИ журнала «Право: история и современность»

Теория государства и права

(12.00.01 Теория и история права и государства; история правовых учений)

Уголовное право и криминология

(12.00.08 Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право)

Гражданское и семейное право

(12.00.03 Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; меж-
дународное частное право)

Гражданский и арбитражный процесс

(12.00.15 Гражданский процесс; арбитражный процесс)

Актуальные проблемы права

Трибуна молодого ученого

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- Борисов А. М., Хащина Э. Э.** Нормативное определение официального документа как проблема юридической формы правоотношений 7
- Мещерякова С. В., Воликова И. А.** Потенциал историко-правовой науки в процессе формирования управленческих кадров 21
- Сырых В. М.** Понятие и структура индивидуального права 28

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

- Бурцева Е. В., Медведева С. В.** Проблемы апелляции в уголовном законодательстве России 43
- Желудков М. А., Андрианова Ю. С.** Обоснование необходимости признания обстоятельств, способствующих совершению преступления, императивным элементом предмета доказывания по уголовным делам 51
- Осокин Р. Б., Кокорев В. Г.** К вопросу о криминализации деяния, сопряженного с незаконным воспрепятствованием деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний 58

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

- Калинина И. А.** Особенности гражданско-правовой ответственности турагента перед потребителем по требованиям о возмещении убытков в случае предоставления туроператором туристского продукта ненадлежащего качества 68
- Лапаева А. В.** Брачный договор как способ защиты прав супругов в международном пространстве 80

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

- Бабкин Л. М., Сорокина И. А.** О некоторых аспектах предварительного расследования по уголовным делам в отношении посредников во взяточничестве 88
- Бондаренко Л. К.** Морально-этическая концепция юриста на современном этапе 93
- Куркин Б. А., Искевич И. С.** Универсалистское и цивилизационное понимание прав человека в современной правовой доктрине 102
- Мичурина О. В.** Коррупционные аспекты нарушений уголовно-процессуальных норм государственными органами и должностными лицами, осуществляющими досудебное производство по уголовному делу 112
- Прокопович Г. А.** Современный подход к классификации прав и свобод человека и гражданина 118

Трибуна молодого ученого

- Джавадова О. М.** Приоритеты государственной политики в сфере образования 125

CONTENTS

THEORY OF STATE AND LAW

- Borisov A. M., Khashchina E. E.** Regulatory Definition of an Official Document as a Problem of Legal Arrangements 7
- Meshcheryakova S. V., Volikova I. A.** Potential of Historical and Legal Sciences in the Process of Training Administrative Personnel 21
- Syrykh V. M.** The Concept and Structure of Individual Law 28

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

- Burtseva E. V., Medvedeva S. V.** Problems of Appeal Claim in the Criminal Law of Russia 43
- Zheludkov M. A., Andrianova Yu. S.** Justification of the Need to Admit the Contributing Cause of Offence as an Imperative Element of the Fact in Proof in Criminal Cases 51
- Osokin R. B., Kokorev V. G.** Criminalization of an Act Involving the Unlawful Obstruction of the Activities of Religious Organizations or the Conduct of Worship, Other Religious Rites and Ceremonies 58

CIVIL AND FAMILY LAW

- Kalinina I. A.** Features of Travel Agent's Civil Liability to the Consumer on Claims for Damages in Case of Providing Tourism Product of Improper Quality 68
- Lapaeva A. V.** Marriage Agreement as a Way to Protect the Rights of Spouses in International Community 80

RELEVANT PROBLEMS OF LAW

- Babkin L. M., Sorokina I. A.** Some Aspects of Preliminary Investigation on Criminal Cases with Respect to Bribery Intermediaries 88
- Bondarenko L. K.** The Existing Moral and Ethical Concept of a Lawyer ... 93
- Kurkin B. A., Iskevich I. S.** Universalistic and Civilizational Understanding of Human Rights in Modern Legal Doctrine 102
- Michurina O. V.** Corruption Aspects of Criminal Procedure Violations by Government Bodies and Individuals for a Criminal Case 112
- Prokopovich G. A.** Modern Approach to Classification of the Rights and Freedoms of an Individual and a Citizen 118

YOUNG SCIENTIST'S TRIBUNE

- Dzhavadova O. M.** Priorities of Government Policy in Education 125

Рассмотрена проблема законодательного определения понятия «официальный документ». Данная проблема связана с проблемой теоретической конструкции структуры правоотношения. Проанализировав ряд правовых актов, констатирована недостаточная определенность раскрываемого в них вышеприведенного термина или узость сферы его применения в той или иной трактовке. Сделаны выводы о том, что, во-первых, некоторые виды документов, установленные законодательными актами, имеющие нормативно определенные форму и порядок принятия, отнесенные соответствующими нормативными правовыми актами к компетенции конкретного круга должностных лиц, не признаются официальными документами. Во-вторых, как следствие, правовое значение придается расширительному толкованию и неоднозначным трактовкам высших судебных органов. Выявлена и обоснована объективная потребность в выработке законодательного определения термина «официальный документ» для всеобщего применения или целей правоохранительного содержания. Один из результатов исследования, имеющий новационное содержание, – авторская трактовка исследуемого понятия.

Ключевые слова: дефиниция; документ; официальный документ; эффективность правовой нормы; юридическая форма правоотношения.

Андрей Марксович Борисов, канд. ист. наук, доцент,
кафедра конституционного и административного права,
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Курск, Россия;
andrei_borisov@mail.ru

Эллина Эдуардовна Хащина, канд. юрид. наук, старший преподаватель,
кафедра конституционного и административного права,
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Курск, Россия;
elinka1408@mail.ru

НОРМАТИВНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОФИЦИАЛЬНОГО ДОКУМЕНТА КАК ПРОБЛЕМА ЮРИДИЧЕСКОЙ ФОРМЫ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Качество нормативных правовых актов зависит не только от их содержания, но и от соответствия формальным – юридико-техническим критериям. Одним из таких критериев является наличие нормативного определения термина, полнота и точность раскрытия его содержания, что обеспечивает ясность законодательства для целей правоприменения.

Невнимательное отношение к нормативной терминологии приводит к существенным правоприменительным проблемам, что особенно актуально для стран романо-германской правовой семьи. Как отмечает А. А. Малиновский [10], для законодательных актов данной правовой семьи характерен абстрактный характер изложения правовых норм, а также

закрепление дефиниций основных юридических категорий. Последнее особенно важно, поскольку позволяет избежать двусмысленного и противоречивого толкования конкретных терминов и снимает множество проблем правоприменительного характера. По мнению Э. Ф. Мамедова, следует разделять понятия «правовой термин» и «правовая дефиниция». Под первым автор понимает слово или словосочетание, употребленное в законодательстве, являющееся обобщенным наименованием юридического понятия, имеющее точный определенный смысл, отличающееся функциональной устойчивостью и смысловой однозначностью. Под вторым – краткое, сжатое определение понятия, отражающее качественные признаки тех или иных правовых явлений [11].

Современное российское законодательство далеко не всегда оперирует точными и полными по содержанию юридическими терминами. Нередко нормативные термины, связанные с общим предметом регулирования, употребляются в разных нормативных актах в различных значениях, и в таких случаях мы говорим об отсутствии унифицированной правовой терминологии. В иных случаях нормативное определение дается применительно к узкоспециализированной сфере правоотношений. Нередко правовые понятия употребляются без закрепления в законодательстве их легального определения, что не способствует эффективности правоприменительной практики.

Соотнося данный вопрос с проблемой структуры правоотношения, очевидно, что классическая трехэлементная структура (субъект-объект-содержание) не отражает важнейшего элемента механизма правового регулирования – правовой нормы со всеми ее характеристиками. Последовательное развитие концепта нераздельного единства материального содержания и соответствующей юридической формы приостановилось вследствие доминирования формально-юридической методологии со второй половины XX века [1], рассуждений о юридической форме и материальном содержании правоотношения безотносительно к вопросу о структуре правоотношения.

Констатируемое несовершенство теоретической конструкции структуры правоотношения может быть устранено, если пересмотреть структуру и содержание элементов правоотношения в контексте юридизации общественных отношений, применения правовых норм для их регулирования. Тогда правовая норма обретает свое выражение в юридической форме правоотношения [2], определяющей правовой статус его субъектов, юридическое значение актов волевого поведения и иных элементов правоотношения.

Такого рода проблемы проявляются на практике, например, в связи с использованием термина «официальный документ».

Конвенция, отменяющая требование легализации иностранных официальных документов [7] (*далее* – Конвенция), раскрывает вопрос о том, какие документы рассматриваются и не рассматриваются в качестве официальных (ст. 1). К официальным документам Конвенция относит: документы, исходящие от органа или должностного лица, подчиняющегося юрисдикции государства, включая документы, исходящие от прокуратуры, секретаря суда или судебного исполнителя; административные документы; нотариальные акты; официальные пометки, такие как отметки

о регистрации, визы, подтверждающие определенную дату, заверение подписи на документе, незасвидетельствованном у нотариуса. Положения Конвенции не распространяются на документы, совершенные дипломатическими или консульскими агентами, и административные документы, имеющие прямое отношение к коммерческой или таможенной операции, которые не рассматриваются в качестве официальных документов.

Очевидна неопределенность в вопросах о составе органов и должностных лиц, подчиняющихся юрисдикции государства (например, с точки зрения делегирования полномочий), о видах административных документов (могут быть значимы признаки: кто принимает; правовая регламентация принятия, в части установления формы и порядка принятия; юридическое значение) и официальных пометок. Наконец, некоторые документы, имеющие отношение к таможенным операциям, выдаются таможенными органами.

Исходя из смысла положения п. 1 ч. 6 ст. 1259 «Объекты авторских прав» части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации, к официальным документам государственных органов и органов местного самоуправления муниципальных образований относятся в том числе «законы, другие нормативные акты, судебные решения, иные материалы законодательного, административного или судебного характера».

В данном случае неопределенность просматривается применительно ко всем видам материалов, поскольку семантические смыслы терминов («материал законодательного характера», «материал административного характера», «материал судебного характера») могут быть раскрыты различными способами. Во-первых, если речь идет о «материале», то это не обязательно законодательный акт, нормативный акт представительного органа государственной власти или местного самоуправления, администрации муниципалитета, не всегда какое-либо судебное решение. Во-вторых, учитывая разнообразие административных процедур в управленческой деятельности различных исполнительно-распорядительных органов, перечень материалов административного характера весьма широк. В-третьих, российское законодательство предусматривает исполнение властных полномочий субъектами, которые не относятся к субъектам государственного или муниципального управления, но в случае наделения их соответствующими полномочиями вышестоящего органа управления выполняют такую функцию (делегирование полномочий охватывает не только нотариальную практику). К тому же анализируемая норма ориентирована на гражданско-правовую сферу отношений, связанную с реализацией авторских прав.

Федеральный закон от 28.11.2015 г. № 330-ФЗ «О проставлении апостиля на российских официальных документах, подлежащих вывозу за пределы территории Российской Федерации» не дает исчерпывающего ответа на данный вопрос: в ч. 1 ст. 5 «Российские официальные документы» данного законодательного акта определяется предельно узкая сфера предметного правового регулирования – «в целях применения настоящего Федерального закона», что не позволяет применять его нормы в иных правоотношениях, не связанных с вывозом документов за границу.

Под официальными в ч. 1 и ч. 2 рассматриваемой статьи понимаются документы, выданные (оформленные) в соответствии с законодательством:

- федеральными органами исполнительной власти и их территориальными органами;
- федеральными судами, конституционными (уставными) судами и мировыми судьями субъектов Российской Федерации;
- органами прокуратуры;
- органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации;
- организациями, осуществляющими образовательную деятельность;
- органами местного самоуправления при осуществлении отдельных переданных им государственных полномочий;
- российскими нотариусами при совершении нотариальных действий;
- иными лицами, имеющими право совершать нотариальные действия;
- многофункциональными центрами предоставления государственных и муниципальных услуг.

Очевидно, что законодатель при принятии данного акта в большей степени руководствовался смыслами норм вышеуказанной Конвенции, включив в перечень официальные документы, выданные «организациями, осуществляющими образовательную деятельность» (могут быть как государственными, так и негосударственными) и «многофункциональными центрами предоставления государственных и муниципальных услуг» (МФЦ; перечни услуг утверждаются на федеральном, региональном и муниципальном уровнях) (Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»). Но МФЦ лишь «передают» документы, оформленные уполномоченными органами, а не «выдают» официальные документы.

Вполне определенное понятие «официальный документ» содержится в ст. 5 «Виды документов, входящих в состав обязательного экземпляра» Федерального закона от 29.12.1994 г. № 77-ФЗ (ред. от 3.07.2016 г.) «Об обязательном экземпляре документов»: «официальные документы – документы, принятые органами государственной власти Российской Федерации, другими государственными органами Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и опубликованные ими или от их имени». Однако этот закон, как и предыдущий, применяется к исключительно узкой сфере отношений по формированию обязательного экземпляра документов как ресурсной базы комплектования полного национального библиотечно-информационного фонда документов России и развития системы государственной библиографии. Положения данного акта неприменимы к документам, содержащим личную и(или) семейную тайну; государственную, служебную и(или) коммерческую тайну; документам, созданным в единичном исполнении; архивным документам (материалам); электронным документам; управленческой и технической документации (формуляры, инструкции по эксплуатации, бланочная продукция, альбомы форм учетной и отчетной документации).

Представленное определение не следует считать универсальным и применять в сферах, несвязанных с иными, кроме оговоренных, правоотношениями. К тому же данная трактовка сужает содержание исследуе-

мого термина, ограничивая круг субъектов, издающих официальные документы, исключительно органами государственной власти и т.п.

В отношениях правоохранительного характера понятие «официальный документ» приобретает особенное значение (табл. 1).

Однако Уголовный кодекс Российской Федерации (*далее* – УК РФ) не раскрывает понятие «официальный документ», и это обстоятельство составляет определенные сложности при квалификации отдельных видов преступлений. Тем не менее, в уголовно-правовых отношениях официальный документ, как следует из вышеприведенных извлечений, может:

– удостоверять соответствие определенных товаров, работ или услуг требованиям безопасности;

– иметь «действительное содержание»;

– предоставлять права или освобождать от обязанностей.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях разработан без использования данного понятия.

Постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил делопроизводства в федеральных органах исполнительной власти» раскрывает понятие «документ» в разделе II «Термины и определения», признавая тако-

Таблица 1

Термин «официальный документ» в Уголовном кодексе России

Статья	Контекст
Ст. 238 «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности»	Выдача или использование официального документа, удостоверяющего соответствие указанных товаров, работ или услуг требованиям безопасности
Ст. 292 «Служебный подлог»	Внесение должностным лицом, а также государственным служащим или муниципальным служащим, не являющимся должностным лицом, в официальные документы заведомо ложных сведений, а равно внесение в указанные документы исправлений, искажающих их действительное содержание
Ст. 324 «Приобретение или сбыт официальных документов и государственных наград»	Незаконное приобретение или сбыт официальных документов, предоставляющих права или освобождающих от обязанностей
Ст. 325 «Похищение или повреждение документов, штампов, печатей либо похищение акцизных марок, специальных марок или знаков соответствия»	Похищение, уничтожение, повреждение или сокрытие официальных документов
Ст. 327 «Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков»	Подделка удостоверения или иного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, в целях его использования либо сбыт такого документа

вым «официальный документ, созданный государственным органом, органом местного самоуправления, юридическим или физическим лицом, оформленный в установленном порядке и включенный в документооборот федерального органа исполнительной власти». Тем самым признается, что официальный документ может быть создан широким кругом лиц, а его основными признаками являются оформление в установленном порядке и включение в документооборот ведомства.

Интересующее нас определение содержит Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 7.0.8–2013 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» (*далее* – Национальный стандарт): официальный документ – это документ, созданный организацией, должностным лицом или гражданином, оформленный в установленном порядке [12]. Закрепление данного термина в Национальном стандарте, несмотря на определенную нормативность акта, нельзя признать абсолютным решением исследуемой проблемы, поскольку данный акт применяется в области делопроизводства и архивного дела, и в утвердившем его приказе Росстандарта указывается, что ГОСТ Р 7.0.8–2013 утвержден для добровольного применения [18].

Таким образом, во-первых, исчерпывающее детальное и универсальное определение понятия «официальный документ» на сегодняшний день в законодательстве отсутствует, на что обращал внимание А. В. Бриллиантов [3]. Во-вторых, законодательство предусматривает применение данного термина в узких смыслах. В-третьих, некоторые виды документов, установленные законодательными актами, имеющие нормативно определенную форму и порядок принятия, отнесенные соответствующими нормативными правовыми актами к компетенции конкретного круга должностных лиц, не признаются официальными документами (например, технический план объекта недвижимости и др.).

Неопределенность содержания рассматриваемого понятия нередко вызывает трудности как у правоприменителей, так и рядовых граждан.

Термин «официальный документ» встречается в различных нормативных правовых актах и наибольший интерес его содержание представляет в связи с разъяснениями и правовыми позициями высших судебных инстанций.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9.07.2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [17] указывается, что официальный документ должен удостоверять факты, влекущие юридические последствия в виде предоставления или лишения прав, возложения или освобождения от обязанностей, изменения объема прав и обязанностей, и к такому следует относить листки временной нетрудоспособности, медицинские книжки, экзаменационные ведомости, зачетные книжки, справки о заработной плате, протоколы комиссий по осуществлению закупок, свидетельства о регистрации автомобиля (п. 35).

В 2010 году Конституционный Суд Российской Федерации (КС РФ), позиции которого не всегда представляются безупречными, в определении от 16.12.2010 г. № 1671-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шишкина Виталия Юрьевича на нарушение его конститу-

ционных прав частью первой статьи 327 Уголовного кодекса Российской Федерации» указал на оценочный характер понятия «официальный документ», пояснив, что правоприменительные органы в каждом конкретном случае должны решать вопрос об официальном характере документа, основываясь на обстоятельствах дела с учетом толкования данного законодательного термина в правоприменительной практике [13].

Заметим, что заявитель в жалобе указал на необходимость дополнения ст. 327 «Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков» УК РФ определением термина «официальный документ» в целях усиления формализации признаков преступления, предусмотренного вышеуказанной статьей.

По этому вопросу о неопределенности данной статьи в части, касающейся признаков объективной стороны преступления, КС РФ отметил, что «будучи различными по характеру и значению, правовые нормы, в том числе те из них, которые включают оценочные либо общепринятые понятия, устанавливаются законодателем с учетом необходимости их эффективного применения к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций» [13], и указал на неоднократность представления данной правовой позиции, сославшись на свои определения 2003, 2008 и 2009 гг.

Указывая на положение ч. 2 ст. 3 «Принцип законности», УК РФ, согласно которому недопустимо применение уголовного закона по аналогии, КС РФ посчитал, что при толковании понятия «официальный документ», используемого в УК РФ, недопустимо использование определений, содержащихся в нормах иной отраслевой принадлежности [14]. Позиция КС РФ следующая: «не может быть принято во внимание утверждение заявителя о том, что часть первая статьи 327 УК Российской Федерации предполагает использование при ее применении термина “официальный документ” в том значении, которое ему придано в нормах иной отраслевой принадлежности (например, в содержащихся в статье 1259 ГК Российской Федерации определениях применительно к авторским и смежным правам, в статье 5 Федерального закона от 29 декабря 1994 года № 77-ФЗ “Об обязательном экземпляре документов” и др.)» [14].

Безусловно, принцип законности – основополагающий принцип права, однако, познакомившись с другим актом КС РФ об оспаривании конституционности положений ст. 292 «Служебный подлог» УК РФ [15], констатируем иной подход: «оценка документа как предмета данного преступления не является произвольной, поскольку официальными документами в силу действующего законодательства (ст. 5 Федерального закона от 29 декабря 1994 года № 77-ФЗ “Об обязательном экземпляре документов”) являются документы, принятые органами законодательной, исполнительной и судебной власти, носящие обязательный, рекомендательный или информационный характер» (в отношении заявительницы было возбуждено уголовное дело по фактам внесения заведомо ложных сведений в официальные документы – акты о невозможности взыскания, постановление о возвращении исполнительного документа взыскателю).

Тем самым КС РФ признал применимость рассматриваемых законодательных положений Федерального закона «Об обязательном экземпляре документов» к уголовно-правовым отношениям, несмотря на противопо-

ложное по смыслу утверждение пятимесячной давности и узкую сферу применения положений данного законодательного акта.

Таким образом, судебная практика показывает, что наряду с несформированностью общеправовой позиции, правоприменитель усматривает признаки официальных документов у весьма широкого перечня документов, применяемых в различных правоотношениях, своими решениями раздвигает рамки, обозначенные как международными правовыми актами, так и нормативными правовыми актами Российской Федерации. Наконец, конституционное правосудие не во всех случаях однозначно трактует принципы законности применительно к уголовному судопроизводству.

По нашему мнению, сложившаяся ситуация со всей очевидностью проявляет объективную потребность в выработке законодательного определения термина «официальный документ» для всеобщего применения или, хотя бы, для целей правоохранительного содержания.

Заостряя внимание на качестве законодательного массива, Е. Е. Тонков полагает, что «кризисная ситуация в современной России требует поступательной трансформации отечественного права в структурированную, стройную систему норм» [19, с. 128].

Полагаем, что развитие данного тезиса применительно к содержанию норм и их смысловой согласованности с иными смежными нормативными установлениями будет только способствовать совершенствованию законодательства и правоприменительной деятельности. В связи с этим, вполне справедливо мнение о том, что «новая правовая перспектива уже не может основываться на простой совокупности юридических норм... вне практики правовой коммуникации...» [19, с. 136], а также об актуальности вопроса «о формировании внутренне непротиворечивой национальной системы права» [20, с. 151].

Как отмечает А. Н. Харченко, в период действия уголовного закона России с 1997 по 2011 гг. число зарегистрированных фактов служебного подлога возросло почти в 3,5 раза, составив более 20 тыс. преступлений [21, с. 3]. МВД России подтверждает неуклонный рост преступлений, предусмотренных ст. 292 УК РФ, констатируется латентность подлога, например, в сфере IT-технологий (электронные документы)¹. С 2004 по 2008 гг. в России за совершение преступлений, предусмотренных ст. 327 УК РФ осуждено 55 232 человека [8, с. 3].

Немалое число дел связано с проблемой признания официальным документом технического плана объекта недвижимости, и в настоящее время Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 218-ФЗ (ред. от 25.11.2017 г.) «О государственной регистрации недвижимости» в ст. 24 «Требования к техническому плану» разъясняет, что это «документ, в котором воспроизведены определенные сведения, внесенные в Единый государственный реестр недвижимости, и указаны сведения о здании, сооружении, помещении, машиноместе, объекте незавершенного строительства или едином недвижимом комплексе, необходимые для государственного кадастрового учета такого объекта недвижимости, а также сведения о части или частях

¹ http://nsovetnik.ru/ugolovnaya_otvetstvennost/chto_takoe_sluzhebnyj_podlog_kommentarij_k_st_292_uk_rf/ (дата обращения: 12 декабря 2017).

здания, сооружения, помещения, единого недвижимого комплекса либо новые необходимые для внесения в Единый государственный реестр недвижимости сведения об объектах недвижимости, которым присвоены кадастровые номера».

Из данного законодательного определения следует, что технический план не является официальным документом, – это просто документ.

Подходя к этому вопросу с теоретической точки зрения и выделяя два основных признака официального документа (создан определенным субъектом и оформлен в установленном порядке), заметим, что технический план объекта недвижимости создается кадастровым инженером и является результатом его работы (Федеральный закон от 24.07.2007 г. № 221-ФЗ «О кадастровой деятельности»). Требования к подготовке технического плана установлены приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 18.12.2015 г. № 953 (ред. от 1.11.2016 г.) «Об утверждении формы технического плана и требований к его подготовке, состава содержащихся в нем сведений, а также формы декларации об объекте недвижимости, требований к ее подготовке, состава содержащихся в ней сведений».

Технический план как документ имеет юридическое значение, что следует из вышеприведенного определения, поскольку в нем воспроизводятся определенные сведения, вносимые в Единый государственный реестр недвижимости, необходимые для государственного кадастрового учета объектов недвижимости. Этот документ отражает характеристики объекта недвижимости, которые значимы для публично-правовых отношений, например, административно-договорного или налогового характера.

Таким образом, теоретический анализ показывает, что технический план имеет основные признаки официального документа.

В условиях сложившейся неоднозначной практики проблема нормативного раскрытия признаков официального документа и его юридического значения уже долгое время не решается закреплением соответствующей дефиниции в законодательстве. Налицо недостаточность юридической формы правоотношений с использованием документов официального характера.

Почему эффективное правоприменение в условиях «неограниченного числа конкретных правовых ситуаций», с одной стороны, и при схожести основных признаков документов, признаваемых официальными нормой права и юстиционными актами, с другой стороны, связывается в сознании законодателя и субъекта высшего судебного контроля с оценочной позицией правоприменителя, с усмотрением, открывающим «врата произвола», а не с приданием законам большей ясности? Чем объяснить такое неявное, на первый взгляд, пренебрежение законотворчеством?

В комментариях к УК РФ и иных научных работах, посвященных анализу составов соответствующих преступлений, так или иначе затрагивалась проблема определения признаков официального документа. Отмечено, что «Российское государство может признавать официальный статус документа, независимо от того, от какого лица он исходит» [6]. По мнению А. В. Бриллиантова, источник происхождения официального документа не должен иметь юридического значения и «официальный документ может быть создан в государственном, муниципальном, коммерческом,

общественном секторе, а также физическими лицами» [4, с. 4]. Отмечая расширение сферы документооборота, А. В. Бриллиантов приводит определение, данное Л. А. Букалеровой и представляющее данный термин в широком смысле: «документ, который удостоверяет факты, имеющие юридическое значение, создан уполномоченными на то государством юридическими или физическими лицами, имеет установленную законом форму, подпадает под действие системы регистрации, строгой отчетности и контроля за обращением» [4, с. 4]. В заключении статьи автор выделяет два критерия официального документа: надлежащее оформление и удостоверение; свойство воздействия на правоотношения [4, с. 7].

Последний критерий не представляется приемлемым, поскольку, во-первых, данное свойство поглощается юридическим значением содержания документа. Во-вторых, никакой документ не обладает свойством воздействия на правоотношения, ибо таким свойством наделен лишь субъект правоотношения. Документ – это средство подтверждения юридического факта, информирования о каком-либо правиле или решении.

Авторское определение понятия «официальный документ» и мотивированное предложение закрепить это понятие в качестве примечания к ст. 327 УК РФ содержит диссертационное исследование П. Ю. Летникова [8]. Рассматривая понятие «официальный документ» как оценочное, А. Н. Першин подчеркивает, что именно «по этой причине в теории, правоохранительной и судебной практике встречаются противоречивые мнения об уголовно-правовых характеристиках официального документа» [16, с. 8].

Несмотря на многообразие трактовок, к основным признакам официального документа можно отнести, помимо указанных А. Н. Першиным (происхождение документа от уполномоченных на то государством органов или лиц; соблюдение надлежащего порядка оформления) [16, с. 9], включение его в документооборот государственного или муниципального уровня и юридическое значение такого документа.

Заслуживает внимания точка зрения В. Н. Винокурова, полагающего, что «документы следует признавать официальными, если они регламентируют публичные правоотношения» [5, с. 116].

В целом, анализ показывает, что в близких по значению смыслах используются термины: «документ», «личный документ» [16, с. 10], «официальный документ», «электронный документ», «электронный официальный документ» [9], а судебная практика в уголовно-правовом контексте значительно расширяет видовой ряд официальных документов.

Расширяя сферу объектов правоохраны, законодатель в 2015 году внес дополнения в законодательство об административных правонарушениях (ч. 4 ст. 14.35 «Нарушение законодательства о государственном кадастровом учете недвижимого имущества и кадастровой деятельности» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях») и уголовное законодательство (ст. 170.2 «Внесение заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории» УК РФ) в части, касающейся установления соответствующих видов ответственности за деликтные действия в отношении ряда докумен-

тов: межевого плана, технического плана, акта обследования, проекта межевания земельного участка или земельных участков, карты-плана территории. Указанные новации усилили правозащитный эффект деликтного законодательства и действительно сняли проблему признания официального характера вышеназванных документов по делам о правонарушениях, связанных с внесением в них недостоверных сведений.

Тем не менее данное решение не снимает актуальности обозначенной проблемы в целом. Реализация принципа законности состоит не только в том, чтобы следовать букве закона, его смыслу в определенных случаях, а также принимать новые законы в целях охвата правовым регулированием новых или недостаточно защищенных общественных отношений. Развитие права предполагает совершенствование элементарной терминологической базы правоотношений в целях поиска таких нормативных конструкций, которые не увеличивали бы массив законодательных регуляций.

Предложим определение: *официальный документ* – это предусмотренный законодательством документ, принятый в установленном порядке и оформленный в соответствии с установленными требованиями уполномоченным или управомоченным лицом, заверенный подписью (электронной цифровой подписью) данного лица, которая может быть удостоверена печатью, имеющий юридическое значение и выполненный на бумажном носителе или в электронном виде.

Универсальное содержание данного определения соответствует сложившемуся многообразию правоотношений, в которых используются различные виды документов, удостоверяющих какие-либо факты, информирующих о тех или иных правилах, предоставляющих права, наделяющих обязанностями позитивного (освобождение от обязанностей) или негативного (связанные с применением мер принуждения) содержания.

Список литературы

1. **Борисов А. М.** К вопросу о содержании правоотношения // Административное и муниципальное право. 2014. № 11 (83). С. 1125 – 1132. doi: 10.7256/1999-2807.2014.11.12449.
2. **Борисов А. М.** О проблеме трактовки категории «объект» в правоведении // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 3. С. 323 – 329. doi: 10.7256/1994-1471.2014.3.9396.
3. **Бриллиантов А. В.** О содержании понятия «официальный документ» // Журнал российского права. 2003. № 2. С. 65 – 69.
4. **Бриллиантов А. В.** Критерии официального документа // Уголовное право. 2010. № 5. С. 4 – 7.
5. **Винокуров В. Н.** Сфера отношений, регулируемых официальными документами, и квалификация подделки официальных документов по совокупности преступлений // Современное право. 2016. № 9. С. 116 – 119.
6. **Есаков Г. А.** Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) [Электронный ресурс]. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. 736 с. URL: <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785392244171.html> (дата обращения: 31.05.2019)

7. **Конвенция**, отменяющая требование легализации иностранных официальных документов (заключена в г. Гааге 5 октября 1961 г., вступила в силу для Российской Федерации 31 мая 1992 года) // Бюллетень Междунар. договоров. 1993. № 6.
8. **Летников П. Ю.** Уголовная ответственность за подделку, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2009. 198 с.
9. **Лукьянова А. А.** Электронный официальный документ как предмет преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ // Уголовное право. 2016. № 3. С. 57 – 62.
10. **Малиновский А. А.** Юридическая техника в зарубежных правовых семьях (взгляд компаративиста) [Электронный ресурс] // Юридическая техника. 2016. № 10. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-tehnika-v-zarubezhnyh-pravovyh-semyah-vzglyad-komparativista> (дата обращения: 04.02.2017).
11. **Мамедов Э. Ф.** Качество правовых дефиниций как фактор эффективности законодательства [Электронный ресурс] // Вестник ИрГТУ. 2012. № 9(68). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kachestvo-pravovyh-definitiy-kak-faktor-effektivnosti-zakonodatelstva> (дата обращения: 06.04.2017).
12. **ГОСТ Р 7.0.8–2013.** СИБИД. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения (утв. приказом Росстандарта от 17 октября 2013 г. № 1185-ст). Введ. 2014-03-01. М.: Стандартинформ, 2014. 15 с.
13. **Об отказе** в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шишкина Виталия Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 327 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2010 г. № 1671-О-О // СПС «КонсультантПлюс».
14. **Об отказе** в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Морозовского Владимира Евгеньевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 327 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение КС РФ от 19.05.2009 г. № 575-О-О // СПС «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был).
15. **Об отказе** в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мигутиной Юлии Сергеевны на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 292 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение КС РФ от 13 октября 2009 г. № 1236-О-О // СПС «КонсультантПлюс».
16. **Першин А. Н.** Официальные документы и их криминалистические классификации // Информационное право. 2016. № 2. С. 8 – 12.
17. **О судебной** практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9.07.2013 г. № 24 // СПС «КонсультантПлюс».
18. **Об утверждении** Национального стандарта: приказ Росстандарта от 17.10.2013 г. № 1185-ст // СПС «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был).
19. **Тонков Е. Е.** Политические и правовые предпосылки модернизации общественных отношений в России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Право. 2010. № 14 (85). Вып. 13. С. 128 – 138.
20. **Тонков Е. Е.** Юридические (правовые формы) осуществления государственных функций: эволюция в условиях кризиса общественных отношений // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Право. 2010. № 14 (85). Вып. 13. С. 151 – 156.
21. **Харченко А. Н.** Служебный подлог и его специальные разновидности в системе преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (глава 30 УК РФ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2012. 26 с.

References

1. **Borisov A.M.** [To the question of the content of legal relations], *Administrativnoye i munitsipal'noye pravo* [Administrative and municipal law], 2014, no. 11(83), pp. 1125-1132. doi: 10.7256/1999-2807.2014.11.12449 (In Russ.)
2. **Borisov A.M.** [On the problem of the interpretation of the category "object" in jurisprudence], *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava* [Actual problems of Russian law], 2014, no. 3, pp. 323-329. doi: 10.7256/1994-1471.2014.3.9396 (In Russ.)
3. **Brilliantov A.V.** [On the content of the concept of "official document"], *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian law], 2003, no. 2, pp. 65-69 (In Russ.)
4. **Brilliantov A.V.** [Criteria of an official document], *Ugolovnoye pravo* [Criminal law], 2010, no. 5, pp. 4-7 (In Russ.)
5. **Vinokurov V.N.** [Sphere of relations regulated by official documents, and qualification of falsification of official documents on a set of crimes], *Sovremennoye pravo* [Modern Law], 2016, no. 9, pp. 116-119. (In Russ.)
6. **Yesakov G.A. (Ed.)** *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateyny)* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article by article)], Moscow: Prospekt, 2017. (In Russ.). available at: <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785392244171.html> (accessed: 31 May 2019).
7. **Konventsiya, otmenyayushchaya trebovaniye legalizatsii inostrannykh ofitsial'nykh dokumentov (zaklyuchena v g. Gaage 5 oktyabrya 1961 g., vstupila v silu dlya Rossiyskoy Federatsii 31 maya 1992 goda)** [Convention abolishing the requirement to legalize foreign official documents (concluded in the city of The Hague on October 5, 1961, entered into force for the Russian Federation on May 31, 1992)], *Byulleten' Mezh-dunarodnykh dogovorov* [Bulletin of the Intern. of contracts], 1993, no. 6. (In Russ.)
8. **Letnikov P.Yu.** *PhD Dissertation (Law)*, Krasnoyarsk, 2009. 198 p. (In Russ.)
9. **Luk'yanova A.A.** [Electronic official document as a subject of a crime under Art. 327 of the Criminal Code], *Ugolovnoye pravo* [Criminal law], 2016, no. 3, pp. 57-62. (In Russ.)
10. **Malinovskiy A.A.** [Legal Technique in Seven Legal Sevens (Comparativist's View)], *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal Technique], 2016, no. 10. available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-tehnika-v-zarubezhnyh-pravovyh-semyah-vzglyad-komparativista> (accessed: 04 February 2017).
11. **Mamedov E.F.** [The quality of legal definitions as a factor in the effectiveness of legislation], *Vestnik IrGTU* [ISTU Bulletin], 2012, no. 9(68). available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/kachestvo-pravovyh-definitsiy-kak-faktor-effektivnosti-zakonodatelstva> (accessed: 06 April 2017).
12. **GOST R 7.0.8-2013.** SIBID. *Deloproizvodstvo i arkhivnoye delo. Terminy i opredeleniya* [Record keeping and archiving. Terms and definitions], Moscow, Standartinfirm, 2014, 15 p. (In Russ.)
13. **Opredeleniye Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 16 dekabrya 2010 g. № 1671-O-O** [Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 16, 2010 No. 1671-OO], SPS "Konsul'tantPlyus". (In Russ.)
14. **Opredeleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 19.05.2009 g. № 575-O-O** [Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 575-OO dated May 19, 2009], SPS "Konsul'tantPlyus" (the document was not published). (In Russ.)
15. **Opredeleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 13 oktyabrya 2009 g. № 1236-O-O** [Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 13, 2009 No. 1236-OO], SPS "Konsul'tantPlyus". (In Russ.)
16. **Pershin A.N.** [Official Documents and Their Forensic Classifications], *Informatsionnoye pravo* [Information Law], 2016, no. 2, pp. 8-12 (In Russ.)
17. **Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 9.07.2013 g. № 24** [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 24 of July 9, 2013], SPS "Konsul'tantPlyus". (In Russ.)

18. *Prikaz Rosstandarta ot 17.10.2013 g. № 1185-st* [Order of Rosstandart dated 10.17.2013 No. 1185-St], SPS “KonsultantPlyus” (the document was not published). (In Russ.)

19. **Tonkov Ye.Ye.** [Political and legal prerequisites for the modernization of public relations in Russia], *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [Scientific Gazette of Belgorod State University. Series Philosophy. Sociology. Law], 2010, no. 14 (85), issue 13, pp. 128-138. (In Russ.)

20. **Tonkov Ye.Ye.** [Legal (legal forms) of state functions: evolution in a crisis of public relations], *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [Scientific Gazette of Belgorod State University. Series Philosophy. Sociology. Law]. 2010, no. 14(85), issue 13, pp. 151-156. (In Russ.)

21. **Kharchenko A.N.** *Extended abstract of candidate's of Law thesis*, Vladivostok, 2012. 26 p. (In Russ.)

Regulatory Definition of an Official Document as a Problem of Legal Arrangements

A. M. Borisov, *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Department of Constitutional and Administrative Law,
Kursk State University, Kursk, Russia;
andrei_borisov@mail.ru*

E. E. Khashchina, *Candidate in Law, Assistant of the Chair,
Department of Constitutional and Administrative Law,
Kursk State University, Kursk, Russia;
elinka1408@mail.ru*

The article focuses on the long-discussed problem of legislative definition of the term 'official document'. The authors link this problem to the theoretical construction of the structure of the legal relations; having analyzed a number of legislative acts, they ascertain either the lack of clarity in the above-mentioned term or its narrow usage in various interpretations. The authors conclude that, first of all, some types of documents that a) have been set by the legislative acts; b) are characterized by a certain form and procedure defined by law; c) are in competence of certain officials in accordance with certain legislative acts, are not acknowledged as official documents. Second, as a consequence, legal definition is subject to the expanded and ambiguous interpretation by the higher judicial authorities. The authors reveal and argue for the objective necessity to develop legislative definition of the term official document for public use or at least for the sake of law enforcement. One of the important and innovative outcomes of the study is the original interpretation of the term in question.

Keywords: definition; document; official document; effectiveness of the legal norm; judicial form of legal relations.

© А. М. Борисов, 2019

© Э. Э. Хащина, 2019

Статья поступила в редакцию 02.03.2019

При цитировании использовать:

Борисов А. М., Хащина Э. Э. Нормативное определение официального документа как проблема юридической формы правоотношений // *Право: история и современность*. 2019. № 2. С. 7 – 20. doi: 10.17277/pravo.2019.02.pp.007-020

Исследована проблематика профессиональной подготовки студентов юридического профиля, ее интеллектуальной составляющей. В частности, рассмотрено формирование личностных характеристик студента в процессе преподавания историко-правовых курсов. Предложено определение предметного значения существования университета как феномена правовой культуры. Подвергнута критическому осмыслению тесная связь между образованностью и нравственным совершенством в процессе воспитания образованного интеллектуально развитого человека. Особое внимание для обсуждения отведено важной роли историко-правовых курсов в формировании личности, поскольку помимо государственно-правовых проблем и понятий рассматривается человек как носитель правовой идеи. Юридическая наука рассмотрена как особый социальный институт и сфера формирования новых знаний о праве с доминирующей составляющей формирования гражданской позиции личности. Особое внимание уделено теоретическим взглядам С. С. Алексеева и А. В. Малько на проблему формирования целостного представления у обучающихся о личностях философов и мыслителей и их правовых идей. Утверждается, что изучение и осмысление многовекового опыта государственно-правовых процессов в историко-правовых курсах позволяет формировать профессиональные и личностные качества обучающихся, необходимые для развития познавательных навыков, критического мышления и формирования умений самостоятельно конструировать свои знания, ориентироваться в информационном пространстве.

Ключевые слова: гуманитарное образование; университет; историко-правовые дисциплины; формирование личности.

Светлана Владимировна Мещерякова, канд. психол. наук, доцент,
кафедра «Трудовое и предпринимательское право»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,
Тамбов, Россия;
svetlana.meshcher@yandex.ru

Ирина Александровна Воликова, старший преподаватель,
кафедра «Трудовое и предпринимательское право»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,
Тамбов, Россия;
braid5@rambler.ru

ПОТЕНЦИАЛ ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ НАУКИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ

Формирование личности студента наравне с обучением является одним из главных направлений в деятельности высших учебных заведений. Университет (университеты) принимает непосредственное участие в формировании личности студента, развивая такие базовые ценности, как нравственность, патриотизм, гражданственность.

Преподаваемые в Юридическом институте ТГТУ историко-правовые дисциплины предоставляют возможность сформировать личности будущих управленческих кадров.

Немало примеров из новой и новейшей истории свидетельствуют о том, что выдающиеся деятели разных эпох имели за спиной именно юридическое образование. Профессора юридических факультетов университетов средневековья расценивали преподавательскую работу как промежуточную ступень на пути к управленческим структурам. Новое время выдвинуло ранних буржуазных революционеров-юристов: юриспруденции обучался лидер Английской буржуазной революции О. Кромвель, французы Дантон и Робеспьер так же окончили юридические колледжи. Длинную лестницу от простого референдаря до канцлера объединенной Германии прошел О. фон Бисмарк. Дополняя список, отметим, что и современные российские лидеры (В. В. Путин, Д. А. Медведев, В. В. Жириновский, М. С. Горбачев) вышли из стен юридических факультетов.

Естественным представляется вывод: юридическое образование представляет собой наиболее удобный и короткий путь в административные органы государственной власти.

Отсюда вытекает важность формирования высоконравственной личности, способной стать государственно-ответственным человеком.

Первая система элитного образования была разработана Конфуцием, она влияла на культуру Китая и Юго-Восточной Азии на протяжении 2,5 тысячелетий. В нее закладывалась не только система получения знаний, но и духовного совершенствования [1, с. 83]. На примере германского чиновника Бисмарка можно судить о том, что он немало вынес из университета, сделавшего его крупным государственным деятелем, особенно в интересовавших его науках: история, международные отношения, политическая география, литература, иностранные языки. Предметом его увлечений стали Шекспир и Байрон, Гете и Шиллер. Так что известный парадокс, – «чем выше должность, тем меньше человеку надо знать и уметь: за него все сделают», – представляется в данном случае не более чем шуткой.

О смысле высшего (и в нашем случае юридического) образования в научной литературе нет единства. Зададимся вопросом: в чем смысл существования университета и в чем его ценность как феномена правовой культуры? Чему учить? – Знанию законов? И превратить выпускника в законоведа или акцентировать внимание преподавателя на познании теории и практики права? И здесь нельзя не согласиться с мнением А. В. Гудковой о том, что «изучение истории государства и права должно быть нацелено не на запоминание фактов, а на формирование и развитие умений: работу с источниками, оценивание различных взглядов, позиций» [3, с. 30].

Ученые, исследовавшие университет, оставили нам понимание как термина *universitas* (городская гильдия), так и других, с ним связанных: *stadium generale* или *alma mater*. Отличие же заключается в том, что обучение в университете предполагало не только передачу узкоспециальных профессиональных знаний. Университет становится высшей школой, поскольку в нем, кроме специально-профессиональных, даются еще и дополнительные знания, *выше того, что необходимо для профессиональной*

подготовки [6, с. 32]. Именно дополнительное образование и определяло конституирование университета как учебного заведения, то есть *stadium generale*, а не только как гильдии (*universitas*).

Еще раз напомним: чтобы подтвердить атрибутивность гуманитарной и исследовательской подготовки, учебное заведение, претендующее на статус университета, обязано воспитывать интеллектуалов. А поскольку интеллектуал не может не быть, во-первых, исследователем, а во-вторых, высокообразованным и культурным человеком, в первом случае университету нельзя забывать об исследовательской подготовке студентов, во втором – об их гуманитарном образовании.

В чем заключается гуманитарный характер образования? Право возникло в обществе и для нужд общества. Этот факт автоматически придает правовой науке гуманитарную направленность.

Платон возлагал большие надежды на систему образования, которая не только сможет воспитывать мудрых правителей, но и научит остальных граждан разумному повиновению. Правда, современный опыт расходится с ним в вопросе о том, что любая система образования может обеспечить столбовую дорожку к вершинам мудрости, или в том, что существует безошибочный метод выбора или воспитания лиц, естественно предрасположенных к управлению государством [7, с. 21].

Цицерон усматривал тесную связь между образованностью и нравственным совершенством. Воспитывая образованного человека, мы тем самым воспитываем человека нравственного. Идеальный правитель у Цицерона – это человек, который, изучая высокие науки, достигает мудрости и нравственного совершенства.

В Германии наука всегда была укоренена в государственно-бюрократических отношениях. Отношения немецкого общества, государства и образования сформировали уникальную социальную группу – образованную элиту, члены которой были образованными учеными и государственными служащими с уникально высоким социальным статусом. Всю университетскую систему Германии было бы невозможно культивировать без особого отношения взаимозависимости и взаимного доверия профессоров и государства. Государство было хранителем учености и образования уже потому, что управлялось людьми, воспитанными в университетах, построившими себя как хранителей культуры и доверявшими профессуре воспитание следующих поколений себе подобных. И в современной Германии существует сложная, многоступенчатая система отбора кадров для государственной службы из выпускников высших учебных заведений юридического профиля с наилучшей успеваемостью.

Перед нашими университетами стоит так же задача формирования личностей. Поскольку, как мы показали ранее, выпускники юридических факультетов идут по ступеням власти быстрее, становление личности в процессе юридического образования обращает на себя пристальное внимание педагогов высшей школы. При этом важную роль в формировании личности могут сыграть историко-правовые курсы, несущие в себе мощный эмоциональный заряд. Прежде всего потому, что помимо государственно-правовых проблем и понятий для обсуждения выносятся человек, носитель правовой идеи.

В современных учебниках и учебных пособиях по истории государства и права и политико-правовых учений авторами зачастую рассматриваются правовые идеи в отрыве от их носителей – философов и мыслителей. То же в истории государства и права как России, так и зарубежных стран. Авторы учебников сознательно уходят от рассказа о личности мыслителя, не желая вторгаться в область гражданской истории. В. О. Ключевский справедливо утверждал, что «разница между историками и юристами только в точках зрения: историки видят причины, не замечая следствия, юристы замечают только следствия, не видя причин» [4, с. 402]. Заметим также, что юридическая практика не может ограничиваться функционированием соответствующих органов государства и юристов. Юриспруденция связана с обществом вообще, поскольку право – компонент всех социальных сфер. С. С. Алексеев рассматривал в качестве отправной точки права правовые ситуации, понимаемые как сложные жизненные обстоятельства [9, с. 46]. Рождение любой правовой идеи возникает не сразу, не вдруг, но как реакция на вполне конкретные жизненные ситуации, является ответом на вызовы обществу и государству. Например, появление платоновского проекта идеального государства стало попыткой разрешить кризисные явления, трещинами, разошедшимися по греческому полису. А конституционные замыслы Екатерины II были порождены влиянием идей Французской буржуазной революции. По мнению Е. А. Чичневой, хотя не законы и иные нормативные акты сами по себе или принятые органами публичной власти, а лишь индивидуальные действия, имеющие или даже не имеющие возможные правовые последствия, составляют сердцевину правовой системы [10, с. 89].

Нельзя не согласиться с мнением профессора Г. Г. Бернацкого, которым отмечено, что формирование личности должно составлять основное направление государственной идеологии. «Миссия современных юристов, философов, специалистов в области гуманитарного знания, состоит в том, чтобы убеждать и студентов, и школьников, и весь мир, как во времена Аристотеля, Платона или Цицерона, что есть объективные истина, добро, красота, справедливость».

Изучение и осмысление многовекового опыта государственно-правовых процессов в курсах истории государства и права зарубежных стран и истории государства и права России позволяет формировать профессиональные и личностные качества будущих юристов. «Эти курсы способствуют упрочению исторической памяти, формированию гражданской позиции, накоплению социально ценностного потенциала личности», такую оценку дают роли историко-правовых курсов в юридических вузах Т. М. Баженова и Н. Н. Зипунникова в своей статье о роли историко-правовых курсов в юридическом образовании [2, с. 229].

В разных странах, формах государств, разных Конституциях присутствует своя концептуальная наполняемость функций государства и сложившихся в них регламентируемых правом общественных отношений. Современная правовая наука, выполняя свою главную миссию по содействию процессу развития права, последовательно пытается выйти на путь целостного познания правовых явлений в их взаимосвязи и взаимозависимости, комплексного изучения не только статике, но и динамике права [8, с. 8].

С позиций интегральной методологии, применяемой при изучении учебных дисциплин «История государства и права зарубежных стран» и «История отечественного государства и права» и придерживающейся постулата «история – это политика, опрокинутая в прошлое», изучение этих дисциплин происходит с мировоззренческих позиций сегодняшнего дня и, по сути, подтверждает правильность устройства современного, сегодняшнего государства.

Юридическая наука как особый социальный институт и сфера формирования новых знаний о праве, находясь в центре событий, которые переживает современное Российское государство, формируя новую государственность, обнаруживает большое количество вопросов, разрешение которых возможно лишь при условии методологической рефлексии гуманитарного знания [5, с. 883].

В заключение еще раз подчеркнем важное место курсов историко-правовых дисциплин в процессе формирования личности в юридических образовательных учреждениях.

Результатом реализации формируемых компетенций в процессе обучения студентов по историко-правовым предметам должно стать развитие познавательных навыков, критического мышления и формирования умений самостоятельно конструировать свои знания, ориентироваться в информационном пространстве.

Очевидно, что именно юридическое образование является бóльшей частью предпосылкой и условием вхождения в правящую элиту страны. Тем более внимание в них должно уделяться формированию личности. Одним из важнейших инструментов такого воздействия на личность обучающегося становятся историко-правовые курсы, предлагающие выше того, что необходимо для профессиональной подготовки, но что абсолютно необходимо для становления личности, способной взять на свои плечи ответственность за судьбу страны.

Список литературы

1. **Ашин Г. К.** Элитное образование // *Общественные науки и современность*. 2001. № 5. С. 82 – 99.
2. **Баженова Т. М., Зипунникова Н. Н.** Законы должны вытекать из исторической роли народа... (о роли историко-правовых курсов в юридическом образовании) // *Российский юрид. журнал*. 2011. № 1. С. 224 – 235.
3. **Гудкова А. В.** Межстрановые сравнения и важность междисциплинарного синтеза как условия формирования социокультурной и гражданской идентичности обучающихся // *Преподавание языковых дисциплин в высшей школе: традиции и инновации: материалы межрегионального круглого стола, 7 июня 2017 г., Владимир. Владимир: Владим. юрид. ин-т Федер. службы исполнения наказаний*, 2017. С. 29 – 31.
4. **Ключевский В. О.** Сочинения в девяти томах. Т. 9. Материалы разных лет. М.: Мысль, 1990. 528 с.
5. **Кожевина М. А.** История как значимый фактор дальнейшего развития отечественной юридической науки // *Эволюция российского и зарубежного государства и права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского гос. юрид. ун-та (1936 – 2016): сб. науч. тр. Т. II: Эволюция зарубежного государства и права, учений о зарубежном государстве и праве, проблемы теории, фило-*

софии и методологии права в трудах-поздравлениях коллег. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. юрид. ун-та, 2016. 912 с.

6. **Костюкевич С.** Образ университета как уникального сплава либерального образования, средневековой гильдии и естественной науки // *Alma Mater* (Вестник высшей школы). 2001. № 6. С. 34 – 39.

7. **Ллойд Денис.** Идея права / пер. с англ. Ю. М. Юмашева (науч. ред.). М.: Югона, 2002. 416 с.

8. **Малько А. В., Трофимов В. В.** Теоретико-методологическая концепция «правовой жизни» // *Государство и право*. 2010. № 7. С. 5 – 13.

9. **Тарасов Н. Н.** Метод и методологический подход в правоведении (попытка проблемного анализа) // *Правоведение*. 2001. № 1. С. 31 – 50.

10. **Чичнева Е. А.** Актуальные проблемы современного права, или новое правовое мышление (взгляд философа) // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7: Философия*. 2001. № 2. С. 87 – 95.

References

1. **Ashin G.K.** [Elite Education], *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2001, no. 5, pp. 82-99. (In Russ.)

2. **Bazhenova T.M., Zipunkova I.N.** [Laws should flow from the historical role of the people ... (on the role of historical and legal courses in legal education)], *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Russian Law Journal], 2011, no. 1, pp. 224-235. (In Russ.)

3. **Gudkova A.V.** *Prepodavaniye yazykovykh distsiplin v vysshey shkole: traditsii i innovatsii: materialy mezhhregional'nogo kruglogo stola* [Teaching Language Disciplines in Higher Education: Traditions and Innovations: Materials of the Interregional Round Table], 7 June 2017, Vladimir: Vladimirskiy yuridicheskiy institut Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2017, pp. 29-31. (In Russ.)

4. **Klyuchevskiy V.O.** *Sochineniya v devyati tomakh. Tom 9. Materialy raznykh let* [Works in nine volumes. Volume 9. Materials of different years], Moscow: Mysl', 1990, 528 p. (In Russ.)

5. **Kozhevina M.A.** *Evolyutsiya rossiyskogo i zarubezhnogo gosudarstva i prava. K 80-letiyu kafedry istorii gosudarstva i prava Ural'skogo gosudarstvennogo yuridicheskogo universiteta (1936 – 2016): sbornik nauchnykh trudov T. II: Evolyutsiya zarubezhnogo gosudarstva i prava, ucheniy o zarubezhnom gosudarstve i prave, problemy teorii, filosofii i metodologii prava v trudakh-pozdravleniyakh kolleg* [Evolution of the Russian and foreign state and law. On the 80th anniversary of the Department of History of State and Law of the Ural State Law University (1936 - 2016): collection of scientific works of Vol. II. The Evolution of a Foreign State and Law, Teaching on a Foreign State and Law, Problems of Theory, Philosophy and Methodology of Law in Works of Congratulations colleagues], Ekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy yuridicheskiy universitet, 2016, 912 p. (In Russ.)

6. **Kostyukevich S.** [The image of the university as a unique blend of liberal education, the medieval guild and natural science], *Alma Mater (Vestnik vysshey shkoly)* [Alma Mater (Higher School Bulletin)], 2001, no. 6, pp. 34-39. (In Russ.)

7. **Lloyd Denis, Yumashev Yu.M.** [Ed.] *Ideya prava* [The idea of the right], Moscow: Yugona, 2002, 416 p. (In Russ.)

8. **Mal'ko A.V., Trofimov V.V.** [Theoretical and methodological concept of “legal life”], *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 2010, no. 7, pp. 5-13. (In Russ.)

9. **Tarasov N.N.** [Method and methodological approach in jurisprudence (attempt to analyze the problem)], *Pravovedeniye* [Jurisprudence], 2001, no. 1, pp. 31-50. (In Russ.)

10. **Chichneva Ye.A.** [Actual Problems of Modern Law, or New Legal Thinking (View of a Philosopher)], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* [Moscow University Bulletin. Series 7: Philosophy], 2001, no. 2, pp. 87-95. (In Russ.)

Potential of Historical and Legal Sciences in the Process of Training Administrative Personnel

S. V. Meshcheryakova, *Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor, Department of Labor and Business Law,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
svetlana.meshcher@yandex.ru*

I. A. Volikova, *Senior Lecturer,
Department of Labor and Business Law,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
braid5@rambler.ru*

The article studies the problems of professional training of law students, and its intellectual component. In particular, the formation of personal characteristics of students in the process of teaching historical and legal courses is considered. The author proposes the definition of the subject value of a university as a phenomenon of legal culture. The close connection between education and moral perfection in the process of education of an educated intellectually developed person is subjected to critical understanding. Special attention is given to the important role of historical and legal courses in the formation of personality, because in addition to the state-legal problems and concepts, a person is considered as a carrier of the legal idea. Legal science is considered as a special social institution and the sphere of formation of new knowledge about the law with the dominant component of the formation of the civil position of the individual. Particular attention is paid to the theoretical views of S. S. Alekseev and A. V. Malko on the problem of formation of a holistic view of the students about the personalities of philosophers and thinkers and their legal ideas. It is argued that the study and understanding of the centuries-old experience of state-legal processes in the historical-philosophical-legal courses allows forming professional and personal qualities of students necessary for the development of cognitive skills, critical thinking and the formation of skills to independently design their knowledge, to navigate in the information space.

Keywords: humanities education; university; historical and legal disciplines; personality formation.

© С. В. Мещерякова, 2019

© И. А. Воликова, 2019

Статья поступила в редакцию 10.12.2018

При цитировании использовать:

Мещерякова С. В., Воликова И. А. Потенциал историко-правовой науки в процессе формирования управленческих кадров // Право: история и современность. 2019. № 2. С. 21 – 27. doi: 10.17277/pravo.2019.02.pp.021-027

Показано, что представление общей доктрины о позитивном праве как единственной форме его выражения является дискуссионным. Наряду с ним действует право отдельной личности – индивидуальное право, которое представляет собой вторую самостоятельную и универсальную форму права. Индивидуальное право основывается на позитивном праве, но не отождествляется с ним. Индивидуальное право состоит только из тех норм позитивного права, которые индивид оценивает положительно и готов реализовать в конкретных правоотношениях. Кроме того, в индивидуальное право входят также правоположения, которые индивид разрабатывает в процессе конкретизации норм права применительно к особенностям конкретных правоотношений. В механизме правореализации индивидуальное право предстает средством перевода норм позитивного права в конкретные правоотношения. Вне индивидуального права, готового переводить абстрактные нормы позитивного права в правоотношения, позитивное право превращается в мертвое, бездействующее право.

Ключевые слова: позитивное право; нормы права; индивидуальное право; правосознание; обычное право; императивные нормы; правовой инфантилизм; конкретные правоотношения; реализация права.

Владимир Михайлович Сырых, д-р юрид. наук, профессор,
отдел теории и истории права и судебной власти,
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
правосудия», Москва, Россия;
2707xyz@mail.ru

ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРАВА

Введение

Феномен и категория «индивидуальное право» не находится в чести у позитивистской доктрины права, для которой закон и подзаконный нормативный акт выступают альфой и омегой действительного права. Между тем в непосредственной действительности, дела обстоят не столь однозначно. Достаточно сказать, что любой закон, самый справедливый и самый разумный, необходимо превратить в исторический источник при отсутствии индивидов, готовых его познать и применять в конкретных отношениях. Ибо только индивидуальное и рациональное мышление личности человека способно придать закону авторитет властного регулятора и перевести в непосредственную действительность в форме конкретного правоотношения.

Обсуждение

Сложность и своеобразие ситуации в том и состоит, что основным *материальным* средством перевода позитивного права в жизнь, в систему конкретных отношений является *индивид*, мыслительными и мускульными

усилиями которого позитивное право из государственного веления переводится в непосредственную экономическую практику, становится одним из действенных факторов общественного производства материальных благ. До тех пор, пока свободно волящая личность не придет к мысли о целесообразности и необходимости вступления в частноправовые отношения, вся система самых совершенных норм частного права остается действующей, что является «мертвым» правом и существует только на бумаге. Индивид выступает в роли своеобразного и *единственно возможного чистилища* на пути любой частноправовой нормы, желающей приобрести вечное блаженство в статусе действительного права.

Тезис об индивиде, как чистилище, как нельзя более точно отражает суть и специфику движения позитивного права на пути к действительному праву. Силой, способной заставить индивида вступать в конкретные частноправовые отношения, выступает отнюдь не позитивное право, а в первую очередь желание удовлетворить свои элементарные потребности в пище, одежде, жилье. Таким образом, свободный от государственного принуждения субъект частного права вступает в правоотношения под влиянием внутреннего принуждения, собственных потребностей, которые по интенсивности воздействия на его волю многократного превосходят внешнее общественное или государственное принуждения.

Руководствующийся же своими внутренними потребностями индивид избирает в качестве правила своего поведения отнюдь не любую навязанную государством норму права, а лишь ту норму, которая закрепляет максимально простой способ удовлетворения соответствующей потребности, при этом гарантирующий максимально полное удовлетворение его имущественных и иных интересов, максимальную выгоду. Норма позитивного частного права, не удовлетворяющая этим критериям, рискует навсегда остаться на уровне действующего, но не действительного права. В погоне за собственной выгодой индивид готов продать, как говорится, душу дьяволу, руководствоваться нормой общественного права, самостоятельно создать новый вид имущественных отношений либо вовсе встать на путь правонарушений. *Совокупность нормативных установлений, которые разделяет индивид и реализует в конкретных правоотношениях составляет содержание его непосредственного, личного, индивидуального права.*

Право каждого индивида имеет уникальный неповторимый характер, что обуславливается его возможностью свободно определять без каких-либо дозволений и запретов совокупность идеальных желаемых норм права. Границы и содержание правовой воли, в свою очередь, определяются творческими возможностями мыслительной деятельности индивида, а также особенностями конкретно-исторических условий его бытия, правовых чувств, эмоций, разделяемых социальных и правовых ценностей. Несовпадение названных факторов у индивидов неизбежно сказывается на содержании их индивидуального права. Например, индивидуальное право человека, который имеет общее образование и не принимает активного участия в экономической и политической сфере, значительно отличается от индивидуального права предпринимателя, деятельность которого

невозможна без знаний действующего частного права. В свою очередь, индивидуальное право политика, ориентированного на знание норм публичного права, отличается от индивидуального права предпринимателя.

Индивидуальное право имеет достаточно сложную трехуровневую систему. Его *первый* уровень – основу – образуют правовые и моральные принципы, известные и одобряемые индивидом, выражающие избранный им или идеализированный способ жизнедеятельности. *Второй* уровень представляет собой конгломерат, состоящий из трех видов норм: 1) конкретных норм позитивного права, известных и одобряемых индивидом; 2) иных социальных норм, которые индивид использует в процессе жизнедеятельности вместо негативно воспринимаемых им норм позитивного права; 3) норм, сформулированных индивидом самостоятельно. *Третий* уровень образуют процессуальные правовые положения, формулируемые индивидом в целях определения последовательности и порядка осуществления своих юридически значимых действий в конкретных правоотношениях.

Нормы индивидуального права опосредствуют все сферы предметно-практической деятельности человека, соответственно состоят из той или иной совокупности норм публичного и частного права.

Основу индивидуального частного права лица, ориентирующегося на правомерное поведение, составляют все или большая часть принципов, признанных и закрепленных Конституцией РФ и действующим гражданским, трудовым и семейным законодательством, а также нормами морали. Это принципы равенства сторон, неприкосновенности собственности, свободы договора, свободы труда, право на справедливые условия труда, обеспечение прав и возможностей работников, обязательность возмещения вреда, причиненного другим лицам, добровольности брачного союза мужчины и женщины; разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию и т.д.

Прямо противоположный подход наблюдается у индивида, имеющего установки на противоправные деяния, диктуемые его эгоистически потребительским смыслом жизни. Он не признает принципы права и морали, устанавливающие запреты на противоправные действия, на посягательства на права и свободы других лиц, неисполнение возложенных обязанностей. В лучшем случае позитивно оценивает лишь принципы, закрепляющие основы его правового статуса и неприкосновенность личности от посягательств со стороны других лиц, в том числе органов государства, а также принципы, определяющие правовые основы привлечения к юридической ответственности и назначения наказания. Деформированной предстает также и система моральных норм, разделяемых индивидом. Преобладающее значение в ней имеют принципы, оправдывающие противоправные деяния, придающие правонарушителю ореол героя, ориентирующие его на совершение преступных действий, принятие преступной среды в качестве основного места пребывания и действий.

Поскольку, как свидетельствуют социально-правовые исследования, правовые воззрения индивидов тесно связаны с моралью, правовые нормы оцениваются тем выше, чем больше они соответствуют его нравственным

установкам, а мотивы индивидуального поведения носят «скорее всего, морально-правовой характер» [1, с. 16], то в основу индивидуального права входят так же моральные принципы, а у верующих еще и религиозные нормы и требования. Систему моральных принципов, лежащих в основе права, обоснованно раскрыл Г. Гегель еще в начале XIX века. Он показал, что основу морального (в нашем понимании индивидуального) права составляют принципы и требования, характеризующие суть и содержание основополагающих категорий морали: добро, зло, намерение, благо, справедливость, ответственность, долг, совесть, умысел и вина.

Система частноправовых капиталистических (предпринимательских) отношений, применительно к которой Г. Гегелем были сформулированы принципы и категорий морали, преспокойно сохраняется, действует по настоящее время. Индивид по-прежнему находится в положении частного собственника, отчужденного от общества и способного преодолеть это состояние по тем же общим правовым и моральным принципам, которые присущи всей истории буржуазного общества, в том числе и его современному состоянию, которые и были обоснованы Г. Гегелем.

Как справедливо отмечает Г. В. Мальцев, «базовая нравственная оппозиция “добро-зло” выступает основным нормативно-оценочным критерием как в сфере морали, так и права. Ценностная настроенность последних на добро никогда, ни у кого не вызывала сомнения» [3, с. 107]. В систему позитивных составляющих правосознания правовой личности М. Б. Смоленский и Н. Н. Дунаева относят:

- 1) уверенность в том, что только свобода всех людей в обществе является гарантией свободы каждого;
- 2) уважение достоинства других лиц как равных субъектов гражданского общества;
- 3) чувство личной ответственности за свои поступки;
- 4) уважение к закону;
- 5) вера в то, что соблюдение принятых человеком обязательств есть элементарное условие нормального существования людей в обществе [5, с. 70].

Конечно, современное буржуазное общество и его экономика значительно отличаются от предшествующих стадий, что не может не вносить определенных коррективов в систему моральных норм и принципов, посредством появления новых принципов и утратой действия других. Но подобные модификации возможны лишь в пределах одной и той же фундаментальной основы, обоснованной Г. Гегелем. До тех пор, пока существует буржуазное общество, система моральных принципов и правил, отражающих его социальные, экономические основы, способы распределения и потребления материальных и духовных благ остается неизменной, постоянной. Национальные особенности морали способны модифицировать отдельные аспекты, форму проявления этих отношений, не меняя их сущности. Вопрос же о действительном базисе моральности индивидуального права можно решить лишь посредством репрезентативных социально-правовых исследований, абстрактное философствование в этом вопросе оказывается бессильным, способным увести научную мысль от конкретных реалий в область фантазии и научной мифологии.

Таким образом, первый уровень индивидуального права, образующий его основу, состоит из двух компонентов: правовых принципов и разделяемых индивидом требований морали, которые выступают действенными критериями оценки и формирования норм второго уровня индивидуального права.

Конкретные социологические исследования убедительно свидетельствуют о том, что население испытывает «достаточно высокий интерес к законодательству, а наибольший, – к трудовой его отрасли» и в целом сносно знает действующее законодательство в сфере их предметно-практической, повседневной деятельности. Примерно половина респондентов успешно справилась с решением предложенных в анкете правовых казусов по вопросам трудового и семейного законодательства [1, с. 41 – 59]. В то же время, далеко не все знаемые населением нормы законодательства непременно получают у него поддержку и одобрение. Чуть более 30 % респондентов готовы исполнять действующее законодательство из чувства уважения к нему [1, с. 52]. В ходе опроса, проведенного З. Н. Каландаришвили, 88 % респондентов – студенты юридических факультетов вузов Санкт-Петербурга и 92 % – рабочие предприятий этого же города сожалеют, что принимаемые законы не отражают интересы граждан [2]. Поэтому совокупность знаемых индивидом норм права чаще всего оказывается шире совокупности норм, одобряемых им и составляющих второй уровень его интуитивного права. К сожалению, вопрос о том, какие конкретно нормы права чаще всего получают одобрение респондентов, специально не исследовался и ответ на него можно дать чисто гипотетически, как говорил Л. И. Петражицкий, основываясь на собственном наблюдении.

В сфере частного права индивид действует в своем интересе, пытается удовлетворить потребности в материальных и духовных благах. Важнейшим показателем его успеха в этой сфере выступает чаще всего полезность и экономичность действий. Индивид, располагающий ограниченными материальными и физическими ресурсами, вынужден постоянно принимать действенные меры по их экономии, сохранению для дальнейшего действия, желая обеспечить себе максимум пользы от конкретного отношения при собственных минимальных затратах. Поэтому он охотно воспринимает нормы права, соответствующие его интересам, обеспечивающие свободу воли, равноправие участников правоотношений, закрепляющие действенные гарантии прав и свобод личности, иные нормы, способные обеспечить успех дела и защитить права от незаконных посягательств.

Предвижу возражения, что, мол, в сфере частного права возможны не только корыстные, но и альтруистические отношения, в которых взамен стяжательства, безраздельно царствует благодать, сострадание к ближнему, бескорыстная помощь: подаяние, дарение, спонсорство и др. Спору нет, подобные отношения имеют место в жизни, но они не отменяют значения частноправовых имущественных отношений, действующих на принципах взаимозависимости и эквивалентности, как основ экономической сферы общества.

Во-первых, прежде чем выступать в роли щедрого, благочестивого спонсора, индивид должен обладать устойчивым источником восполнения материальных ресурсов, вступая в ту или иную совокупность возмездных

отношений. Иначе спонсора ждет судьба, начертанная Евангелием, «продай и раздай нищим все, что имеешь». Во-вторых, альтруистические отношения, находясь на обочине частноправовых отношений, сами по себе не колеблют их возмездного характера. Получатель материальной помощи расходует ее на приобретение благ или получение услуг, с той лишь разницей, что оплата производится не из собственных ресурсов, а за счет спонсорской помощи. Обязанная сторона в этих отношениях действует на сугубо возмездных основаниях и в своих интересах. Например, современная медицина не способна оказывать медицинскую помощь из чистого альтруизма, сострадания к больному. Клятва Гиппократа не подвигнет современного эскулапа на бесплатную операцию даже в тех крайних случаях, когда он уверен, что без нее больной обречен на верную смерть. Поэтому любой серьезный индивид, планируя проведение частноправовых отношений, исходит из их возмездного характера, ориентируется не на спонсоров, а на собственные силы и наличные материальные ресурсы. Таким образом, исключение не опровергает правила, а подтверждает его. Спонсорство было бы бесполезным делом, если частноправовые отношения были возможны на безвозмездной основе.

В числе норм гражданского права, чаще всего позитивно оцениваемых физическими лицами, можно выделить институты, закрепляющие их правовой статус, право собственности, договоры купли-продажи, перевозки, аренды, подряда, поставки, авторское и изобретательское право, право наследования, институт ответственности за вред, причиненный другим лицам, и др. В трудовом законодательстве работники позитивно оценивают и включают в систему индивидуального права нормы, закрепляющие их право на получение гарантированной заработной платы, оплачиваемых отпусков, нормированный рабочий день, право на обжалование действий и решений органов управления организации, учреждения, предприятия в суд и проведение забастовок. В сфере семейного права оба супруга или один из супругов положительно оценивают нормы, обязанности по материальному содержанию и воспитанию детей, определяющие их имущественные права, порядок расторжения брака и раздела нажитого имущества, взаимоотношения родителей и детей.

Положительно оцененное индивидом позитивное право становится составной частью его личного права. Между тем далеко не все нормы права, оцениваемые позитивно, индивидом могут быть реализованы в конкретных правоотношениях. Законодательство, способное удовлетворять интересы широких социальных слоев населения, во многих странах остается лишь их несбыточной мечтой, несмотря на нормы международного права, предписывающие каждому государству-члену ООН предоставлять основные права и свободы всем живущим на земле на уровне, обеспечивающем их надлежащее материальное обеспечение и активное участие в делах общества и государства.

Вполне понятно, что индивид не ждет милостей от государства, когда «законодательный рак» на правотворческой горе «свистнет» и на блюдечке с голубой каемочкой принесет ему его действительные права. Индивид самостоятельно, постоянно и упорно ведет борьбу за свое право и даже

достигает определенных успехов, умело и творчески применяя три правовых метода и один противоправный: 1) игнорирование норм позитивного права, которые он оценивает негативно; 2) использование иных социальных норм; 3) создание и использование новых, оригинальных норм права; 4) совершение правонарушений, в том числе преступных деяний.

В современных условиях правовая пассивность является достаточно распространенным явлением: индивиды уклоняются от участия в процессе производства материальных или духовных благ, ведут праздный образ жизни, не стремятся вступать в брак, а образовав семью, не желают иметь детей или уклоняются от их материального содержания и воспитания; владельцы недвижимости уклоняются от уплаты налогов; работники коммерческих организаций, учреждений не инициируют заключения коллективных договоров, предусмотренных Трудовым кодексом РФ, не настаивают на неукоснительном соблюдении работодателем их трудовых прав, создании надлежащих условий труда. Индивиды уклоняются даже от получения общего и профессионального образования. По данным Минобрнауки в России ежегодно более миллиона детей и подростков не посещают школу.

Правовой инфантилизм обуславливается самыми различными причинами: недостаточными материальными условиями, отсутствием необходимых организационных условий (например, отсутствие в населенном пункте школы после проведенной правительством реструктуризация системы школ), нежеланием обострять свои отношения с работодателем, негативным влиянием ряда моральных и религиозных норм, недостатками в правовой информированности населения. Однако наиболее действенной и распространенной причиной правового инфантилизма все же выступает несогласие с предписаниями позитивного права, которыми, по мнению индивида, возлагаются обременительные обязанности либо предоставляются субъективные права на материальные и духовные блага, не представляющие для него большой ценности. Индивид находит в действующих нормах нарушение основного принципа права – эквивалентности и не желает совершать действий, не приносящих ему заметной пользы или требующих материальных или физических трат, превышающих пользу от материального или духовного блага, полученную по завершении правоотношения.

Как показывают результаты социально-правовых исследований, проведенных З. Н. Каландаришвили, 52 % респондентов (студенты юридических вузов) уверены в том, что не всегда обязательства можно обеспечить законными средствами, 43 % – полагают, что защищая свои интересы, можно нарушить действующие законы и 48 % – готовы нарушить закон для получения выгоды. Несколько иначе по этому поводу думают рабочие: 62 % респондентов уверены в том, что не всегда обязательства можно обеспечить законными средствами, но лишь 18 % готовы во имя выгоды нарушить закон. Однако число готовых нарушить закон во имя большой выгоды вырастает более чем в три раза и составляет 60 % [2].

Воздержание от действий, однако, не является лучшим вариантом правовой деятельности человека, поскольку оставляет неудовлетворенными его потребности в материальных и духовных благах. Премудрый пес-

карь М. Е. Салтыкова-Щедрина был скромнен в желаниях и воздержан в действиях, в результате оказывается: «Ведь этак, пожалуй, весь пискарый род давно перевелся бы». Поэтому активно действующий человек, желающий максимально полно пользоваться благами цивилизации, не может уподобляться премудрому пескарю, но и одновременно не желает исполнять нормы, не дающие ему достаточной пользы, прибыли, сопряженные с исполнением обременительных обязанностей. Он предпринимает попытки обойти действующие нормы и удовлетворить свои потребности с применением иных социальных норм, в том числе и теневого права.

Другой достаточно распространенной причиной обращения индивидов к социальным, неправовым нормам является пробельность позитивного частного права. Сложность и многообразие частноправовых отношений, находящихся к тому же в постоянной динамике, развитии, не позволяют создать систему законодательства, способную надлежащим образом урегулировать все возникающие по предмету частного права отношения. Непосредственная практика постоянно обнаруживает отношения, которые имеют явно правовой характер, но не охватываются действующим законодательством. С учетом этого обстоятельства, законодатель разрешает субъектам гражданского права при наличии пробелов в нормативном правовом регулировании использовать обычаи делового оборота, деловые обыкновения, не противоречащие закону.

Согласно ст. 5 ГК, обычаи признаются одним из источников гражданского права, в соответствии с которыми разрешается как заключать гражданскоправовые договоры, так и защищать основанные на этих обычаях права в суде. Ст. 6 ГК РФ прямо предписывает судам при разрешении конкретных дел руководствоваться обычаями и прибегать к аналогии закона лишь в случаях, когда отношения прямо не урегулированы законодательством и отсутствует применимый к ним обычай делового оборота. В трудовом праве рекомендуется широко использовать коллективные договоры, соглашения, а в семейном праве – заключать брачный договор.

Дефекты позитивного права индивид пытается преодолеть собственными силами, используя в этих целях социальные, неправовые нормы. Поиск норм права, позволяющих преодолеть дефекты закона, может вестись по двум направлениям. Первое направление составляет поиск социальных норм, способных обеспечить удовлетворение интереса в рамках действующего закона, оставаясь на правовой почве, тогда как второе – сводится к выявлению норм теневого права, ориентированных на совершение противоправных действий.

Важнейшей составной частью индивидуального права выступают нормы, сформулированные непосредственно индивидом и отражающие его представления об идеальном, желаемом праве. Хотя больших надежд на всестороннее и полное отражение в этих нормах действительного права возлагать не приходится, тем не менее именно это право является основным источником развития частного позитивного права, гарантом отражения в нем норм объективного права, задолго до того, как это сделает законодатель.

Как показывает ход истории человеческого общества и правовой науки, индивид, лишенный научного подхода к процессам и закономерностям развития права, способен точно отразить лишь несовершенство действующего буржуазного законодательства, имеющиеся в нем нарушения прав и свобод широких народных масс. Одновременно он не видит путей выхода из подобной ситуации и апеллирует к законодателю, его доброй воле, надеясь на его способность добровольно и последовательно изменить правовой статус основной массы населения в лучшую сторону в соответствии с их идеальными представлениями о действительном праве.

Современный индивид, благодаря средствам массовой информации и полученному образованию, знает о своих правах и свободах, закрепленных нормами международного права, и пытается представить себе, каким образом и в какой мере эти права могут и должны действовать в отношении него в условиях государства, гражданином которого он состоит. В процессе конкретизации всеобщих прав применительно к непосредственным условиям бытия индивид способен творить новые нормы права, проектировать конкретные новеллы, которые, по его мнению, наилучшим, оптимальным способом способны составить его правовой статус. О желании и способности индивида творить свое право убедительно свидетельствуют время от времени проводимые в России в условиях советского и современного государства обсуждения законопроектов с участием широких народных масс, многочисленные индивидуальные обращения в органы государства с предложениями изменить несовершенные, неэффективно действующие нормы права.

С 7 августа по 9 сентября 2010 г. в ходе всенародного обсуждения федерального закона «О полиции», гражданами было внесено около 20 тысяч предложений по его совершенствованию, изменению, а в проект федерального закона «Об образовании» – на конец июля 2011 г. более 11 тысяч предложений и поправок. Но все эти цифры меркнут на фоне активности советских граждан, внесших в 1977 г. более 400 тысяч предложений о конкретных поправках к проекту Конституции СССР.

В идеальном, желаемом индивидами праве, бесспорно, содержится немало наивного, далекого от требований объективного права. Этого недостатка не удастся избежать даже определенной части законодательных инициатив депутатов Государственной Думы и политиков, внесивших такие далекие от объективного права предложения, как разрешить в России многоженство, освободить предпринимателей от обязанности соблюдать требования трудового законодательства о рабочем времени и времени отдыха, исключить конфискацию имущества из системы мер уголовного наказания.

Степень идеализации существующего права и путей его реализации в конкретных отношениях зависит от социального положения индивида, его отношения к социальным слоям предпринимателей (среди которых выделяют класс собственников средств производства и средний класс), наемным работникам, продающим свою рабочую силу (рабочие, наемные сельскохозяйственные работники, специалисты и др.), и малоимущим.

К идеализации существующего строя склонны чаще всего предприниматели, которые в действующем законодательстве находят защиту сво-

их имущественных прав и достаточно широкую степень свободы пользования и готовы стойко защищать его от критики и каких-либо попыток его изменения. Кредо этого социального слоя весьма точно отразил Устав Российского союза промышленников и предпринимателей, закрепив в качестве основных целей союза защиту собственности, свободы предпринимательства, развитие и поддержку деловой активности, высокого социального статуса предпринимателей, укрепление социальной роли и позитивной репутации отечественного бизнеса.

В то же время право предпринимателей может критически относиться к действующему позитивному праву в части норм и институтов, создающих искусственные преграды на пути реализации их прав и свобод, предусматривающих высокую шкалу налога, имеющих пробелы, противоречия и иные правотворческие ошибки. Соответственно в этой части норм предприниматели формируют собственные представления о желательном, идеальном праве, ищут оригинальные пути реализации своих имущественных прав и свобод и воплощают идеал своих правовых требований в программах партий либо специальных документах общественных объединений.

Класс наемных работников менее всего удовлетворен существующим законодательством, закрепляющим их отношение к средствам производства и способам распределения материальных благ. Наиболее остро коллективный правовой конфликт возникает в период экономических кризисов, когда материальные ресурсы собственников умяляются, а недостаток доходов они пытаются возместить за счет наемных работников, урезанием их заработной платы и иных социальных льгот.

Идеальное, желаемое право наемных работников и малоимущих может отходить от позитивного права не только в отдельных частных правах и институтах, но и нормах, закрепляющих экономические, социальные и политические основы общества. Определенная часть работников наемного труда желает создать экономический и политический строй, основанный на государственной, общественной собственности на средства производства и более справедливых способах распределения материальных и духовных благ. Поэтому их идеалы кардинальным образом отличаются от буржуазного позитивного права и выражаются в программе коммунистических и социалистических партий, экономические требования работников выражаются также разного рода документами, принимаемыми профсоюзными органами и иными общественными организациями.

Так, Коммунистическая партия РФ в своей предвыборной в Государственную Думу программе признала необходимым вернуть в Россию из зарубежных банков государственные финансовые резервы, использовать их на экономическое и социальное развитие; осуществить срочную программу мер по борьбе с бедностью; ввести государственный контроль над ценами на товары первой необходимости. Кроме того, предлагалось ввести прогрессивную шкалу налогообложения; освободить от уплаты налогов граждан с низкими доходами; повысить эффективность системы государственного управления; сократить число чиновников; расширить права трудовых коллективов и профсоюзов.

Общие идеалы права отдельных социальных слоев дополняются и конкретизируются правилами, требованиями, которые формулирует каж-

дый индивид самостоятельно с учетом условий его непосредственного бытия, уровня правовой культуры и ценностных ориентаций, правовых установок. Объектом индивидуальных представлений о желаемом идеальном праве могут быть правомерные действия либо противоправные деяния.

Индивид с установками на правомерное поведение идеал своего права видит в нормах, способных полно и четко закреплять его права и свободы, создавать действенный механизм их реализации в конкретных отношениях, которые он формулирует самостоятельно. Идеальными нормами могут быть заменены любые положения позитивного частного права, оцениваемые индивидом негативно, тогда как содержание формируемых им норм может быть самым различным: соответствовать требованиям объективного права либо, как и критикуемое позитивное право, выступать еще одним вариантом его превращенной формы.

Для того чтобы одобренное позитивное и социальное право, а также изобретенные новеллы могли получить воплощение в конкретных правоотношениях, индивиду приходится формулировать предписания, позволяющие ему конкретизировать порядок и последовательность использования общих норм в планируемом конкретном правоотношении. Соответственно, известное и одобренное индивидом позитивное право дополняется и развивается им в конкретных нормативных предписаниях, благодаря чему абстрактное право обретает форму конкретного правоотношения, не утрачивая своей всеобщности и обязательности.

Значительная часть правоположений, разрабатываемых индивидом в процессе проектирования конкретных правоотношений, представляет собой процессуальные нормы, определяющие порядок и последовательность его действия в качестве участника этого правоотношения. Отсутствие в частном праве процессуальных норм отнюдь не означает того, что такие нормы вообще не существуют и частноправовые отношения возникают и развиваются спонтанно, стихийно, без четкой их регламентации. А. А. Павлушина, обосновывая универсальный характер процессуального правоотношения, справедливо отметила, что всякое правоотношение «всегда представлено как процессуально-правовой, так и материально-правовой стороной своей». Ни в одной из сфер прав «мы принципиально не можем обнаружить правовой связи субъектов, сводимой лишь к ее процедурной или материально-правовой стороне» [4, с. 448, 449]. Гражданское, трудовое и семейное право, будучи материальными отраслями права, содержат процессуальные нормы в случаях, когда совершение определенных действий является необходимым условием возникновения, изменения или прекращения конкретного правоотношения. В остальных случаях формирование процессуальных норм, определяющих последовательность и порядок взаимодействия участников частного правового отношения, входит в их обязанности и осуществляется по их усмотрению. Именно им индивид уделяет первостепенное внимание, определяя свои действия в процессе вступления в конкретное правоотношение, хотя им могут формулироваться и правоположения по вопросам материального права.

Нормы, используемые на стадии индивидуального правоприменения, по источникам их получения можно подразделить на три вида: обычное право, деловые обыкновения и нормы, сформулированные самим индивидом.

Обычное право состоит из норм, закрепляющих наиболее распространенные бытовые отношения. Знания об этих нормах индивид получил в процессе семейного воспитания и непосредственной практической деятельности. Это, например, принципы и наиболее распространенные нормы гражданского права, знаемые с самого раннего детства: 1) чтобы купить что-то, нужно оплатить продавцу стоимость покупки; торговаться о цене можно только на рынке с собственником товара; 2) покупатель имеет право выбора покупаемого товара; 3) проданная вещь должна быть качественной и выполнять свои функции; 4) весовой товар должен иметь вес, заказанный покупателем и т.д. Большая часть населения России не только не читала, но и не держала в руках ГК РФ, иных законов, но действует юридически грамотно в договорах купли-продажи, мены, дарения, займа, перевозки на городском транспорте, основывая свои правовые притязания в соответствии знаемыми ими нормами обычного права. Без Гражданского кодекса обходится и стадия прекращения правоотношения, если каждая из сторон полностью выполнила свои обязательства.

Деловые обыкновения использует индивид, когда ему приходится продумывать порядок вступления в какое-либо новое или весьма редкое для него правоотношение (регистрация брака, покупка автомобиля, земельного участка, дачи). Руководствуясь деловыми обыкновениями, индивид определяет последовательность и порядок своих действий: к кому непосредственно ему следует обращаться с предложением о вступлении в правоотношение, какие необходимо иметь документы, где и каким образом он может получить консультации относительно качественных особенностей объекта правоотношения, какие могут возникнуть осложнения при заключении договора и каким образом их следует преодолевать.

Правоположения, формулируемые индивидом, завершают процесс формирования его правовых представлений о том, каким образом он должен действовать, чтобы вступить в правоотношение и успешно завершить его. Общие абстрактные нормы права, иные социальные нормы переведены им на конкретный уровень. Индивид знает, кто конкретно может стать другим участником планируемого правоотношения, какая конкретно вещь или услуга способна удовлетворить его потребность, какими будут права и обязанности участников этого отношения. Словом, на уровне индивидуального права человек имеет для себя четкие и ясные представления о том, каким должны быть его правомерные действия, позволяющие ему успешно вступить в конкретное правоотношение и столь же успешно завершить его, овладев благом, способным удовлетворить его потребность.

Таким образом, все уровни индивидуального права находятся между собой в логически последовательной иерархической взаимосвязи. Принципы права и морали выступают критерием оценки норм позитивного права, основанием их дифференциации на положительные, одобряемые индивидом, и отрицательные, оставляемые за пределами индивидуального права. На базе знаемых и одобряемых норм права или иных социальных норм индивид осуществляет правоприменительную деятельность, формирует правила осуществления своих действий в конкретных правоотношениях.

Отсутствие коллизий между названными уровнями индивидуального права объясняется тем, что его источником выступает один и тот же субъект, стремящийся мыслить последовательно и логично, не допускать противоречий. В результате логически правильное мышление индивида, если оно не допускает промахов, обеспечивает последовательный ход развития мысли, соединяет в единое целое общие и конкретные положения, гарантирует правильность выводов суждений и умозаключений. Имеющиеся в системе позитивного права коллизии индивид успешно преодолевает тем, что не включает в систему своего права ту совокупность коллидирующих норм, которую он оценивает негативно как не соответствующую его представлениям о совершенном, идеальном праве.

Сказанное не исключает коллизий между нормами права, принадлежащими к разным правовым формам, например, позитивному и теневого праву. Наличие в индивидуальном праве одновременно норм позитивного и теневого права свидетельствует о неустойчивости ценных ориентаций личности, о его намерении действовать, как правило, правомерно, а по необходимости не останавливаться перед совершением им противоправных деяний. Коллизии между правовыми формами носят, однако, внешний характер и не отменяют тезиса о логической согласованности норм внутри этих систем. Внешнее противоречие между нормами позитивного и теневого права разрешается отрицанием одной из этих систем: индивид либо действует правомерно, опираясь на нормы позитивного права, иные социальные нормы, либо противоправно, используя нормы теневого права.

Более сложным предстает вопрос об императивных нормах частного права, которым индивид дает негативную оценку, но вынужден их исполнять под страхом недействительности совершенных действий или привлечения к юридической ответственности. Например, далеко не всякий предприниматель может быть доволен сложным и длительным порядком регистрации юридических лиц, нотариального удостоверения сделок; определенные нарекания индивидов вызывают нормы, закрепляющие порядок возмещения вреда, причиненного источником повышенной опасности, морального вреда и т.д. Входят ли эти нормы в систему индивидуального права?

По нашему мнению, факт исполнения императивных норм частного права, оцениваемых индивидом негативно, не дает оснований для признания их частью индивидуального права. В данном случае отсутствует солидарность воли субъекта и государства, право по этому вопросу субъект хотел бы видеть иным, хотя он может и не иметь точных представлений, каким должно быть желаемое право. Индивид не стал бы соответствующими нормами права исполнять добровольно, без угрозы государственного принуждения. А там, где есть принуждение, отсутствует личная воля действующего субъекта, соответственно нет и индивидуального права. Субъект подчиняется государственному принуждению постольку, поскольку не видит иного выхода, а потому при первой же возможности он постарается обойти императивные нормы, найти для себя такой вариант правовой деятельности, который полностью соответствовал бы его воле, интересам и потребностям.

Заключение

Таким образом, индивидуальное право – это система принципов и норм позитивного и социального права, которую человек одобряет и добровольно использует в конкретных правоотношениях, а также совокупность правовых положений, формулируемых им самостоятельно в процессе конкретизации, уточнения общих норм права с учетом особенностей планируемых конкретных правоотношений. Право, реализуемое под страхом государственного принуждения, предстает перед индивидом как обязанность и потому не входит в содержание его личного, непосредственного права.

Список литературы

1. **Жевакин С. Н.** Правовая социализация личности в контексте проблем преобразования российского общества. Воронеж: Воронеж. высш. шк. МВД России, 1995. 95 с.
2. **Каландаришвили З. Н.** Правовая культура молодежи современного российского общества. Теоретико-правовой анализ. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права, 2011. 268 с.
3. **Мальцев Г. В.** Нравственные основания права. М.: НОРМА, 2008. 550 с.
4. **Павлушина А. А.** Теория юридического процесса: проблемы, перспективы развития: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Самара, 2005. 459 с.
5. **Смоленский М. Б., Дунаева Н. Н.** Правовая культура и правовая личность в контексте российской государственности. Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. экон. ун-та «РИНХ», 2002. 120 с.

References

1. **Zhevakin S.N.** *Pravovaya sotsializatsiya lichnosti v kontekste problem preobrazovaniya rossiyskogo obshchestva* [Legal socialization of personality in the context of the problems of transformation of the Russian society], Voronezh: Voronezhskaya vysshaya shkola MVD Rossii, 1995, 95 p. (In Russ.)
2. **Kalandarishvili Z.N.** *Pravovaya kul'tura molodezhi sovremennogo rossiyskogo obshchestva. Teoretiko-pravovoy analiz* [Legal culture of the youth of modern Russian society. Theoretical and legal analysis], St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo instituta vneshneekonomicheskikh svyazey, ekonomiki i prava, 2011, 268 p. (In Russ.)
3. **Mal'tsev G.V.** *Nravstvennyye osnovaniya prava* [Moral foundations of law], Moscow: NORMA, 2008, 550 p. (In Russ.)
4. **Pavlushina A.A.** *PhD Dissertation (Law)*, Samara, 2005, 459 p. (In Russ.)
5. **Smolenskiy M.B., Dunayeva N.N.** *Pravovaya kul'tura i pravovaya lichnost' v kontekste rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal culture and legal personality in the context of Russian statehood], Rostov n/D: Izdatel'stvo Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo univrsiteteta «RINKH», 2002, 120 p. (In Russ.)

The Concept and Structure of Individual Law

V. M. Strykh, Doctor of Law, Professor,
Department of Theory and History of Law and Judicial Power,
Russian State University of Justice, Moscow, Russia;
2707xyz@mail.ru

An attempt is made to show that the presentation of the general theory of law about positive law as the only form of expression of law is debatable. Along with it, there is a right of an individual - an individual right, which represents the second independent and universal form of law. Individual law is based on positive law, but is not identified with it. Individual law consists only of those norms of positive law that the individual assesses positively and is ready to implement in specific legal relationships. In addition, the individual law also includes the legal provisions that the individual develops in the process of concretization of the norms of law in relation to the peculiarities of specific legal relations. In the mechanism of law-realization, individual law is represented by the means of translating the norms of positive law into concrete legal relations. Outside of individual rights, which are ready to translate abstract norms of positive law into legal relations, positive law is transformed into a dead, inactive law.

Keywords: positive law; norms of law; individual law; legal conscience; customary law; imperative norms; legal infantilism; concrete legal relations, the realization of law.

© В. М. Сырых, 2019

Статья поступила в редакцию 15.03.2019

При цитировании использовать:

Сырых В. М. Понятие и структура индивидуального права // Право: история и современность. 2019. № 2. С. 28 – 42. doi: 10.17277/pravo.2019.02.pp.028-042

Показаны особенности рассмотрения уголовных дел в апелляционной инстанции. Актуальность исследования обусловлена тем, что в Федеральном законе от 29 декабря 2010 г. № 433 апелляционный пересмотр судебных решений по уголовным делам претерпел существенные изменения, требующие глубокого осмысления с учетом последних достижений науки, продолжающегося законотворческого процесса и формирующейся судебной практики. Ценность исследования состоит в призыве к научной дискуссии по рассматриваемым в ней проблемам, связанным с этапами апелляционного производства, а также попытке дать ответы на актуальные вопросы, возникающие на практике и требующие немедленного разрешения.

Ключевые слова: апелляция; апелляционное производство; апелляционная жалоба (представление); первая инстанции; суд апелляционной инстанции; уголовное дело.

Елена Васильевна Бурцева, канд. пед. наук, доцент,
кафедра «Уголовное право и прикладная информатика
в юриспруденции», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
технический университет», Тамбов, Россия;
ev-t.61@mail.ru

Светлана Валентиновна Медведева, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра «Уголовное право и прикладная информатика
в юриспруденции», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
технический университет», Тамбов, Россия;
sv-medvedeva@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ АПЕЛЛЯЦИИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

Введение

Проведенные в 2010 году изменения уголовного процессуального законодательства, а именно введение в УПК Российской Федерации главы «Производство в суде апелляционной инстанции» (45.1), и вступление ее в силу с января 2013 года, значительно расширило возможности апелляционного обжалования. Теперь уголовное процессуальное законодательство позволяет подавать апелляционные жалобы (и/или представления) на не вступившие в законную силу решения, принятые всеми судами первой инстанции. Также изменился порядок обжалования и пересмотра данных решений.

Модернизации производства в суде апелляционной инстанции служат формирование в России апелляционных и кассационных судов общей

юрисдикции и принятая Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013 – 2020 годы».

Апелляционное производство по уголовным делам совершенствуется с каждым годом, однако на практике возникают проблемы, связанные с этапами его производства, которые объясняют целесообразность проведения дальнейшего исследования особенностей содержания норм гл. 45.1 УПК РФ и их применения.

Цель статьи – изучение особенностей этапов апелляционного порядка рассмотрения уголовных дел. Основная задача работы заключается в анализе имеющихся проблем при рассмотрении уголовных дел в апелляционном порядке и выработке предложений по их минимизации.

Методы

При написании статьи использовались обще- и частнонаучные методы познания. Для рассмотрения этапов апелляционного пересмотра уголовных дел применялись методы анализа, синтеза, а также логический и системный методы.

Обсуждение

В правовом государстве правосудие осуществляется только судом, однако судебное решение не всегда совершенно и правильно. Любая деятельность человека, в том числе и судебная, не исключает ошибок. От возможности судебных ошибок в полной мере не могут гарантировать ни совершенство процессуального законодательства, ни опыт судей, ни их квалификация.

Поэтому, соглашаясь с мнением исследователей [3, с. 1056–1057], считаем, что любая уголовно-процессуальная система должна иметь «механизм пересмотра приговоров». Для этого и созданы суды второй инстанции, другими словами – суды апелляционной инстанции. По определению, закрепленному ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ «апелляционной инстанцией является суд, который рассматривает в апелляционном порядке уголовные дела по жалобам и представлениям на не вступившие в законную силу приговоры, определения и постановления суда» [3, с. 1058].

Процессуальная форма апелляционного производства предполагает следующую последовательность действий.

1 этап. Направление управомоченным лицом апелляционной жалобы (представления) в предусмотренный законом срок. Данный срок по общему правилу составляет 10 суток, хотя законодательство предусматривает и исключения из данного правила.

Жалобу, представление необходимо подавать именно в тот суд, которым было вынесено обжалуемое судебное решение. На апелляцию подает лицо, заинтересованное в этом. В УПК РФ (ч. 1 ст. 389.6) закреплены требования, предъявляемые к содержанию апелляционной жалобы, представления (см. рис. 1).

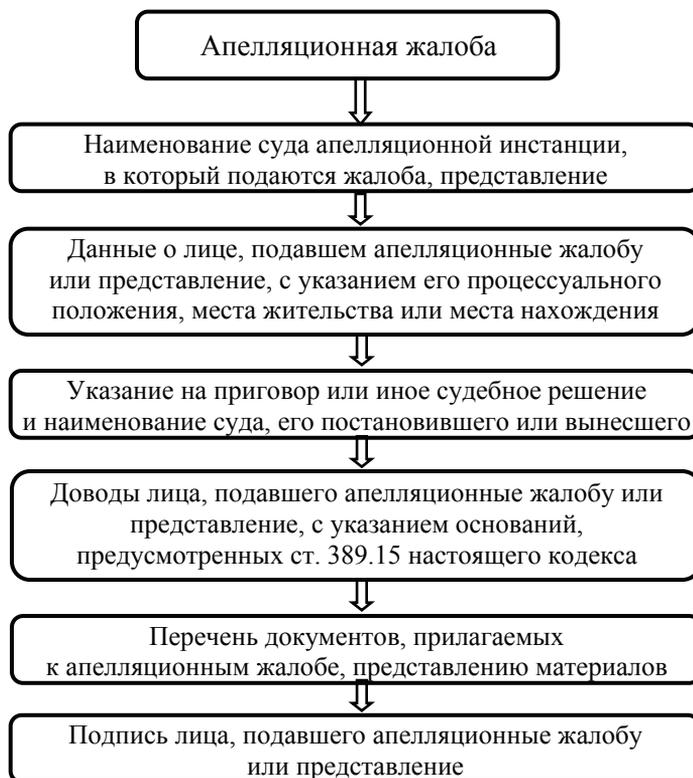

Рис. 1. Содержание апелляционной жалобы, представления

Причем части 1.1, 2 и 3 данной статьи содержат дополнительные требования, нарушение которых по ч. 4 указанной статьи является причиной возврата судьей данных бумаг лицу, инициирующему апелляционную жалобу или представление, для пересоставления документа. Если условия судьи не выполняются, жалоба считается не поданной.

Так, в перечень требований к апелляционной жалобе или представлению (ст. 389.6 УПК) законодателем введено условие неперемного указания «оснований, предусмотренных ст. 389.15 УПК РФ». Однако осужденный, оправданный, лицо, в отношении которого прекращено уголовное дело, или иное лицо, имеющее право на подачу апелляционной жалобы, могут не знать как правильно изложить основания отмены или изменения судебного решения, аргументировать свои доводы.

При этом практика показывает, что именно от этапа подачи жалобы во многом зависит решение уголовного дела и дальнейшая судьба его участников. В России, к сожалению, данный процесс в настоящее время является спорным, неурегулированным, поэтому порождает на практике множество неоднозначных ситуаций [4, с. 59 – 61; 6, с. 28]. Например, ст. 389.6 УПК РФ устанавливает жесткие требования к содержанию апелляционной жалобы, представления. При этом на практике нередки случаи, когда жалоба по формальным признакам соответствует требованиям УПК, а по содержанию никаких весомых доводов и аргументов в их обосновании не отражает [2, с. 77]. Или, наоборот, не соответствует формальным требованиям. Так, по словам начальника отдела секретариата Европей-

ского суда по правам человека О. Чернышовой «более 90 % дел из России признаются неприемлимыми ... в связи с неисполнением формальных требований к оформлению жалоб» [5].

2 этап. Извещение заинтересованных лиц о поступивших жалобах. Статья 389.7 УПК РФ обязывает суд, вынесший решение по уголовному делу, извещать лиц, перечисленных в ст. 389.1 о принесенных в данный суд апелляционных жалобе, представлении, если они касаются интересов данных лиц. Кроме того, суд должен разъяснять лицам, имеющим право на апелляционную жалобу (представление), что они имеют право подать (в письменном виде) возражения на жалобы и представления, а также обязан направить им копии данных материалов уголовного дела, то есть всех полученных жалоб (представлений) и возражений на них. На суд, осуществляющий апелляционное производство, возложена обязанность, как отмечается в п. 35 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», «известить заинтересованных в этом участников уголовного судопроизводства, даже если они не участвовали в судебном заседании суда первой инстанции, о дне рассмотрения дела. Иначе судебное заседание должно быть отложено» [3].

Жалобы или представления от лиц, не наделенных на это правом по ст. 389.1, судом не принимаются (п. 3 ст. 389.8). Лицо, подавшее жалобу или представление, имеет право ее отозвать, однако это необходимо сделать до начала заседания по уголовному делу. В таком случае, то есть если сроки отзыва жалобы не нарушены, апелляционное производство по данному делу осуществляться не будет.

Когда апелляционное производство по делу в суде уже началось, отзыв жалобы становится невозможным.

3 этап. Направление уголовного дела судом первой инстанции в вышестоящий суд. После того как подана апелляционная жалоба, представление, реализация приговора приостанавливается, и пока не закончится установленный законом срок обжалования, материалы дела находятся в суде первой инстанции. После завершения указанного срока суд первой инстанции обязан (ч. 2 ст. 389.8) направить уголовное дело, а также имеющиеся по нему жалобу или представление, а также возражения на них в суд апелляционной инстанции. Он должен уведомить об этом стороны по делу. При этом в передаваемых материалах дела должна быть сделана запись об извещении сторон и всех заинтересованных лиц о факте направления данных материалов в суд апелляционной инстанции. При отсутствии в уголовном деле таких сведений, оно возвращается в суд первой инстанции. Данное извещение имеет важное для апелляционного производства значение, так как лицо, подавшее жалобу, представление, вправе отозвать их только до начала заседания суда.

Однако в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует указание срока, в течение которого суд, получивший апелляционную жалобу или представление на свое решение по делу, должен направить его в суд апелляционной инстанции. Считаем, что данный пробел законодательства создает почву для судебной волокиты, то есть приводит к не всегда обоснованному увеличению срока передачи дела и жалобы или представления по нему в суд апелляционной инстанции.

4 этап. Подготовка к апелляционному рассмотрению уголовного дела. Поступившие в суд апелляционной инстанции материалы уголовного дела, в том числе жалобы (или представления), должны быть обязательно зарегистрированы и только после этого направлены председателю суда для распределения.

После знакомства с делом председатель поручает определенному им судьей производство по переданному им на апелляцию уголовному делу. От того, насколько правильно определен судья, от его специализации, компетенции, а также и фактической загруженности данного судьи будет напрямую зависеть результат рассматриваемого дела. Поэтому вопрос распределения дел является немаловажным и требует повышенной ответственности.

Такая необходимость объясняется тем, что судья, назначенный для рассмотрения апелляционной жалобы или представления, должен в установленный срок и качественно решить все вопросы и качественно подготовить судебное заседание.

После назначения и передачи материалов по уголовному делу данный судья занимается вопросами подготовки и назначения судебного заседания апелляционной инстанции.

Судья суда апелляционной инстанции, получив дело с апелляционной жалобой либо представлением, приступает к его тщательному изучению. Чтобы назначить дело к рассмотрению, необходимо решить целый ряд вопросов, закрепленных ст. 389.11, которые указываются в выносимом судьей постановлении о назначении судебного заседания (см. рис. 2).

Следовательно, вызов судьей сторон по уголовному делу на заседание суда апелляционной инстанции теперь является его обязанностью, без исполнения которой не может быть вынесено законное постановление о назначении заседания суда.

Положение свидетелей, экспертов определяется их ролью в судопроизводстве первой инстанции, в том случае, когда они давали показания или экспертное заключение в суде первой инстанции, их необходимо вызвать и в апелляционную инстанцию. Но если речь идет о новых свидетелях и(или) экспертах и других лицах, заявленных в жалобе, представлении или возражении какой-либо из сторон, то только судья имеет право решать вопрос об их вызове в судебное заседание, исходя из обоснованности заявленного ходатайства (п. 2 ч. 1 ст. 389.11).

Содержание постановления о назначении судебного заседания			
1. О месте, дате и времени начала рассмотрения уголовного дела	2. О вызове в судебное заседание сторон, а также в соответствии с ходатайством стороны, заявленным в жалобе или представлении, свидетелей, экспертов и других лиц, если признает данное ходатайство обоснованным	3. О рассмотрении уголовного дела в закрытом заседании в случаях, предусмотренных статьей 241 УПК	4. О форме участия в судебном заседании осужденного, содержащегося под стражей

Рис. 2. Вопросы, разрешающиеся в постановлении о назначении судебного заседания

Так как закон закрепляет за судом право вызова новых свидетелей, для идеальной картины апелляционного производства необходимо, чтобы судья тщательно изучил поступившие на апелляцию материалы дела и правильно определил круг лиц, необходимых для вызова в судебное заседание. Разумно, чтобы в судебном заседании смогли участвовать все лица, которые могут предоставить какую-либо информацию по обжалуемому решению, например, свидетели, специалисты и т.п.

5 этап. Проверка в судебном заседании вынесенного судебного решения по правилам суда первой инстанции.

Уголовные дела в апелляционном порядке могут быть рассмотрены как судьей единолично, так и коллегией из трех судей (ч. 3 ст. 30 УПК РФ).

Единолично апелляционное производство осуществляют: судья районного суда – по итоговым и промежуточным решениям мировых судей; судья областного (краевого) суда – по промежуточным решениям районного суда и итоговым решениям по делам о преступлениях небольшой или средней тяжести; судья Верховного Суда РФ – по итоговым решениям по делам о преступлениях небольшой или средней тяжести.

Рассмотрение судом апелляционной инстанции апелляционной жалобы, представления происходит по общим нормам, предусмотренным уголовно-процессуальным законодательством России, но с особенностями, установленными гл. 45.1 «Производство в суде апелляционной инстанции». Таким образом, рассматривая дело по правилам суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции, по сути, является поверочной инстанцией.

6 этап. Принятие итогового решения; обжалование принятого судебного решения. В апелляционной инстанции действует ревизионное начало: суд вправе проверить дело (решение по делу) полностью, несмотря на исходные положения и доводы апелляционной жалобы (или представления). Однако суд апелляционной инстанции не может ухудшить положение осужденного, оправданного, то есть совершить так называемый поворот к худшему. Как указывают А. С. Александров, Н. Н. Ковтун, «несомненным достоинством апелляции в сравнении с порядком кассационным, традиционно приводится то обстоятельство, что указанный суд не только вправе, но и обязан самостоятельно исправить все неправильности приговора, обжалуемого в суд апелляционной инстанции, постановив в итоге новое судебное решение, совершенно заменяющее собой предыдущее» [1, с. 49].

Пределы апелляционного пересмотра могут быть охарактеризованы через перечень решений, которые вынесет уполномоченный суд.

Как следует из ст. 389.20 УПК РФ, в апелляционной инстанции: первоначальное решение может быть оставлено в силе; решение может быть отменено, уголовное дело – прекращено; решение может быть отменено, уголовное дело – передано в суд первой инстанции или возвращено прокурору; в решение суда могут быть внесены изменения; обвинительный приговор может быть отменен как с последующим оправданием подсудимого, так и с осуждением; оправдательный приговор может быть отменен с оправданием по другому основанию; определение (постановление) может быть отменено с постановлением оправдательного приговора или другого решения; апелляционное производство может быть прекращено.

Заключение

Таким образом, процессуальная форма апелляционного производства предполагает следующую последовательность действий: направление управомоченным лицом апелляционной жалобы (представления) в предусмотренный законом срок; извещение заинтересованных лиц о поступивших жалобах; направление уголовного дела судом первой инстанции в вышестоящий суд; подготовка к апелляционному рассмотрению уголовного дела; непосредственная проверка в судебном заседании вынесенного судебного решения по правилам суда первой инстанции; принятие итогового решения.

Как показывает анализ практики, решение уголовного дела, а значит дальнейшая судьба его участников, во многом зависит от этапа подачи жалобы. В России, к сожалению, данный процесс в настоящее время является спорным, неурегулированным, поэтому порождает на практике множество неоднозначных ситуаций. Для решения данной проблемы предлагаем разработать и создать единый шаблон апелляционной жалобы, учитывающий требования к ее структуре и содержанию. Это позволит лицам, подающим жалобу, избежать грубых ошибок при ее написании, изложить информацию более грамотно, а, следовательно, облегчит судьям процесс ознакомления с жалобой и восприятие ее сути.

Полагаем, что отнесение к усмотрению суда вопроса вызова в судебное заседание, заявленных сторонами в жалобе или представлении свидетелей, экспертов и других лиц, противоречит идее состязательности, а также цели апелляции, заключающейся в том, что сторона, несогласная с решением, принятым судом первой инстанции, и подавшая жалобу или представление, должна сама определять объем пересмотра дела. Поэтому лицо, подавшее жалобу (представление), должно уметь как можно более убедительно обосновывать необходимость исследования в суде конкретных доказательств и вызова для этого нужных лиц.

Список литературы

1. **Александров А. С., Ковтун Н. Н.** Апелляционное производство в уголовном процессе России: учеб. пособие. Н. Новгород: Нижегородский юридический институт МВД России, 2000. 84 с.
2. **Корнелюк О. В., Ахмалетдинова А. Г.** Некоторые проблемы подачи и рассмотрения апелляционной жалобы в уголовном процессе России // *Инновационная наука*. 2017. № 06. С. 77 – 79.
3. **Курс** уголовного процесса / под ред. д. ю. н., проф. Л. В. Головки. М.: Саттут, 2016. 1278 с.
4. **Романова А. А.** Современное апелляционное производство в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Н. Новгород, 2017. 230 с.
5. **Россия** занимает второе место по количеству жалоб в ЕСПЧ // *РИА Новости*. 2016. 7 апреля [сайт]: МИА «Россия сегодня» [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20160407/1404469635.html> (дата обращения: 25.02.2019).
6. **Смирнов В. П., Кудрявцева А. В.** Широта и свобода обжалования как общее условие апелляционного производства в уголовном процессе России // *Вестник ЮУрГУ (Сер.: Право)*. 2013. Т. 13. С. 28 – 37.

References

1. **Aleksandrov A.S., Kovtun N.N.** *Apellyatsionnoye proizvodstvo v ugovnom protsesse Rossii* [Appeal proceedings in the criminal process in Russia], Nizhnii Novgorod: Nizhegorodskiy yuridicheskii institut MVD Rossii, 2000, 84 p. (In Russ.)
2. **Kornelyuk O.V., Akhmaletdinova A.G.** [Some problems of filing and consideration of an appeal in the criminal process in Russia], *Innovatsionnaya nauka* [Innovation Science], 2017, no. 06, pp. 77-79. (In Russ.)
3. **Golovko L.V.** (Ed.). *Kurs ugovnogo protsessa* [The course of the criminal process], Moscow: Satut, 2016, 1278 p. (In Russ.)
4. **Romanova A.A.** *PhD Dissertation (Law)*, Nizhnii Novgorod, 2017, 230 p. (In Russ.)
5. **available at:** <https://ria.ru/20160407/1404469635.html> (accessed: 25 February 2019).
6. **Smirnov V.P., Kudryavtseva A.V.** [Latitude and freedom of appeal as a general condition of appeal proceedings in the criminal process in Russia], *Vestnik YUUrGU (Ser.: Pravo)* [SUSU Bulletin (Law Series)], 2013, vol. 13, pp. 28-37. (In Russ.)

Problems of Appeal Claim in the Criminal Law of Russia

E. V. Burtseva, *Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Criminal Law and Applied Informatics in Jurisprudence, Tambov State Technical University, Tambov, Russia;*
ev-t.61@mail.ru

S. V. Medvedeva, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Criminal Law and Applied Informatics in Jurisprudence, Tambov State Technical University, Tambov, Russia;*
sv-medvedeva@mail.ru

The paper considers the features of criminal cases in the appeals instance. The relevance of the study is due to the fact that in the criminal cases underwent significant changes that require in-depth understanding, taking into account the latest achievements of science, the ongoing law-making process and the emerging judicial practice. The research raises the issues related to the stages of appeal proceedings, and attempts to give answers to topical issues that arise in practice and require immediate resolution.

Keywords: appeal; appeal proceedings; appeal claim; first instance; court of appeal; criminal case.

© E. В. Бурцева, 2019

© С. В. Медведева, 2019

Статья поступила в редакцию 16.02.2019

При цитировании использовать:

Бурцева Е. В., Медведева С. В. Проблемы апелляции в уголовном законодательстве России // *Право: история и современность*. 2019. № 2. С. 43 – 50. doi: 10.17277/pravo.2019.02.pp.043-050

Актуальность статьи заключается в наличии спорных вопросов при выявлении всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания по конкретному уголовному делу. Успешность установления подобных обстоятельств зависит не только от рациональной и систематической работы органов расследования и суда, но и от типичных следственных ошибок при выявлении приоритета одних обстоятельств, входящих в предмет доказывания над другими. Разделение предмета доказывания по уголовному делу на различные приоритеты привело к тому, что правоохранные органы формально относятся к процессу выявления обстоятельств, способствующих совершению преступления, ограничиваясь в рамках уголовного дела вынесением представления об устранении явных причин и условий преступления. Нередко процессуальные действия по их выявлению даже не входят в план расследования по уголовному делу и не отражаются в проводимых следственных мероприятиях. В статье поставлена цель, изучить существующие проблемы в области выявления обстоятельств, способствующих совершению преступлений. Основной задачей написания данной статьи является обоснование необходимости надления обстоятельством, способствовавшим совершению преступлений соответствующей уголовно-процессуальной связью с другими элементами предмета доказывания.

Ключевые слова: предмет доказывания по уголовному делу; императивный элемент; обстоятельства, способствующие совершению преступления; уголовно-процессуальная профилактика.

Михаил Александрович Желудков, д-р юрид. наук, доцент, профессор, кафедра «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», Тамбов, Россия; kandydat1@yandex.ru

Юлия Сергеевна Андрианова, магистрант, кафедра «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», Тамбов, Россия; yulechka.09@mail.ru

ОБОСНОВАНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ ПРИЗНАНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СПОСОБСТВУЮЩИХ СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ИМПЕРАТИВНЫМ ЭЛЕМЕНТОМ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Введение

При осуществлении уголовно-процессуальной деятельности по конкретному уголовному делу существенное внимание уделяется соблюдению прав и свобод участников уголовного процесса. «Каждый преступник

должен знать, что за совершенное им преступление неуклонно последует реальное наказание, а каждый гражданин должен быть уверен в справедливости и гуманности этого наказания при его защите от преступников. Исторический опыт убедительно доказывает, что на первое место необходимо ставить не интересы государства и его правоохранных структур, а идеологию защиты человека, прав и законных интересов личности» [1, с. 15–16]. В этой связи очень важной проблемой в расследовании конкретных преступлений является выявление всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания по конкретному уголовному делу. Успешность установления подобных обстоятельств зависит не только от рациональной и систематической работы органов расследования и суда, но и от типичных следственных ошибок при выявлении приоритета одних обстоятельств, входящих в предмет доказывания над другими. В части 1 ст. 73 УПК РФ законодатель выделил основные элементы доказывания по уголовному делу, но по неизвестной причине отдельно указал на необходимость выявления обстоятельств, способствующих совершению преступления. Приведем норму данной статьи в сокращенном объеме: «При производстве по уголовному делу подлежат доказыванию:

1) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления);

2) виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы»¹ и другие обстоятельства, предусмотренные частью этой статьи.

Однако по неизвестным причинам законодатель не включил в первую часть данной статьи положение о том, что «подлежат выявлению также обстоятельства, способствовавшие совершению преступления»².

Подобное разделение привело к тому, что правоохранные органы формально относятся к процессу выявления обстоятельств, способствующих совершению преступления, ограничиваясь в рамках уголовного дела вынесением представления об устранении явных причин и условий преступления. Нередко процессуальные действия по их выявлению даже не входят в план расследования по уголовному делу и не отражаются в проводимых следственных мероприятиях. Например, по данным статистики МВД РФ: «В январе – июле 2018 года зарегистрирован 1 млн 158 тыс. преступлений. Из них в производстве дознавателей органов внутренних дел находилось 606 968 уголовных дел. Внесены представления по устранению причин и условий, способствовавших совершению преступлений, по 95,6 % уголовных дел от числа оконченных» [3].

Цифры вынесенных представлений дознавателями достаточно существенные. Однако обратим внимание на то, что представление об устранении обстоятельств, способствующих совершению преступлений, выносилось только по уголовным делам непосредственно по окончании производства расследования, а не при установлении истины по каждому из данных преступлений, где присутствуют различные детерминанты преступно-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 года № 174-ФЗ [Электронный документ]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/8df922a844472bdc48ce6de290804580038fc834 (дата обращения 19.02.2019).

² Там же.

сти. Нигде не отражена статистика о том, что по каждому из 1 млн 158 тыс. зарегистрированных преступлений были проведены необходимые следственные действия по установлению изучаемых обстоятельств и достигнуты уголовно-процессуальные меры профилактики по устранению выявленных причин и условий преступности.

В свою очередь обоснованно считаем, что вносимое дознавателем и следователем представление не должно становиться только отчетным мероприятием и свидетельством об окончании расследования уголовных дел. Оно должно иметь под собой профилактическую направленность, где правоохранительные органы получают юридическое основание для проверки устранения соответствующей организацией или должностным лицом обстоятельств, способствующих совершению преступлений. Целью данной работы является рассмотрение существующих проблем в области выявления обстоятельств, способствующих совершению преступлений. Основная задача написания данной статьи – обоснование необходимости наделения обстоятельств, способствовавших совершению преступления соответствующей уголовно-процессуальной связью с другими элементами предмета доказывания.

Методы

При написании статьи использованы общенаучные и частные методы научного познания при анализе проблемных вопросов выявления и доказывания обстоятельств, способствующих совершению преступления с учетом не только процессуальных элементов доказывания, но и обоснования необходимости принятия мер профилактического характера в отношении других, еще не совершенных преступлений.

Обсуждение

Полученные результаты основаны на том, что в обсуждении ученых по предмету доказывания и вхождении в его состав полноценным обстоятельством профилактики причин и условий преступности превалируют две позиции.

Первой позиции придерживаются ученые, которые считают, что обстоятельства, способствующие совершению преступления, должны выступать в качестве неотъемлемого элемента предмета доказывания. «Закон говорит о выявлении таких обстоятельств, однако это не означает, что они устанавливаются вне рамок доказывания» [6, с. 182].

В отдельных случаях предлагается императивный вариант в доказывании этих обстоятельств.

Другой стороной данного вопроса является явная профилактическая сторона деятельности данного обстоятельства, которая в уголовно-процессуальном аспекте имеет слабое содержательное наполнение.

Анализ различных категорий уголовных дел позволил установить отдельные проблемные стороны уголовно-процессуальной профилактики. Не обозначены: конкретные следственные действия для выявления подобных причин и условия, процессуальные формы оформления документов,

методы уголовно-процессуальной ответственности и процессуального сопровождения отчета по выполненным мероприятиям.

Можно возразить, что в соответствии с ч. 2 ст. 158 УПК РФ: «установив в ходе досудебного производства по уголовному делу обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь вправе внести в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу представление о принятии мер по устранению указанных обстоятельств или других нарушений закона. Данное представление подлежит рассмотрению с обязательным уведомлением о принятых мерах не позднее одного месяца со дня его вынесения» [5].

Следовательно, в нормах УПК РФ установлена обязанность должностных лиц организаций не только рассматривать данные обстоятельства, способствующие преступления, но и отправлять ответ с указанием об осуществленных мерах по устранению детерминантов преступности. Однако опрос сотрудников органов внутренних дел показывает, что полученный ответ на представления, вынесенные следователем или дознавателем, в большинстве случаев носит характер формальной отписки. В уголовном деле отсутствует возможность приобщения данного отчета и его последующей уголовно-процессуальной проверки. Также не предусмотрена уголовно-процессуальная ответственность за отказ или некачественное выполнение данной обязанности лицами, которые не являются участниками уголовного процесса [5].

Подобная ответственность закреплена только в ст. 17.7 КоАП РФ, где административное наказание налагается за умышленное невыполнение законных требований следователя, дознавателя. В случае умышленного уклонения должностного лица от устранения причин и условий, способствующих преступлению, непринятия мер по их устранению или непредставления уведомления, правоохранительные органы имеют право на заведение административного производства. Однако и в этом отношении присутствуют проблемные моменты. Прежде всего выделим основы взаимодействия различных органов дознания и следствия [4]. Например, представление об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления, выносит следователь Следственного комитета Российской Федерации, а протокол об административном нарушении составляет сотрудник органа дознания органа внутренних дел. По логике последующих действий уведомление об устранении обстоятельств, способствующих совершению преступлений, будет направлено в адрес следователя. Будет ли проверено фактическое исполнение данного представления, зависит только от следователя. В данном случае считаем необходимым создание специальной информационной базы данных по представлениям об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления, которые составляются следователями и дознавателями всех правоохранительных органов. «В идеальном случае средства доступа обеспечивают поиск и предоставление информации, соответствующей потребностям субъекта защиты, где бы он ни находился. Подразумевается, что данный субъект

со своего терминального устройства получает возможность “общаться” с информационными продуктами, базами данных при помощи специальных программных средств. В свою очередь, современные возможности доступа к информационным банкам данных в России нередко ограничены ведомственной принадлежностью и занимаемым должностным положением» [2, с. 313–314]. Подобную информационную базу данных целесообразно создать в рамках прокурорского надзора за деятельностью следователей и дознавателей на платформе информационных ресурсов Генеральной Прокуратуры Российской Федерации.

Указанные в законе обстоятельства, способствующие совершению преступлений, должны иметь на практике непосредственную связь с основными обстоятельствами предмета доказывания.

Наибольшее отражение элементов подобной связи прослеживается с обстоятельством события преступления, где возможно выделить не только окончание преступления, но и этапы приготовления и покушения к совершению преступного деяния. Поэтому очень важно в уголовном деле наиболее полно выявить все обстоятельства события на различных этапах, чтобы в последующем представление оказало более значительное воздействие на причины и условия совершения преступления.

Отразим и моменты того, что социальная обстановка на момент совершения преступного деяния глубоко воздействует на личность преступника и приобретает немаловажное значение в предмете доказывания. В отдельных ситуациях преступного деяния бывает сложно выяснить и установить конкретное должностное лицо или организацию, в отношении которых будет вынесено представление об устранении обстоятельств, способствующих совершению преступления. Однако не стоит забывать, что выявление и доказывание обстоятельств, способствующих совершению преступления, происходит не только по окончании расследования, но и в ходе всего производства по уголовному делу. Именно по этой причине необходимо своевременно выявлять все обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, и осуществлять поиск способов и средств оказания на него мер воспитательного воздействия.

Отметим и моменты того, что правильно выявленные обстоятельства, способствующих совершению преступления в рамках типовой категории дел, позволяет использовать соответствующие версии и при расследовании других преступлений.

Заключение

Таким образом, правильное и своевременное выявление и доказывание обстоятельств, способствующих совершению преступления, играют немаловажную роль в уголовно-процессуальном судопроизводстве. Поэтому существует насущная необходимость наделять обстоятельства, способствовавших совершению преступления, императивной связью с другими элементами предмета доказывания и соответствующей правовой системной основой уголовно-процессуальной профилактики. Считаем

необходимым создание специальной информационной базы данных по представлениям об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления, которая должна быть доступной для всех правоохранительных органов, осуществляющих предупреждение преступности в Российской Федерации.

Список литературы

1. **Желудков М. А.** Соотношение принципов гуманизма и справедливости при реализации мер по предупреждению преступности // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 4. С. 15 – 16.
2. **Желудков М. А.** Развитие системы криминологического обеспечения защиты личности и общества от корыстных преступлений против собственности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 477 с.
3. **Состояние преступности в России за январь – июль 2018 года** [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/мвд/structure1/Upravlenija/Upravlenie_po_organizacii_doznaniya/Publikacii_i_vistupleniya/item/14204096/ (дата обращения 19.02.2019).
4. **Медведева С. В., Ментюкова М. А.** Особенности классификации и состава обстоятельств, исключающих правовую ответственность личности // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. 2015. № 1(55). С. 150 – 154.
5. **Печников Н. П.** Проблемы теории и практики прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2012. № С38. С. 101 – 105.
6. **Смирнов А. В., Калиновский К. Б.** Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. 4-е изд., перераб. М.: КНОРУС, 2008. 704 с.

References

1. **Zheludkov M.A.** [The Relationship between the Principles of Humanism and Justice in Implementing Measures to Prevent Crime], *Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti* [Problems of Law Enforcement], 2016, no. 4, pp. 15-16. (In Russ.)
2. **Zheludkov M.A.** *PhD Dissertation (Law)*, Moscow, 2012. 477 p. (In Russ.)
3. **available at:** https://мвд.рф/мвд/structure1/Upravlenija/Upravlenie_po_organizacii_doznaniya/Publikacii_i_vistupleniya/item/14204096/ (accessed 19 February 2019). (In Russ.)
4. **Medvedeva S.V., Mentjukova M.A.** [Features of the classification and composition of circumstances precluding the legal responsibility of the individual], *Voprosy sovremennoj nauki i praktiki. Universitet im. V.I. Vernadskogo* [Problems of Contemporary Science and Practice. Vernadsky University], 2015, no. 1(55), pp. 150-154. (In Russ., abstract in Eng.)
5. **Pechnikov N.P.** [Problems of the theory and practice of prosecutor's supervision of the procedural activities of the preliminary investigation bodies], *Voprosy sovremennoj nauki i praktiki. Universitet im. V.I. Vernadskogo* [Problems of Contemporary Science and Practice. Vernadsky University], 2012, no. S38, pp. 101-105. (In Russ., abstract in Eng.)
6. **Smirnov A.V., Kalinovskiy K.B.** *Ugolovnyy protsess* [The criminal process], Moscow: KNORUS, 2008, 704 p. (In Russ.)

Justification of the Need to Admit the Contributing Cause of Offence as an Imperative Element of the Fact in Proof in Criminal Cases

M. A. Zheludkov, *Doctor of Law, Associate Professor, Professor*
Department of Criminal Law and Applied Computer Science in Law,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
kandydat1@yandex.ru

Yu. S. Andrianova, *Undergraduate,*
Department of Criminal Law and Applied Computer Science in Law,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
yulechka.09@mail.ru

The relevance of the article is the presence of controversial issues in identifying all causes included in the fact in proof in a particular criminal case. The success of establishing such causes depends not only on the rational and systematic work of the investigative and court bodies, but also on typical investigative errors in identifying the priority of some circumstances that are in the subject of proof over others. The division of the fact in proof in a criminal case into different priorities has led to the fact that law enforcement agencies formally relate to the process of identifying causes conducive to committing crime, limiting themselves in the criminal case to making a presentation on the removal of obvious causes and conditions of the crime. Often, procedural actions to identify them are not even included in the investigation plan of a criminal case and are not reflected in the ongoing investigative measures. The article sets a goal to study the existing problems in identifying causes conducive to committing crimes. The main objective of the article is to substantiate the necessity of establishing the criminal procedural link between the causes contributing to committing crime and the other elements of the fact in proof.

Keywords: fact in proof in a criminal case; imperative element; contributing cause of offence; criminal procedural prevention.

© М. А. Желудков, 2019
© Ю. С. Андрианова, 2019

Статья поступила в редакцию 01.04.2019

При цитировании использовать:

Желудков М. А., Андрианова Ю. С. Обоснование необходимости признания обстоятельств, способствующих совершению преступления, императивным элементом предмета доказывания по уголовным делам // *Право: история и современность.* 2019. № 2. С. 51 – 57. doi: 10.17277/pravo.2019.02.pp.051-057

Обоснована социально-правовая обусловленность преступления, сопряженного с незаконным воспрепятствованием деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний (ч. 3 ст. 148 УК РФ) с помощью таких принципов криминализации, как общественная опасность, относительная распространенность деяния, а также исторический и зарубежный опыт нормативного противодействия данному виду правонарушений.

Ключевые слова: воспрепятствование проведению богослужений; религиозные обряды; свобода вероисповедания; свобода совести.

Роман Борисович Осокин, д-р юрид. наук, доцент,
ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В. Я. Кикотя», Москва, Россия;
osokinr@mail.ru

Владимир Геннадьевич Кокорев, ассистент,
кафедра «Уголовное право и процесс»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина», Тамбов, Россия;
pochta735@mail.ru

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЯ, СОПРЯЖЕННОГО С НЕЗАКОННЫМ ВОСПРЕпятСТВОВАНИЕМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ИЛИ ПРОВЕДЕНИЮ БОГОСЛУЖЕНИЙ, ДРУГИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБРЯДОВ И ЦЕРЕМОНИЙ*

Введение

В настоящее время в отечественном законодательстве активно продолжается поиск оптимальной модели механизма реализации и охраны свободы совести и вероисповеданий. Актуальность этого вопроса еще более возрастает в связи с увеличением и усугублением криминальных посягательств на представителей традиционных религиозных культов, а также аморальных действий с необходимыми атрибутами обрядов. В связи с чем принят Федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в ст. 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан», с учетом которого ст. 148 УК РФ переформулирована с «Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий» на «Нарушение пра-

* По материалам Международной научно-практической конференции, состоявшейся в ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет» 29–30 мая 2018 г., «Всеобщая декларация прав человека как правовое условие устойчивого развития государства и общества», посвященная 70-летию Декларации прав человека 1948 года.

ва на свободу совести и вероисповеданий», а также была изложена в новой редакции [8]. Таким образом, интересующее нас уголовно-наказуемое деяние закреплено в ч. 3 данной статьи УК РФ.

В свою очередь при криминализации и декриминализации того или иного преступления необходимо учитывать определенные принципы, в частности общественную опасность, относительную распространенность деяния, а также исторический и зарубежный опыт.

Так, право на свободу вероисповедания относится к первому поколению прав человека, провозглашенных в период буржуазных революций в XVII–XVIII вв. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» не содержит определение данного термина [13], однако, согласно положению п. «б» ч. 1 ст. 72 Конституции России, регламентируется, что в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов находится защита прав и основных свобод человека и гражданина [7], поэтому некоторые регионы приняли законы, направленные на реализацию и осуществление права на свободу совести и деятельности религиозных объединений [11. 12]. В соответствии с этим и с доктринальными точками зрения [3, с. 31; 15, с. 27], можно сделать вывод, что под свободой вероисповедания следует понимать право человека и гражданина свободно следовать своим религиозным убеждениям, выполнять соответствующие ритуалы и отправлять обряды, в зависимости от религиозной принадлежности лица, и разделять религиозные догмы, а также открыто заявлять о своей вере.

При этом данное право закреплено в международных договорах, в частности ст. 18 «Всеобщей декларации прав человека» от 10 декабря 1948 г.: каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это включает свободу менять свою религию либо убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным либо частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов [2, с. 15].

Подобное определение данного права закреплено в ч. 1 ст. 18 Международного пакта от 16 декабря 1966 г. «О гражданских и политических правах» [10, с. 33] и ч. 1 ст. 9 «Конвенции о защите прав человека и основных свобод» от 4 ноября 1950 г. [6, с. 70].

Обсуждение

Можно сказать, что общественная опасность анализируемого деяния обусловлена в небольшой степени исполнением международных договоров, так как при воспрепятствовании виновными лицами совершению данных религиозных действий нарушается право граждан на свободу вероисповедания.

Проанализировав принцип общественной опасности применимо к деянию, предусмотренному ч. 3 ст. 148 УК РФ, переходим к рассмотрению следующего принципа криминализации, выражающегося в относительной распространенности деяния.

Как свидетельствует анализ статистики Главного информационно-аналитического центра МВД России, с 2008 – 2013 гг., когда действовала старая редакция ст. 148 УК РФ, предусматривающая ответственность за данное деяние, не было зарегистрировано ни одного подобного преступления. Однако это не доказывает, что данное преступление необходимо декриминализировать. Уголовно-правовая охрана права на реализацию свободы вероисповедания, как указывалось ранее, непосредственно обусловлена нормами международных договоров.

Следующим принципом криминализации является исторический опыт. С момента крещения Киевской Руси уделялось повышенное внимание уголовно-правовой охране религии (в особенности православия) и лиц, принадлежащих к ней. Однако уголовная ответственность в отечественном законодательстве за незаконное воспрепятствование проведению богослужений и иных религиозных действий начинается с «Соборного уложения» 1649 г. (по замечанию В. Л. Ефимовских, с XVI–XVII вв. получает развитие тенденция исключения ряда религиозных преступлений из церковных судов и перевода их в светское законодательство [4, с. 62–63]).

Так, в ст.ст. 2 – 7 гл. 1 «О богохульниках и о церковных мятежниках» данного Уложения содержались преступления, относящиеся к «церковному мятежу», то есть нарушающие порядок церковного благочиния и выражающиеся в прерывании лицом литургии следующими способами: произнесением непристойных речей в отношении священнослужителей и прихожан [16, с. 85–86] либо грубое нарушение порядка в церкви, что в некотором роде схоже с диспозицией ч. 3 и п. «б» ч. 4 ст. 148 УК РФ.

В 1715 г. принимается «Артикул воинский» [1], действующий одновременно с «Соборным уложением» 1649 г. практически до второй половины XIX в. В нем фактически отсутствовала ответственность за анализируемое деяние.

В последующем, в 1845 г. утверждается «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», которое заменило собой Уложение 1649 г. и «Артикул воинский» 1715 г.

Согласно ему, к воспрепятствованию проведению религиозных обрядов и прочих действий можно отнести следующие уголовно-наказуемые деяния, обозначенные в конкретных статьях, а именно:

1) в ст. 224, регламентирующей ответственность за прерывание богослужения, которое совершается как в самой церкви, так и вне ее с помощью побоев либо иных насильственных действий против священнослужителей;

2) в ст. 225 закреплена ответственность за действия виновных лиц, направленные на применение физического насилия по отношению к священнослужителю в период проведения им службы либо исправления духовных треб;

3) ст. 227 устанавливала ответственность за прерывание либо остановку богослужения по причине того, что виновное лицо оскорбляет дерзкими либо грубыми словами священнослужителя в период проведения службы;

4) ч. 2 ст. 231 регламентировала ответственность для виновного лица за то, что в случае его неприличных поступков (например, появления на благоговении в нетрезвом состоянии либо развращенном виде, либо громкого крика, смеха во время проведения обряда и т.п.), в результате которых происходило замешательство или остановка богослужения;

5) ст.ст. 237, 238 предусматривали ответственность за действия, направленные на прерывание божественной службы (литургии) в воскресный либо торжественный день, или в табельный либо храмовый праздник;

6) ст. 239 содержала ответственность за действие виновного лица, направленное на создание препятствия(ий) во время проведения либо перед началом крестного хода, а ч. 2 данной статьи устанавливала ответственность в случае, если преступник окажет явное неуважение к крестному ходу либо помешает проведению этого священного обряда с намерением произвести соблазн;

7) ст. 240 регламентировала ответственность за действия, сопряженные с тем, кто во время исправления духовных треб либо молебствия в общественных заведениях или частных домах сделает что-либо неприличное с намерением помешать священнослужителю в совершении его религиозных действий [29, с. 216 – 226].

Таким образом, Уложение 1845 г. в первоначальной редакции (по сравнению со всеми предыдущими законодательными актами, предусматривающими уголовную ответственность за воспрепятствование проведению религиозных обрядов и т.п. действий) расширяет перечень рассматриваемых преступлений.

В 1903 г. в Российской империи принимается «Уголовное уложение», которое предусматривало ответственность за воспрепятствование проведению богослужений и прочих религиозных действий. Так, ст. 75 Уложения дифференцировала наказания в зависимости от обстоятельств: воспрепятствование отправлению Христианского богослужения с помощью непристойного крика, шума и иных противоправных действий (ч. 1 ст. 75).

Часть 2 указанной статьи Уложения 1903 г. содержала ответственность за прерывание богослужения (в том числе, если данное бесчинство в храме было совершено толпой).

Часть 3 ст. 75 Уложения 1903 г. регламентировала ответственность за намерение преступника в результате вышеуказанного бесчинства в храме, направленное на создание препятствий отправлению богослужения.

Часть 4 данной статьи содержала ответственность за реализацию виновным лицом преследуемой цели, направленной на создание препятствий отправлению богослужения, а также за совершение бесчинства толпой [18, с. 188].

Подытожив вышесказанное, можно сделать вывод, что ст. 75 Уложения 1903 г. предусматривала два альтернативных деяния:

1) препятствие отправлению общественного Христианского богослужения;

2) преследование виновным лицом цели, направленной на создание препятствий проведения богослужения.

При этом следует заметить, что в отличие от ст. 75 Уложения 1903 г., сохраняющей Христианское богослужение, ст. 77 данного Уложения предусматривала ответственность за непристойные крики, шум и т.п. действия виновного лица, вследствие которых было прервано общественное религиозное служение нехристианских вероисповеданий, признанных в России [18, с. 188]. Пункт 2 ч. 1 ст. 80 Уложения 1903 г. регламентировал ответственность за воспрепятствование с помощью физического или психического насилия над личностью совершению богослужения либо обряда, которые установлены правилами признанного в России вероисповедания. Часть 2 данной статьи Уложения 1903 г. предусматривала ответственность за эти действия, перечисленные в п. 2 ч. 1 данной статьи, по отношению к священнослужителю Христианского вероисповедания либо духовному лицу нехристианского вероисповедания [18, с. 189].

Статья 81 Уложения 1903 г. содержала ответственность за действия лица нехристианского вероисповедания, препятствующего, пусть и без насилия над личностью, христианину, который находится у него в услужении, исполнить им соответствующее религиозное действие, в том числе празднование воскресного или праздничного дня [18, с. 189].

Статья 95 Уложения 1903 г. устанавливала ответственность за воспрепятствование (посредством физического либо психического насилия) принятию Православной веры лицом, принадлежащим к иному вероисповеданию [18, с. 191].

На основании сказанного можно заключить, что Уложение 1903 г. (в отличие от предыдущих уголовных законов, предусматривающих ответственность за воспрепятствование проведению богослужений и т.п. религиозных действий) впервые охраняло как православных верующих, так и лиц, принадлежащих к христианскому вероисповеданию и нехристианским религиям, которые были признаны в Российской империи.

В свою очередь первый УК РСФСР 1922 г. предусматривал ответственность за деяние, сопряженное с воспрепятствованием проведению религиозных обрядов лицам, которые принадлежали к официальным вероисповеданиям РСФСР (в случае, если данные обряды не нарушают законодательство страны и нет законных оснований препятствовать их совершению) [24].

В УК РСФСР 1926 г. предусматривалась ст. 127 с аналогичным содержанием диспозиции [25].

В 1960 г. принимается последний УК РСФСР, в первоначальной редакции которого ст. 143 «Воспрепятствование совершению религиозных обрядов» регламентирует ответственность фактически за такие же действия, что и в предыдущих Уголовных кодексах РСФСР [26]. Позднее, в ходе редакции законом Российской Федерации от 27 августа 1993 г. № 5668-1 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях», наименование и содержание рассматриваемой статьи было переформулировано на «Нарушение свободы совести и вероисповедания» [9]. Исходя из ее анализа, можно сделать вывод, что данная статья в новой редакции содержала ответственность,

в том числе за воспрепятствование законному осуществлению права на свободу совести и вероисповедания, а также охраняла совершение религиозных обрядов и иного осуществления права на свободу совести.

Иным принципом криминализации является зарубежный опыт. В пояснительной записке к Федеральному закону от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ акцентировалось внимание, что во многих зарубежных странах используется подобный правовой инструментарий в целях реализации прав граждан на свободу вероисповеданий и защиты религиозных верований [5].

При этом, как показывает анализ некоторых уголовных законов зарубежных стран, входящих как в романо-германскую правовую семью, так и в постсоциалистическую и англо-саксонскую, большинство из них предусматривают ответственность за создание препятствий к проведению религиозных действий, богослужений и т.п.: § 167 УК ФРГ [17, с. 160], ст. 261 УК Швейцарии [27, с. 241–242], ст.ст. 145 и 146 УК Голландии [20, с. 282], ст. 143 УК Бельгии [19, с. 117], ч. 1 ст. 165 УК Республики Болгария [22, с. 125], ст. 138 УК Эстонской Республики [28, с. 131], ст. 151 УК Латвийской Республики [21, с. 168].

При этом ответственность за совершение данного преступления отсутствует в УК Республики Казахстан [23] и Примерном УК США [14].

Заключение

Таким образом, большинство из рассмотренных уголовных законов зарубежных стран содержат нормы об ответственности за создание препятствий к проведению религиозных действий, и криминализация незаконного воспрепятствования деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний соответствует проанализированным принципам криминализации.

Список литературы

1. **Артикул** воинский 1715 г. // Российское законодательство X – XX веков: в 9 т. Законодательство периода становления абсолютизма. М.: Юрид. лит., 1986. Т. 4. С. 327 – 365.
2. **Всеобщая** декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Права человека: сб. Междунар. документов. М.: Юрид. лит., 1998. С. 12 – 17.
3. **Горохова В. В., Горохова И. В.** Проблемы обеспечения свободы совести и вероисповедания при реализации законодательства Российской Федерации // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2015. № 5. С. 30 – 34.
4. **Ефимовских В. Л.** Религиозные преступления в русском праве X – начала XX в.: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 229 с.
5. **К проекту** Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан, осквернению объектов и предметов религиозного почитания (паломничества), мест религиозных обрядов и церемоний»: пояснительная записка // СПС «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был).
6. **Конвенция** о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Права человека: сб. Междунар. документов. М.: Юрид. лит., 1998. С. 67 – 82.

7. **Конституция** Российской Федерации: принята на всенародном голосовании 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

8. **О внесении** изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан: федер. закон от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 26. Ст. 3209.

9. **О внесении** изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях: закон от 27 августа 1993 г. № 5668-1 // Российская газета. 1993. 9 сентября.

10. **О гражданских** и политических правах: Международный пакт от 16 декабря 1966 г. // Права человека: сб. Междунар. документов. М.: Юрид. лит., 1998. С. 27 – 43.

11. **О свободе** совести и о религиозных объединениях: закон Республики Тывы от 1 апреля 1995 г. № 253 (ред. от 24.10.2016 г.) // Тувинская правда. 1995. 23 мая.

12. **О свободе** совести и о религиозных объединениях: закон Республики Татарстан от 14 июля 1999 г. № 2279 (ред. от 17.11.2016) // Республика Татарстан. 1999. 28 авг.

13. **О свободе** совести и о религиозных объединениях: федер. закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (ред. от 6.07.2016 г.) // СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

14. **Примерный** уголовный кодекс (США): офиц. проект Института американского права = Model penal code: The American Law Institute Proposed Official Draft / пер. с англ. А. С. Никифорова; под ред. Б. С. Никифорова. М.: Прогресс, 1969. 303 с.

15. **Пчелинцев А. В.** Свобода вероисповедания и религиозные объединения в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 58 с.

16. **Соборное** Уложение 1649 года // Российское законодательство X – XX веков: в 9 т. Акты Земских соборов. М.: Юрид. лит., 1985. Т. 3. С. 83 – 257.

17. **Уголовное** уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: научно-практический комментарий и перевод текста закона / П. В. Голловников. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016. 312 с.

18. **Уголовное** уложение 1903 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. Отделение 1. 1903 г. СПб.: Государственная типография, 1905. Т. XXIII. С. 177 – 274.

19. **Уголовный** кодекс Бельгии / науч. ред. и предисл. Н. И. Мацнева; пер. с фр. Г. И. Мачковского. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 561 с.

20. **Уголовный** кодекс Голландии / науч. ред. Б. В. Волженкин; пер. с англ. И. В. Мироновой. 2-е изд. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 510 с.

21. **Уголовный** кодекс Латвийской Республики / науч. ред. и вступ. статья А. И. Лукашова и Э. А. Саркисовой; пер. с латышского А. И. Лукашова. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 313 с.

22. **Уголовный** кодекс Республики Болгария / науч. ред. А. И. Лукашова; пер. с болг. Д. В. Милушева, А. И. Лукашова; вступ. статья Й. И. Айдарова. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 298 с.

23. **Уголовный** кодекс Республики Казахстан от 03 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп. на 9.01.2018 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 15.05.2018).
24. **Уголовный** кодекс РСФСР от 1 июня 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
25. **Уголовный** кодекс РСФСР от 22 ноября 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
26. **Уголовный** кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
27. **Уголовный** кодекс Швейцарии / науч. ред., предисл. и пер. с нем. А. В. Серебренниковой. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 350 с.
28. **Уголовный** кодекс Эстонской Республики / науч. ред. и пер. с эстонского В. В. Запелова; вступ. статья Н. И. Мацнева. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 262 с.
29. **Уложение** о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Российское законодательство X – XX веков. Законодательство первой половины XIX века. М.: Юрид. лит., 1988. Т. 6. С. 174 – 309.

References

1. [Article military 1715], *Rossiyskoye zakonodatel'stvo X – XX vekov: Zakonodatel'stvo perioda stanovleniya absolyutizma* [Russian legislation X-XX centuries: Legislation of the period of formation of absolutism], In 9 vol., Moscow: Yurid. lit., 1986, vol. 4, pp. 327-365. (In Russ.)
2. [Universal Declaration of Human Rights of December 10, 1948], *Prava cheloveka* [Human Rights], Moscow: Yurid. lit., 1998, pp. 12-17. (In Russ.)
3. **Gorokhova V.V., Gorokhova I.V.** [Problems of Ensuring Freedom of Conscience and religions in the implementation of the legislation of the Russian Federation], *Vestnik Akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii* [Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2015, no. 5, pp. 30-34. (In Russ.)
4. **Yefimovskikh V.L.** *PhD Dissertation (Law)*, Yekaterinburg, 2002. 229 p. (In Russ.)
5. [On the draft Federal Law “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation in order to counter the insult of religious beliefs and feelings of citizens, desecration of objects and objects of religious veneration (pilgrimage), places of religious rites and ceremonies], *SPS «Konsul'tantPlyus»* [ATP “Consultant Plus”], (the document was not published).
6. [Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of November 4, 1950], *Prava cheloveka* [Human Rights], Moscow: Yurid. lit., 1998, pp. 67-82. (In Russ.)
7. [The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12 December. 1993], *SZ RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2014, no 31, art. 4398. (In Russ.)
8. [On Amendments to Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation in order to counteract the insult of religious beliefs and feelings of citizens: Federal Law of June 29, 2013 No. 136-FZ], *SZ RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2013, no. 26, art. 3209. (In Russ.)
9. *Rossiyskaya gazeta*, 1993, 9 September (In Russ.)

10. [On civil and political rights: the International Covenant of December 16, 1966], *Prava cheloveka* [Human Rights], Moscow: Yurid. lit., 1998, pp. 27-43. (In Russ.)
11. *Tuvinskaya pravda*. 1995. 23 May. (In Russ.)
12. *Respublika Tatarstan*, 1999. 28 August. (In Russ.)
13. [On Freedom of Conscience and Religious Associations: Feder. law of September 26, 1997 No. 125-FZ (as amended on 07.06.2016)], *SZ RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1997, no. 39, art. 4465. (In Russ.)
14. **Model** penal code: The American Law Institute Proposed Official Draft. Moscow: Progress, 1969, 303 p. (In Russ.)
15. **Pchelintsev A.V.** *Extended abstract of candidate's of Law thesis*, Moscow, 2012. 58 p. (In Russ.)
16. [Council Code of 1649], *Rossiyskoye zakonodatel'stvo X – XX vekov: Zakonodatel'stvo perioda stanovleniya absolyutizma* [Russian legislation X-XX centuries. In 9 vol. Acts of the Zemsky Sobor], Moscow: Yurid. lit., 1985, vol. 3, pp. 83-257. (In Russ.)
17. **Golovnenkov P.V.** *Ugolovnoye ulozheniye (Ugolovnyy kodeks) Federativnoy Respubliki Germaniya* [Criminal Code (Criminal Code) of the Federal Republic of Germany: scientific and practical commentary and translation of the text of the law], Moscow: Prospekt, 2016, 312 p. (In Russ.)
18. [Criminal Code of 1903], *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobraniye Tretiye. Otdeleniye 1. 1903 g.* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Third Meeting. Department 1. 1903], St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya, 1905, vol. XXIII, pp. 177-274. (In Russ.)
19. **Machkovskii G.I.** (Ed.) *Ugolovnyy kodeks Bel'gii* [The Criminal Code of Belgium], St. Petersburg: Yurid. tsentr Press, 2004, 561 p. (In Russ.)
20. **Volzhenkin B.V.** (Ed.) *Ugolovnyy kodeks Gollandii* [Criminal Code of Holland], St. Petersburg: Yurid. tsentr Press, 2001, 510 p. (In Russ.)
21. **Lukashov A.I., Sarkisova E.A.** (Eds.) *Ugolovnyy kodeks Latvyskoy Respubliki* [The Criminal Code of the Republic of Latvia], St. Petersburg: Yurid. tsentr Press, 2001, 313 p. (In Russ.)
22. **Lukashov A.I.** (Ed.) *Ugolovnyy kodeks Respubliki Bolgariya* [Criminal Code of the Republic of Bulgaria], St. Petersburg: Yurid. tsentr Press, 2001, 298 p. (In Russ.)
23. [Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014 No. 226-V (as amended and added on 01/01/2018), available at: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (accessed 15 May 2018).
24. [Criminal Code of the RSFSR of June 1, 1922], *SU RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1922, no. 15, art. 153. (In Russ.)
25. [The Criminal Code of the RSFSR of November 22, 1926], *SU RSFSR RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1926, no. 80, art. 600. (In Russ.)
26. [Criminal Code of the RSFSR of October 27, 1960], *Vedomosti VS RSFSR* [Vedomosti Supreme Council of the RSFSR], 1960, no. 40, art. 591. (In Russ.)
27. **Serebrennikova A.V.** (Ed.) *Ugolovnyy kodeks Shveysarii* [Criminal Code of Switzerland], St. Petersburg: Yurid. tsentr Press, 2002, 350 p. (In Russ.)
28. **Zapevalov V.V.** (Ed.) *Ugolovnyy kodeks Estonskoy Respubliki* [The Criminal Code of the Republic of Estonia], St. Petersburg: Yurid. tsentr Press, 2001, 262 p. (In Russ.)
29. [Code of punishment of criminal and correctional 1845], *Rossiyskoye zakonodatel'stvo X – XX vekov. Zakonodatel'stvo pervoy poloviny XIX veka* [Russian legislation X-XX centuries. First half legislation XIX century], Moscow: Yurid. lit., 1988, vol. 6, pp. 174-309. (In Russ.)

Criminalization of an Act Involving the Unlawful Obstruction of the Activities of Religious Organizations or the Conduct of Worship, Other Religious Rites and Ceremonies

R. B. Osokin, *Doctor of Law, Associate Professor,
V. Y. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, Moscow, Russia;
osokinr@mail.ru*

V. G. Kokorev, *Assistant,
Department of Criminal Law and Process,
G. R. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia;
pochta735@mail.ru*

The social and legal conditionality of the crime interfaced to illegal hindrance of activity of the religious organizations or to holding church services, other religious practices and ceremonies (p. 3 of Art. 148 of the Criminal Code of the Russian Federation) is justified in the article, using such principles of criminalization as public danger, relative prevalence of act; historical and international experience of regulatory opposition to this type of offenses is described.

Keywords: hindrance to holding church services; religious ceremonies; freedom of worship; freedom of conscience.

© Р. Б. Осокин, 2019
© В. Г. Кокорев, 2019

Статья поступила в редакцию 30.05.2018

При цитировании использовать:

Осокин Р. Б., Кокорев В. Г. К вопросу о криминализации деяния, сопряженного с незаконным воспрепятствованием деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний // *Право: история и современность.* 2019. № 2. С. 58 – 67. doi: 10.17277/pravo.2019.02.pp.058-067

Проанализированы вопросы правомерности предъявления потребителем (туристом) требований к турагенту о возмещении убытков в случае предоставления туроператором туристского продукта ненадлежащего качества, а также правомерности таких требований при неплатежеспособности туроператора. Анализ осуществляется посредством обращения к нормативно-правовой базе оказания туристических услуг и судебной практике.

Ключевые слова: туроператор; турагент; туристические услуги; туристский продукт; потребитель; ответственность; ущерб.

Ирина Анатольевна Калинина, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра «Гражданское право и процесс»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
технический университет», Тамбов, Россия;
ia-kalinina@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ТУРАГЕНТА ПЕРЕД ПОТРЕБИТЕЛЕМ ПО ТРЕБОВАНИЯМ О ВОЗМЕЩЕНИИ УБЫТКОВ В СЛУЧАЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ТУРОПЕРАТОРОМ ТУРИСТСКОГО ПРОДУКТА НЕНАДЛЕЖАЩЕГО КАЧЕСТВА

Введение

При обсуждении заявленной проблематики постулируем следующие тезисы:

– туроператор является субъектом гражданско-правовой ответственности перед потребителем (туристом) при некачественном оказании туристических услуг;

– турагент несет перед потребителем (туристом) гражданско-правовую ответственность только в границах установленных законом с учетом конкретизации данной ответственности в системе договоров между туроператором, турагентом, субагентом и потребителем;

– потребитель в любом случае наделяется правом предъявления туроператору требований о возмещении ущерба, возникшего в результате неоказания или ненадлежащего оказания туристу и (или) иному заказчику услуг, входящих в туристский продукт;

– неспособность туроператора удовлетворить требования потребителя (туриста) о возмещении убытков потребителю (туристу) не влечет права потребителя (туриста) на переадресацию своих претензий и требований к турагенту.

Методы исследования

Проведено теоретико-правовое исследование на основе системного анализа законов и подзаконных актов, а также материалов судебной практики.

Исследование проводилось по следующим направлениям:

- анализ договорной конструкции отношений между туроператором, турагентом, субагентом и потребителем (туристом);
- анализ гражданско-правовой ответственности турагента перед потребителем (туристом);
- правовое обоснование исключительной ответственности туроператора перед потребителем (туристом) за реализацию туристского продукта;
- исследование договорного закрепления ответственности туроператора перед потребителем (туристом);
- изучение правовых гарантий защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц – заказчиков туристических услуг (условий осуществления туроператорской деятельности);
- характеристика правового режима агентского вознаграждения турагента, субагента;
- анализ правовых последствий для турагента, субагента невозможности удовлетворения туроператором требований потребителя (туриста) о возмещении убытков потребителю (туристу), причиненных туроператором в результате неоказания или ненадлежащего оказания туристу и (или) иному заказчику услуг, входящих в туристский продукт.

Обсуждение

Гражданско-правовая ответственность субъектов туристической деятельности (туроператора, турагента, субагента) перед потребителем (туристом) установлена Федеральным законом от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (далее – ФЗ-132). Данные нормы носят императивный характер, и положения, закрепляемые ими, не могут быть изменены по усмотрению туроператора, турагента, субагента или потребителя (туриста).

Законом четко регламентированы границы ответственности турагентов и туроператоров.

Федеральным законом № ФЗ-132 закрепляются следующие положения об ответственности туроператора, турагента, субагента перед потребителем (туристом).

Турагент, субагент несут перед потребителем (туристом) гражданско-правовую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение следующих обязанностей:

- обязательство турагента о передаче денежных средств, полученных от туриста и (или) иного заказчика, туроператору, если иной порядок оплаты туристского продукта не предусмотрен договором между турагентом и туроператором (ст. 10.1 ФЗ-132);
- обязательство турагента по уведомлению туроператора, сформировавшего туристский продукт, о заключении договора о реализации туристского продукта (ст. 10.1 ФЗ-132);

– обязательство турагента по согласованию с туроператором, сформировавшим туристский продукт, условий путешествия (в том числе потребительских свойств туристского продукта) на основании запроса туриста и (или) иного заказчика, адресованного турагенту (ст. 10.1 ФЗ-132).

За непредоставление своевременной и достоверной информации или предоставление недостоверной, неполной информации туристу и (или) иному заказчику о туристском продукте (туристских услугах), несут ответственность как туроператор, так и турагент в соответствии с условиями договора, заключенного между ними (ст. 9 ФЗ-132).

В силу ст. 9 ФЗ-132 туроператор обеспечивает оказание всех услуг, входящих в туристский продукт, и несет ответственность перед потребителем (туристом) за ненадлежащее исполнение обязательств по договору о реализации туристского продукта. Данная ответственность не зависит от того, заключал ли турист договор напрямую с туроператором или с турагентом. Согласно ст. 9 ФЗ-132 с учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 02.03.2016 № 49-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования законодательства, регулирующего туристскую деятельность» (далее – ФЗ-49) [6], туроператор:

– обеспечивает предоставление всех услуг, входящих в сформированный им туристский продукт, вне зависимости от того, предоставляет он такие услуги самостоятельно или с привлечением третьих лиц (абз. 2);

– по договору, оформленному турагентом, отвечает за неоказание или ненадлежащее предоставление услуг, входящих в туристский продукт, при этом также не имеет значения, кто не оказал такие услуги (абз. 4);

– если иное не установлено законодательством РФ, туроператор несет перед туристами ответственность за действия или бездействие привлеченных им третьих лиц (абз. 5).

Таким образом, закон предоставляет потребителю (туристу) возможность предъявить претензии по туристскому продукту напрямую туроператору. Поскольку именно туроператор обязан во всяком случае нести гражданско-правовую ответственность перед потребителем (туристом), закон устанавливает особые требования о финансовом обеспечении деятельности туроператоров в виде страхования или банковской гарантии.

С туроператора возможно взыскание комиссионного вознаграждения турагента. Здесь комиссионное вознаграждение следует рассматривать как убыток потребителя, исходя из положений ст. 15 Гражданского кодекса РФ, подлежащий взысканию за счет основного исполнителя по договору, – туроператора.

В действующем законодательстве не установлена долевая, солидарная или субсидиарная ответственность турагента по обязательствам туроператора. Соответственно, неспособность (по причине банкротства или иным основаниям) туроператора удовлетворить требования потребителя (туриста) о возмещении ему убытков, причиненных туроператором в результате неоказания или ненадлежащего оказания туристу и (или) иному заказчику услуг, входящих в туристский продукт, – не является основанием для предъявления аналогичных требований к турагенту; в случае предъявления данных требований к турагенту – они не подлежат удовлетворению.

Результаты

Договорная конструкция отношений между туроператором, турагентом, субагентом и потребителем (туристом).

Договорное обеспечение реализации туристского продукта включает:

– агентский договор (договор по продвижению и реализации туристских продуктов и услуг) между туроператором и турагентом (публичная оферта, акцепт, доверенность);

– субагентский договор между турагентом и субагентом (публичная оферта, акцепт, доверенность);

– договор о подборе, бронировании и приобретении тура турагентом, субагентом в интересах потребителя (туриста). При этом если такой договор заключается с субагентом, то потребитель (турист) может и не быть поставлен в известность о том, что турагент действует не напрямую с туроператором, а как субагент – через турагента.

Типовая форма договора [12] предусматривает (раздел 3) обязательства исполнителя (турагента) о предоставлении заказчику вышеуказанного договора, а также копии доверенности, выданной туроператором, на заключение от его имени договоров о реализации туристского продукта.

Туроператор осуществляет формирование туристского продукта, а его реализацию осуществляет агент (субагент). В агентском договоре может быть прописано, что турагент действует от своего имени либо от имени туроператора.

Гражданско-правовая ответственность турагента перед потребителем (туристом).

Законодательство и судебная практика исходят из возможности привлечения турагента к ответственности перед потребителем (туристом). Определим зону гражданско-правовой ответственности турагента перед потребителем (туристом).

Турагент при заключении договора с туристом действует от имени туроператора на основании предоставленных последним полномочий. Поэтому в силу абз. 3 п. 1 ст. 1005 Гражданского кодекса РФ [4] все обязанности по этому договору возникают непосредственно у туроператора. В такой ситуации турагент не будет нести какой-либо ответственности перед туристом, за исключением оснований ответственности, предусмотренных, во-первых, законом, а, во-вторых, договором между туроператором и турагентом.

В ст. 10.1 ФЗ-132 [9] в качестве существенных условий договора закреплён следующий перечень обязанностей турагента, субагента:

– «обязательство турагента о передаче денежных средств, полученных от туриста и (или) иного заказчика, туроператору, если иной порядок оплаты туристского продукта не предусмотрен договором между турагентом и туроператором;

– обязательство турагента по уведомлению туроператора, сформировавшего туристский продукт, о заключении договора о реализации туристского продукта;

– обязательство турагента по согласованию с туроператором, сформировавшим туристский продукт, условий путешествия (в том числе потребительских свойств туристского продукта) на основании запроса туриста и (или) иного заказчика, адресованного турагенту».

Далее в этой же статье установлено: «Турагент несет предусмотренную законодательством Российской Федерации ответственность перед туристом и (или) иным заказчиком за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей, предусмотренных договором о реализации туристского продукта».

В соответствии со ст. 9 ФЗ-132 в договоре, заключаемом между туроператором и турагентом, должны содержаться взаимная ответственность туроператора и турагента, а также ответственность каждой из сторон перед туристом и (или) иным заказчиком за непредставление или представление недостоверной информации о туристском продукте, за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договору о реализации туристского продукта. Аналогичная обязанность туроператора и турагента закреплена в Разделе 3 Правил оказания услуг по реализации туристского продукта [11]. Данные положения нашли закрепление и в ГОСТ Р 54600–2011. Согласно п. 5.6.6 ГОСТ Р 54600–2011: «За непредоставление своевременной и достоверной информации или предоставление недостоверной, неполной информации туристу и/или иному заказчику о туристском продукте/туристских услугах, несут ответственность как туроператор, так и турагент в соответствии с условиями договора, заключенного между ними» [3].

Соответственно, во всех остальных случаях нарушения прав потребителя (туриста) на качественный туристский продукт вся ответственность возлагается на туроператора.

Данные положения закона об основаниях ответственности турагента, субагента перед потребителем (туристом) восприняты и правоприменителем [14].

При оценивании правомерности предъявления потребителем (туристом) требований к турагенту необходимо учитывать:

- наличие вины турагента;
- обоснованность убытков потребителя (туриста);
- наличие причинно-следственной связи между деяниями турагента и убытками потребителя (туриста);
- отсутствие вины турагента;
- возможность предъявления требований по возмещению убытков к туроператору как к основному исполнителю.

Из этого следует вывод, что ответственность турагента, субагента наступает только в случае нарушения им своих обязанностей как турагента, субагента. Во всех остальных случаях ответственность перед потребителем (туристом) несет туроператор. И за неисполнение туроператором обязанностей за реализацию туристского продукта турагент, субагент ответственности не несет. Нормы ФЗ-132 носят специальный характер по отношению к нормам, закрепленным в законодательстве о защите прав потребителей [7].

Правовое обоснование исключительной ответственности туроператора перед потребителем (туристом) за реализацию туристского продукта.

За нарушение обязанностей по подбору, бронированию и оплате туристского продукта в полном объеме ответственность несет туроператор. Это вытекает из следующих норм закона, положений судебной практики и договоров. Туроператор обеспечивает оказание туристу всех услуг, входящих в туристский продукт, самостоятельно или с привлечением третьих лиц, на которых туроператором возлагается исполнение части или всех его обязательств перед туристом и(или) иным заказчиком (ст. 9 ФЗ-132). По договору о реализации туристского продукта, заключенному турагентом, туроператор несет ответственность за неоказание или ненадлежащее оказание туристу и(или) иному заказчику услуг, входящих в туристский продукт, независимо от того, кем должны были оказываться или оказывались эти услуги (ст. 10 ФЗ-132). Претензии к качеству туристского продукта предъявляются туристом и(или) иным заказчиком туроператору в письменной форме в течение 20 дней со дня окончания действия договора и подлежат рассмотрению в течение 10 дней со дня получения претензий (ст. 10 ФЗ-132).

Договорное закрепление ответственности туроператора перед потребителем (туристом).

Правовые нормы, регулирующие договорные правоотношения, делятся на императивные и диспозитивные нормы. Условия договора должны соответствовать императивным нормам законодательства (п. 1 ст. 422 ГК РФ) и не могут им противоречить под страхом недействительности соответствующего условия договора или договора в целом (ст.ст. 168, 180 ГК РФ). Диспозитивные нормы, напротив, применяются постольку, поскольку соглашением сторон не установлено иное [5].

Положения ФЗ-132 (ст. 9 ФЗ-132, ст. 10 ФЗ-132) об ответственности туроператора носят императивный характер и не могут быть изменены по усмотрению сторон. Вместе с тем в ст. 9 ФЗ-132 содержится положение о том, что в договоре, заключаемом между туроператором и турагентом, должны содержаться положения, в том числе о взаимной ответственности туроператора и турагента, а также об ответственности каждой из сторон перед туристом и(или) иным заказчиком за непредставление или представление недостоверной информации о туристском продукте, за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договору о реализации туристского продукта.

Поскольку ответственность перед заказчиком за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договору несет туроператор, то и все убытки должен возмещать туроператор.

Правовые гарантии защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц – заказчиков туристических услуг (условий осуществления туроператорской деятельности).

ФЗ-132 устанавливает условия осуществления туроператорской деятельности, которые содержат требования к туроператору, в своей совокупности обеспечивают права заказчиков (туристов) при неисполнении или ненадлежащем исполнении туроператором своих обязательств.

Соответственно, в подтверждение того, что субъектом ответственности за реализацию туристского продукта перед потребителем (туристом) является туроператор выступают и положения ст. 4.1 ФЗ-132, п. 14 Административного регламента [10], закрепляющие гарантии защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц:

– обязательное страхование гражданско-правовой ответственности за неисполнение обязательств по договору о реализации туристского продукта и (или) наличие банковской гарантии или банковских гарантий исполнения обязательств по договору о реализации туристского продукта (финансовое обеспечение ответственности туроператора);

– соответствия лиц, занимающих должности руководителя туроператора, его заместителя, главного бухгалтера, иного должностного лица, на которое возлагается ведение бухгалтерского учета туроператора (должностное лицо туроператора), требованиям, установленным ФЗ-132;

– членство в объединении туроператоров в сфере выездного туризма;

– наличие фонда персональной ответственности туроператора;

– наличие в едином федеральном реестре туроператоров.

К существенным условиям договора о реализации туристского продукта ст. 10 ФЗ-132 относит: размер финансового обеспечения ответственности туроператора; номер, дата и срок действия договора или договоров страхования ответственности туроператора и (или) банковской гарантии или банковских гарантий; наименование, адрес, местонахождение организации, предоставившей финансовое обеспечение ответственности туроператора, в случае, если фонд персональной ответственности туроператора не достиг максимального размера.

Данные требования закреплены только к туроператорской деятельности, на турагентов и субагентов они не распространяются.

Правовой режим агентского вознаграждения турагента, субагента.

Законодательством не закреплено право потребителя (туриста) предъявлять к турагенту требования о возмещении убытков в размере, определяемом размером агентского вознаграждения.

Анализ договорных отношений туроператора, турагента, субагента, потребителя (туриста) позволяет сделать следующие суждения:

1) договор между турагентом, субагентом и потребителем (туристом) является безвозмездным;

2) турагент, субагент заключают договор с потребителем (туристом) от имени туроператора, а потому отношения между потребителем (туристом) и туроператором носят возмездный характер;

3) договор между турагентом и субагентом является возмездным, так как предусмотрено агентское вознаграждение;

4) договор между турагентом и туроператором является возмездным, так как предусмотрено агентское вознаграждение.

Соответственно, агентское вознаграждение субагент получает от турагента (турагент – от туроператора) за действие по поручению и от имени туроператора по агентскому (субагентскому) договору (публичной оферте). Агентское вознаграждение выплачивается в пользу турагента, субагента за исполнение следующих обязанностей: реализация туристских продуктов, сформированных туроператором; поиск туристов, заключение

с ними договоров; оформление заявки на туристский продукт; осуществление расчетов между потребителем (туристом) и турагентом, туроператором по оплате туристского продукта; формирование и представление от потребителей (туристов) пакета документов, необходимых для оформления виз; заполнение, подписание и направление в адрес турагента отчета субагента, агента – туроператору; отслеживание и проверка в личном кабинете наличия подтверждений от агента, туроператора и т.п.

Таким образом, субагент (турагент) получает агентское вознаграждение:

- не за счет потребителя (туриста), а за счет денежных средств, перечисляемых субагентом в адрес турагента (турагентом – туроператору);
- не за действия, выполняемые в интересах потребителя (туриста), а за исполнение обязанности по реализации туристских продуктов, сформированных туроператором.

В подтверждении тому, что недопустимо взыскивать с турагента убытки потребителя (туриста) выступает и судебная практика.

В пункте 48 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» [8] разъяснено, что по сделкам с участием граждан-потребителей агент (посредник) может рассматриваться самостоятельным субъектом ответственности в силу ст. 37 Закона о защите прав потребителей, п. 1 ст. 1005 ГК РФ, если расчеты по такой сделке совершаются им от своего имени. При этом размер ответственности посредника ограничивается величиной агентского вознаграждения, что не исключает права потребителя требовать возмещения убытков с основного исполнителя (принципала).

В данной части (фрагменте) п. 48 не должен приниматься во внимание при решении вопроса об ответственности турагента перед потребителем (туристом), поскольку к отношениям, возникающим по поводу предоставления туристского продукта, применяются разъяснения п. 50 «Применяя законодательство о защите прав потребителей к отношениям, связанным с оказанием туристских услуг, судам надлежит учитывать, что ответственность перед туристом и (или) иным заказчиком за качество исполнения обязательств по договору о реализации туристского продукта, заключенному турагентом как от имени туроператора, так и от своего имени, несет туроператор (в том числе за неоказание или ненадлежащее оказание туристам услуг, входящих в туристский продукт, независимо от того, кем должны были оказываться или оказывались эти услуги), если федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации не установлено, что ответственность перед туристами несет третье лицо (ст. 9 Федерального закона от 24 ноября 1996 года № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности»)».

При этом для определения объема гражданско-правовой ответственности туроператора перед потребителем (туристом) важен абз. 2 п. 48. Применительно к отношениям между туроператором и турагентом с учетом того, что турагент, субагент действуют от имени и по поручению туроператора, можно сделать следующий вывод: с туроператора возможно взыскание комиссионного вознаграждения турагента, субагента. Здесь комиссионное вознаграждение следует рассматривать как убыток

потребителя, исходя из положений ст. 15 Гражданского кодекса РФ, подлежащий взысканию за счет основного исполнителя по договору, – туроператора.

Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации однозначно выразил свою позицию о том, что ответственность перед туристом и (или) иным заказчиком за качество исполнения обязательств по договору о реализации туристского продукта, заключенному турагентом как от имени туроператора, так и от своего имени, несет туроператор, если не установлено иное.

Правовые последствия для турагента, субагента невозможности удовлетворения туроператором требований потребителя (туриста) о возмещении убытков потребителю (туристу), причиненных туроператором в результате неоказания или ненадлежащего оказания туристу и (или) иному заказчику услуг, входящих в туристский продукт.

Неспособность туроператора удовлетворить указанные требования потребителя (туриста) является правовым основанием для обращения потребителя (туриста) за выплатой страхового возмещения или об уплате денежной суммы по банковской гарантии.

Финансовым обеспечением гарантируется: возврат денег за непредоставленные услуги как самим туроператором, так и третьими лицами, на которых было возложено исполнение обязанностей по договору; оплата реального ущерба, понесенного туристами при неоказании услуг по договору, в том числе расходов на эвакуацию из страны, где проходил отдых. При неисполнении туроператором обязанности по осуществлению таких выплат туристам последние имеют право напрямую обратиться с требованием к страховщику, застраховавшему ответственность оператора, или кредитной организации, выдавшей банковскую гарантию. Это следует из ст. 4.1 и гл. VII.1 ФЗ-132.

Важно подчеркнуть, что в действующем законодательстве не установлена долевая, солидарная или субсидиарная ответственность турагента, субагента перед туроператором. Отсутствуют в законе и положения, которые предусматривали бы субсидиарную ответственность турагента при неспособности туроператора (по причине банкротства или иным основаниям) удовлетворить требования потребителя (туриста) о возмещении убытков, причиненных туроператором в результате неоказания или ненадлежащего оказания туристу и(или) иному заказчику услуг, входящих в туристский продукт.

Таким образом, неспособность (по причине банкротства или иным основаниям) туроператора удовлетворить требования потребителя (туриста) о возмещении убытков потребителю (туристу), причиненных туроператором в результате неоказания или ненадлежащего оказания туристу и (или) иному заказчику услуг, входящих в туристский продукт, – не является основанием предъявления аналогичных требований к турагенту; в случае предъявления данных требований к турагенту – они не подлежат удовлетворению.

В научной литературе отмечается недостаточность в правовом регулировании данной сферы [2, 13]. Соглашаясь с данным мнением в целом, следует признать, в частности, что вопросы разграничения ответственно-

сти между туроператором и турагентом в законе с учетом положений ФЗ-49 определены достаточно точно и однозначно. В связи с этим следует не согласиться с мнением о том, что внесенные поправки (ФЗ-49) «не приведут к решению проблемы сбалансированной защиты прав участников гражданско-правовых отношений в сфере туризма, так как носят непоследовательный и противоречивый характер» [1, с. 118].

Проведенный анализ правового закрепления гражданско-правовой ответственности турагента, субагента, действующих от имени туроператора, перед потребителем (туристами) по требованиям о возмещении убытков в случае предоставления туроператором туристского продукта ненадлежащего качества, свидетельствует о том, что определение указанной ответственности относится к компетенции законодателя, но не самих участников туристических услуг. При этом законом четко устанавливаются положения об ответственности туроператора, турагента и субагента перед потребителем (туристом).

Список литературы

1. **Барабанова П. С.** Проблемы разграничения гражданско-правовой ответственности турагента и туроператора перед заказчиком туристского продукта // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. 2016. № 10. С. 114 – 119.
2. **Гаджисамедзаде С. Д.** Гражданско-правовая ответственность туроператора и турагента за некачественное оказание туристских услуг // Гражданское законодательство РФ: современное состояние, тенденции и перспективы развития: сб. науч.-практ. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2017. С. 49 – 51.
3. **ГОСТ Р 54600–2011.** Туристские услуги. Услуги турагентств. Общие требования. Tourist services. Services of travel agencies. General requirements [Электронный ресурс]. Введ. 2011-12-18. URL: <http://docs.cntd.ru/document/gost-r-54600-2011> (дата обращения: 10.03.2019)
4. **Гражданский кодекс** Российской Федерации (часть вторая): федер. закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 29.07.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2018) // СЗ РФ. 1996. №5. Ст. 410.
5. **Гражданский кодекс** Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
6. **О внесении** изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования законодательства, регулирующего туристскую деятельность: федер. закон от 02.03.2016 № 49-ФЗ (ред. от 04.06.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // СЗ РФ. 2016. № 10. Ст. 1323.
7. **О защите** прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 29.07.2018) // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.
8. **О рассмотрении** судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 // Российская газета. № 156. 11.07.2012.
9. **Об основах** туристской деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ (ред. от 04.06.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // СЗ РФ. 1996. №49. Ст. 5491.
10. **Об утверждении** Административного регламента по предоставлению Федеральным агентством по туризму государственной услуги по формированию и

ведению единого федерального реестра туроператоров: приказ Минкультуры России от 10.06.2016 № 1321 (ред. от 06.07.2017) (зарегистрировано в Минюсте России 29.07.2016 № 43034) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 01.08.2016. (дата обращения: 10.03.2019)

11. **Об утверждении** Правил оказания услуг по реализации туристского продукта: постановление Правительства РФ от 18.07.2007 № 452 (ред. от 30.11.2018) // СЗ РФ. 2007. № 30. Ст. 3942.

12. **Об утверждении** типовых форм договора о реализации туристского продукта, заключаемого между туроператором и туристом и (или) иным заказчиком, и договора о реализации туристского продукта, заключаемого между турагентом и туристом и (или) иным заказчиком: приказ Минкультуры России от 31.10.2016 № 2386 (зарегистрировано в Минюсте России 13.04.2017 № 46358) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 13.04.2017. (дата обращения: 10.03.2019)

13. **Отческий И. Е., Володина Д. В.** Роль судебной практики в защите нарушенных прав потребителей туристских услуг // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 3 (88). С. 128 – 137.

14. **Пояснения** Министерства культуры Российской Федерации и Федерального агентства по туризму по вопросам, связанным с применением типовой формы договора о реализации туристского продукта, заключаемого между турагентом и туристом и (или) иным заказчиком туристского продукта (согласовано с Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека) // Федеральное агентство по туризму: офиц. сайт. URL: <https://www.russiatourism.ru/content/7/section/118/detail/13316/> (дата обращения: 10.03.2019).

References

1. **Barabanova P.S.** [Problems of differentiation of civil liability of a travel agent and a tour operator to the customer of a tourist product], *Sotsial'no-ekonomicheskiye issledovaniya, gumanitarnyye nauki i yurisprudentsiya: teoriya i praktika* [Social and economic research, humanities and jurisprudence: theory and practice], 2016, no. 10, pp. 114-119. (In Russ., abstract in Eng.)

2. **Gadzhisamedzade S.D.** *Grazhdanskoye zakonodatel'stvo RF: sovremennoye sostoyaniye, tendentsii i perspektivy razvitiya* [Civil Legislation of the Russian Federation: current state, trends and development prospects], Proc. of the II International Scientific and Practical Conference. Krasnodar, 2017, pp. 49-51. (In Russ.)

3. **GOST R 54600-2011.** Tourist services. Services of travel agencies. General requirements. available at: <http://docs.cntd.ru/document/gost-r-54600-2011> (accessed: 10 Mart 2019).

4. [**Civil Code of the Russian Federation (Part Two):** Feder. Law of January 26, 1996 No. 14-ФЗ (as amended on 07/29/2018)], *SZ RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1996, no. 5, art. 410. (In Russ.)

5. [**Civil Code of the Russian Federation (Part One):** Feder. Law of November 30, 1994 No. 51-ФЗ (as amended on August 3, 2017)], *SZ RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1994, no. 32, art. 3301. (In Russ.)

6. [**On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in order to Improve the Law Regulating Tourism Activities:** Feder. Law of 02.03.2016 No. 49-FZ (as amended on 04.06.2018)], *SZ RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2016, no. 10, art. 1323. (In Russ.)

7. [**On Consumer Rights Protection:** RF Law dated 07.02.1992 No. 2300-1 (ed. from 07.29.2018)], *SZ RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1996, no. 3, art. 140. (In Russ.)

8. *Rossiyskaya gazeta*, 2012, no. 156. 11 Jule. (In Russ.)
9. **[On the basics** of tourist activity in the Russian Federation: Feder. Law of November 24, 1996 No. 132-ФЗ (as amended on 04.06.2018)], *SZ RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1996, no. 49, art. 5491. (In Russ.)
10. **available at:** <http://www.pravo.gov.ru> (accessed: 10 Mart 2019).
11. **[On approval** of the Rules for the provision of services for the implementation of tourist products: Decree of the Government of the Russian Federation of July 18, 2007 No. 452 (as amended on 30.11.2018)], *SZ RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2007, no. 30, art. 3942. (In Russ.)
12. **available at:** <http://www.pravo.gov.ru> (accessed: 10 Mart 2019).
13. **Otcheskiy I.Ye., Volodina D.V.** [The role of judicial practice in the protection of violated rights of consumers of tourist services], *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava* [Actual problems of Russian law], 2018, no. 3 (88), pp. 128-137. (In Russ., abstract in Eng.)
14. **available at:** <https://www.russiatourism.ru/content/7/section/118/detail/13316/> (accessed: 10 Mart 2019).

Features of Travel Agent's Civil Liability to the Consumer on Claims for Damages in Case of Providing Tourism Product of Improper Quality

I. A. Kalinina, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Department of Civil Law and Process,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
ia-kalinina@mail.ru*

The article analyzes the issues of the legality of suing for damages of the travel agent by the consumer (tourist) if the tour operator sold the tourist the product of inadequate quality, as well as the legality of such claims in the insolvency of the tour operator. The analysis is carried out by referring to the legal framework for the provision of tourism services and judicial practice.

Keywords: tour operator; travel agent; travel services; tourism product; consumer; liability; damage.

© И. А. Калинина, 2019

Статья поступила в редакцию 01.04.2019

При цитировании использовать:

Калинина И. А. Особенности гражданско-правовой ответственности турагента перед потребителем по требованиям о возмещении убытков в случае предоставления туроператором туристского продукта ненадлежащего качества // *Право: история и современность*. 2019. № 2. С. 68 – 79. doi: 10.17277/pravo.2019.02.pp.068-079

Проанализированы порядок и условия заключения брачного договора в различных странах. Обосновано, что брачный договор является способом защиты прав и законных интересов супругов. Дан анализ соотношению национального и международного уровней регулирования имущественного режима супругов на основе договора. Обзор зарубежного регулирования дан сквозь призму родового для него понятия «брачный договор».

Ключевые слова: брачный договор; имущественные правоотношения; неимущественные правоотношения; защита прав супругов.

Ангелина Вячеславовна Лапаева, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра «Гражданский и арбитражный процесс»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина», Тамбов, Россия;
anlapaeva@gmail.com

БРАЧНЫЙ ДОГОВОР КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ПРАВ СУПРУГОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

Введение

В большинстве государств имущественные правоотношения супругов регулируются с помощью таких правовых режимов, как законный и договорный. Сложившаяся практика заключения брачных контрактов в европейских странах, США и России устанавливает диспозитивный порядок закрепления важнейших прав и обязанностей лиц, вступающих в брак или супругов по сравнению с их законным режимом. Законное регулирование имущественных правоотношений представляет собой правовой механизм, в котором центральное значение имеют законодательные нормы, акты государственной власти, правила, выработанные судебной практикой, устанавливающие общие правила поведения супругов в имущественной сфере. В современных зарубежных правовых порядках сформировались три основные подсистемы законных режимов имущества супругов, а именно: раздельности имущества, общности имущества и отложенной общности имущества.

Обсуждение

Договорный режим имущества – это совокупность таких правовых средств, как договоры, с помощью которых стороны на свое усмотрение могут самостоятельно установить для себя определенные имущественные права и обязанности, носящие обособленный и в то же время общеобязательный для них характер.

* По материалам Международной научно-практической конференции, состоявшейся в ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет» 29–30 мая 2018 г., «Всеобщая декларация прав человека как правовое условие устойчивого развития государства и общества», посвященная 70-летию Декларации прав человека 1948 года.

Правовые системы стран, в которых на законодательном уровне закреплён институт брачного договора, отличаются сходными правовыми чертами. Так, к брачным договорам применяются общие условия действительности договоров, что и в гражданском праве. Это подтверждается тем, что в семейном праве отсутствует самостоятельная конструкция брачного договора, отличная от гражданско-правового. Между тем действительность брачных договоров может быть связана со специальными условиями из-за специфического субъектного состава. Кроме того, общие принципы гражданско-правового регулирования договорных отношений закрепляются в отношении и брачных контрактов.

В зарубежной правовой науке отсутствует целостная система брачных договоров, но разработаны их классификации различной направленности, в связи с чем брачный договор расценивается в качестве родового понятия, охватывающего другие виды договоров. Диаметрально противоположная ситуация сложилась в отечественной правовой науке, где брачный договор является одним из видов самостоятельных соглашений, регулирующих семейные правоотношения. Родовым понятием для договора, который заключается супругами или лицами, вступающими в брак, является термин супружеский или, как его ещё называют, семейный договор. В России возникает собственная система супружеских договоров, отличная от той, которая действует в странах общего и континентального права [4, с. 16].

Определение брачного договора в современное российское право было введено Семейным кодексом РФ¹. Изначально российскому менталитету было чуждо заключение такого рода соглашений между будущими супругами или супругами. В. Р. Дворецкий, анализируя причины этого, выделил такие, как низкий уровень материального достатка населения; отсутствие традиций заключения брачных договоров; сложная процедура заключения такого рода соглашений [2; с. 21]. В целом, несомненно, соглашаясь с мнением исследователя, хотелось бы отметить, что по сравнению с 1990-ми и 2000-ми гг., в современной России число заключённых брачных контрактов значительно возросло, причём не только в городах федерального значения, но и в отдельных субъектах. Так, согласно данным Федеральной нотариальной палаты, за последние полгода число таких сделок увеличилось на 6 %². Сторонами стали выступать не только обеспеченные люди, но и граждане со средним достатком. К тому же, традиции заключения брачных договоров в российском праве существовали, начиная с Древнерусского права, однако они были прерваны в результате революционных потрясений в советский период. Повышение уровня правовой культуры населения также сказывается на положительной динамике заключения брачных контрактов в России.

Однако несмотря на бесспорную актуальность брачного договора и его возрастающую популярность, стоит отметить, что в России их доля

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. №223-ФЗ // СЗРФ. 1996. № 1. Ст. 16.

² Федеральная нотариальная палата: офиц. сайт. URL: <https://notariat.ru> (дата обращения: 18.03.2018 г.).

пока еще составляет всего 4 % пар, состоящих в браке. В Европе и США число заключенных брачных договоров достигает 70 %.

В отечественном законодательстве брачный договор представляет собой соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения (ст. 40 СК РФ). Права и обязанности, которые содержатся в его условиях, действуют в период брака, а также после его расторжения, если это зафиксировано в договоре. Законодатель установил открытый перечень правил, которые могут установить супруги в брачном договоре, между тем все его положения должны касаться исключительно имущественных прав и обязанностей супругов и не должны противоречить основным принципам семейного законодательства.

Оформляя брачный договор в России, следует помнить, что такая возможность у будущих супругов возникает и до заключения брака, между тем, фактически такое соглашение вступит в законную силу только после регистрации брака. В то же время факт заключения брачного договора до свадьбы не может рассматриваться в качестве психологического стимулятора скорейшей регистрации брака. Момент регистрации брака в таком случае является механизмом для вступления в силу такого соглашения. В случае, если брачный договор заключен как после регистрации брака, так и в любое время в период брака, то он вступает в силу с момента его заключения (п.1 ст. 425 ГК РФ). Обязательным требованием для признания брачного договора действительным является соблюдение нотариальной формы для такого соглашения.

В отличие от российского права, западноевропейское законодательство и правовые акты США предполагают заключение брачного договора исключительно в момент вступления в брак. Кроме того, в отдельных странах (например, Италия) такой договор должен быть обязательно зарегистрирован в местном органе власти, а если в его содержании имеются пункты относительно недвижимого имущества, то в специальных органах, которые регистрируют сделки с недвижимостью. Между тем, далеко не во всех странах для граждан предусмотрена возможность заключения брачного договора. Так, в одних государствах запрещается изменение законного режима имущества супругов (Аргентина, Куба, Румыния), а в других – заключение брачного договора возможно только до регистрации брака (Бразилия, Япония, Португалия). Во Франции, Бельгии, Греции, Израиле, Монако и др. необходимым считается обязательное наличие судебного контроля при заключении брачного контракта, а в то же время в Германии, Италии, Венгрии, Швейцарии и др. такой контроль не предусмотрен законодателем.

Специальных требований к процедуре заключения брачного контракта в англо-саксонских странах не предъявляется, за исключением письменной формы и его подписания в присутствии свидетелей. Юридическую силу брачному контракту в таких случаях придает суд, который вправе полностью или частично изменить его условия.

Отечественным законодательством предусмотрены специальные требования, связанные с тайной заключения брачного договора у нотариуса.

В международной практике имеется достаточно примеров обратной ситуации, когда законодателем обеспечен свободный доступ к содержанию брачного договора со стороны всех заинтересованных лиц. Считается, что такая свобода защищает предпринимательскую сферу, в том числе интересы кредиторов (например, во Франции).

Основная цель заключения брачного договора связана со свободой выбора супругами тех правоотношений, которые они могут закрепить в рамках такого соглашения. При этом считается, что брачный контракт в таком случае может выступать в качестве гарантии для супругов в отношении сохранения брака, так как в случае его расторжения каждый из супругов может лишиться значительной доли имущества. Одним из важнейших положений при заключении брачного контракта считается пункт о свободе выбора права применения в случае введения в действие такого соглашения. Так, при применении российского права супруги могут установить в брачном договоре режим совместной, долевой или раздельной собственности (ст. 161 СК РФ). В случаях с иностранным правом – будут действовать типовые режимы иностранного законодательства.

Таким образом, в тексте брачного договора следует отразить то, законодательство какого государства будет применяться, причем это может быть право как страны, гражданином которой является один из супругов или где зарегистрировано его имущество, так и право иного государства. СК РФ предоставляет супругам возможность изменить соглашение о выборе права в любое время, между тем, если применимое право в договоре не российское, следует действовать в рамках иностранного законодательства. При этом в свидетельстве о заключении брака обязательно отмечается о заключении брачного контракта. В случае его заключения, даже если это предшествовало свадьбе, контракт начинает действовать только с момента заключения брака.

В странах западной Европы и США брачный договор заключается в момент вступления в брак. Тесная взаимосвязь брачного контракта с институтом брака порождает возможности для того, чтобы определиться с вопросом о дееспособности граждан, вступающих в брак. Следовательно, являясь дееспособным в соответствующей стране для вступления в брак, указанные лица приобретают возможность для заключения брачного контракта. Так, например, во Франции брачный возраст составляет 15 лет для женщин и 18 лет – для мужчин. Между тем законодателем предусмотрены возможности для снижения брачного возраста с согласия родителей. Тот факт, что заключить брачный договор можно лицам, имеющим право вступить в брак, подтверждается ст. 1398 Французского гражданского кодекса (ФГК) о том, что «несовершеннолетний, способный заключить брак, может вступать в любые соглашения, вытекающие из брака ... лишь бы на их совершение было дано разрешение лицами, согласие которых является необходимым для действительности брака» [7, с. 212], а именно с согласия родителей (ст. 1395 ФГК).

Особые требования к субъектному составу брачного договора предъявляются гражданским законодательством Японии. Подчеркивая тесную взаимосвязь с возможностью вступления в брак, предусмотрены случаи

признания гражданина дееспособным. Так, дееспособность для заключения брака наступает для мужчин по достижении ими 18-летнего возраста, а для женщин – 16-летнего возраста (ст. 731 ГК). Интересной представляется формулировка законодателя о том, что для вступления в брак недееспособных или ограниченно дееспособных лиц не требуется согласия соответственно их опекунов или попечителей (ст.ст. 738, 799 ГК Японии). В Японии брачный договор действителен лишь в случае его заключения до момента подачи заявления о вступлении в брак (ст. 755 ГК Японии). Заключение брачного договора в силу подчеркнутого законодателем его личного характера через представителя не допускается [3, с. 124].

С точки зрения правопонимания отечественным законодателем не разъяснен на должном уровне вопрос о возможности заключения брачного договора ограниченно дееспособным совершеннолетним гражданином. В научной литературе существуют различные трактовки данной ситуации. Наиболее обоснованной представляется позиция Л. М. Пчелинцевой, указывающей на возможность заключения брачного договора такими лицами с согласия попечителей. Считаю целесообразным обозначить право эмансипированных, ограниченно дееспособных судом лиц на заключение брачного договора, как это представлено в том же законодательстве западноевропейских стран и гражданском кодексе Японии.

В большинстве государств, в том числе в России, брачный договор выступает в качестве регулятора имущественных правоотношений супругов. Особенность предмета в качестве определенного имущества, заключается в том, что брачный договор может заключаться как в отношении имеющегося, так и будущего имущества супругов. Российское законодательство различает законный и договорный режимы имущества супругов в отношении общего, совместно нажитого имущества. В отличие от отечественного, немецкое право к общему имуществу супругов относит исключительно прирост имущества супругов. Интересно, что супруг имеет возможность распоряжаться принадлежащими ему предметами домашнего обихода только с согласия другого супруга.

В условиях сложившейся практики применения брачных контрактов зарубежные законодатели предлагают супругам различные содержательные варианты брачного контракта. Например, во Франции предлагаются такие режимы имущества супругов, как признание имущества супругов общим; распространение режима общности имущества исключительно на движимые вещи и те, которые были приобретены каждым супругом после заключения брака; определение неравных прав супругов в общем имуществе, а также случаи, когда один из супругов будет иметь возможность выбора соответствующей части из общего имущества. Между тем закон также предусматривает случаи ограничения свободы брачного договора, а именно: такое соглашение не должно противоречить «добрым нравам»; не нарушать нормы гражданского и семейного законодательства, а также равноправие супругов; ограничивать их свободу в выборе профессии и роде занятий [1, с. 25].

Брачным договором в Швеции супруги могут изменить правовой режим совместной собственности, включив в него условие о личной собст-

венности, которая будет подлежать разделу в случае прекращения брака. В Голландии, в отличие от большинства стран мира, личная собственность обоих супругов становится с момента заключения брака совместной супружеской собственностью, если брачным контрактом не предусмотрено иное [5, с. 9].

В современных условиях в большинстве арабских стран происходит отождествление понятий «брак» и «договор о браке». Следовательно, заключение брака автоматически означает заключение и брачного договора, целью которого является создание семьи и продолжение рода (ст. 1 сирийского закона, ст. 1 йеменского закона, ст. 2 иорданского закона). Содержательная сторона таких контрактов сводится к выплате супругом брачного выкупа (махра), право на получение которого, супруга имеет после заключения брачного договора [6, с. 147].

Самой свободной страной с неограниченными возможностями в отношении заключения брачных контрактов является США, где в качестве предмета такого соглашения могут выступать не только имущественные, но и иные правоотношения супругов. В ряде штатов Америки уже принят Единый акт о брачных контрактах, по которому контракт может регулировать практически все, кроме вопросов обеспечения детей и опеки.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что заключение брачного договора допускается законодательством далеко не всех стран. В государствах, так называемого прогрессивного мира, институт брачного контракта имеет свои особенности, связанные с формой, порядком заключения и субъектным составом. В одних государствах запрещается изменение законного режима имущества супругов (Аргентина, Куба, Румыния), в других – заключение брачного договора возможно только до регистрации брака (Бразилия, Япония, Португалия). Во Франции, Бельгии, Греции, Израиле, Монако и других странах необходимым считается обязательное наличие судебного контроля при заключении брачного контракта, в то же время, например, в Германии, Италии, Венгрии, Швейцарии такой контроль не предусмотрен законодателем.

В случаях вступления в брак иностранных граждан с гражданами РФ считаем немаловажным тот факт, что в тексте брачного договора необходимо отразить то, законодательство какого государства будет применяться, причем это может быть право как страны, гражданином которой является один из супругов или где зарегистрировано его имущество, так и право иного государства. Семейный кодекс РФ предоставляет супругам возможность изменить соглашение о выборе права в любое время, между тем если применимое право в договоре не российское, следует действовать в рамках иностранного законодательства.

Проведенный анализ зарубежного законодательства и практики его применения свидетельствует о различном подходе к субъектному составу, предмету и содержанию брачного договора. Так, в большинстве государств, предусматривающих на законодательном уровне возможность заключения брачного контракта, требования к субъектному составу связаны

с их дееспособностью и достижением ими брачного возраста. Между тем как в теории, так на практике возникает вопрос о возможности заключения брачного договора лицами, которые получили разрешение на снижение брачного возраста, уже вступили в брак до достижения 18 лет либо эмансипированы. Учитывая опыт зарубежных государств, представляется целесообразным обозначить российским законодателем право эмансипированных, ограниченно дееспособных судом лиц на заключение брачного договора, как это представлено в том же законодательстве западноевропейских стран и гражданском кодексе Японии. В большинстве государств, в том числе в России, брачный договор выступает в качестве регулятора имущественных правоотношений супругов. Между тем мусульманское право, американское и израильское право допускают возможность урегулирования личных прав и обязанностей в брачном договоре. Российский законодатель, в свою очередь, исключил такую возможность, чем подчеркнул схожий характер с законодательством стран Европы. Указанный подход продиктован особенностями правовой культуры, сложившимися правовыми традициями, с чем следует согласиться.

Список литературы

1. **Гальез Л.** Режим имущественных отношений между супругами согласно французскому законодательству // *Нотариальный вестник*. 2005. № 12. С. 25 – 26.
2. **Дворецкий В. Р.** Брачный договор. М.: Ось, 2006. 213 с.
3. **Зеленов М. В.** Государство и право Японии в 1890 – 2011 гг. Хрестоматия: учеб. пособие. СПб.: Изд-во ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2012. 278 с.
4. **Оськина И., Лупу А.** Брачный договор: у нас и у них // *ЭЖ-ЮРИСТ*. 2014. № 32. С. 15 – 21.
5. **Паненкова М. А.** Регулирование брачного договора в российском и иностранном праве // *Бюллетень нотариальной практики*. 2009. № 2. С. 8 – 10.
6. **Прозорова В. И.** Опыт зарубежных стран в регулировании брачного договора // *Актуальные проблемы юридической науки и образования: сб. науч. тр. Ижевск, 2010. Вып. 10. С. 146 – 149.*
7. **Французский гражданский кодекс** / науч. ред. и пред. Д. Г. Лаврова; пер. с фр. А. А. Жуковой, Г. А. Пашковой. СПб: Юрид. центр Пресс, 2004. 310 с.

References

1. **Gal'yez L.** [Regime of property relations between spouses according to French law], *Notarial'nyy vestnik* [Notary Gazette], 2005, no. 12, pp. 25-26. (In Russ., abstract in Eng.)
2. **Dvoretzkiy V.R.** *Brachnyy dogovor* [Marriage contrac], Moscow: Os', 2006, 213 p. (In Russ.)
3. **Zelenov M.V.** *Gosudarstvo i pravo Yaponii v 1890 – 2011 gg. Khrestomatiya* [The State and the Law of Japan in 1890 - 2011 Chrestomatiya], St. Petersburg: Izdatel'stvo LGU im. A.S. Pushkina, 2012, 278 p. (In Russ.)
4. **Os'kina I., Lupu A.** [Marriage contract: with us and with them], *EZh-YURIST* [EZH-LAWYER], 2014, no. 32, pp. 15-21. (In Russ., abstract in Eng.)
5. **Panenkova M.A.** [Regulation of the marriage contract in Russian and foreign law], *Byulleten' notarial'noy praktiki* [Notarial practice bulletin], 2009, no. 2, pp. 8-10. (In Russ., abstract in Eng.)

6. **Prozorova V.I.** *Aktual'nyye problemy yuridicheskoy nauki i obrazovaniya: sb. nauch. trudov* [Actual problems of legal science and education], Izhevsk, 2010, issue 10, pp. 146-149. (In Russ.)

7. **Lavrova D.G.** (Ed.) *Frantsuzskiy grazhdanskiy kodeks* [French Civil Code], St. Petersburg: Yurid. tsentr Press, 2004, 310 p. (In Russ.)

Marriage Agreement as a Way to Protect the Rights of Spouses in International Community

A. V. Lapaeva, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Civil and Arbitration Process, Tambov State University, Tambov, Russia; anlapaeva@gmail.com*

The article analyzes the procedure and conditions for concluding a marriage contract in various countries. It is justified that the marriage contract is a way to protect the rights and legitimate interests of the spouses. The ratio of national and international levels of regulation of the property regime of spouses on the basis of a contract is analyzed. A review of foreign regulation is given through the prism of the "marriage contract" generic for it.

Keywords: marriage agreement; property relations; personal non-property relations; protection of the rights of spouses.

© A. В. Лапаева, 2019

Статья поступила в редакцию 30.05.2018

При цитировании использовать:

Лапаева А. В. Брачный договор как способ защиты прав супругов в международном пространстве // *Право: история и современность*. 2019. № 2. С. 80 – 87. doi: 10.17277/pravo.2019.02.pp.080-087

Дан анализ историческим, правовым и политическим предпосылкам появления состава преступления, связанного с посредничеством во взяточничестве. Освещены сложные вопросы квалификации преступлений, связанных с данной новеллой. Выделены проблемы квалификации «мнимого» и «реального» посредничества и доказывания связи между взяточполучателем и взяткодателем.

Ключевые слова: взятка; коррупция; посредничество во взятке; предварительное расследование; уголовный процесс.

Леонид Михайлович Бабкин, канд. юрид. наук, профессор,
кафедра уголовного процесса,
Рязанский филиал ФГКОУ ВО «Московский университет
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В. Я. Кикотя», Рязань, Россия;
rfmu@mvd.gov.ru

Ирина Андреевна Сорокина, преподаватель,
кафедра уголовного процесса,
Рязанский филиал ФГКОУ ВО «Московский университет
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В. Я. Кикотя», Рязань, Россия;
irsen121@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ОТНОШЕНИИ ПОСРЕДНИКОВ ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ*

Введение

Явление коррупции совсем не ново, оно было известно человечеству с древних времен, с ней боролись различными способами и методами, к сожалению не все они оказывались эффективными. Ярым борцом с лихоимством (получением неправомерных преимуществ за совершение незаконных действий, иногда связанное с вымогательством), взятками, мздоимством (получение неправомерных преимуществ за совершение за-

* По материалам Международной научно-практической конференции, состоявшейся в ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет» 29–30 мая 2018 г., «Всеобщая декларация прав человека как правовое условие устойчивого развития государства и общества», посвященная 70-летию Декларации прав человека 1948 года.

конных действий) и, особенно, казнокрадством выступал Петр I. Например, в качестве одного из средств борьбы с коррупцией он учредил институт фискалов. Однако его старания оказались напрасными и уже в 1726 г. из-за отсутствия в российской казне денег Екатерина I постановила, что жалование отныне будет выплачиваться только президентам коллегий (министрам), «а приказным людям не давать, а довольствоваться им от дела по прежнему обыкновению от челобитчиков, кто что даст по своей воле, понеже и наперед того им жалованья не бывало, а пропитание и без жалованья имели» [1, с. 195].

Обсуждение

Вопросы борьбы с преступлениями коррупционной направленности с годами не утратили своей актуальности, из-за чего постоянно находятся в поле зрения многих российских и зарубежных ученых. «В современной юридической литературе признается, что сейчас коррупция проникает во все сферы жизнедеятельности государства и общества, приобретает черты организованности. Коррупция становится не только разновидностью преступности, но и способствует тесному сращиванию криминальных структур с исполнительной, законодательной и судебной властью, проникновению организованной преступности в различные сферы общественной и государственной жизни. Не испытывая должного противодействия, она стремительно набирает силу и превращается в самостоятельный и весьма значимый социальный и политический фактор, разрушительно влияющий на дальнейшее развитие любого государства» [2, с. 10]. Причины появления и дальнейшего распространения коррупции в различных государствах, как правило, общие, хотя имеют свои национальные особенности в зависимости от конкретной исторической эпохи и социально-экономического развития той или иной страны.

К глубокому сожалению, проблема современного мира в коррупционных вопросах приобрела крупномасштабные размеры и в нашей стране, что вызывает особую тревогу и озабоченность со стороны государства, в связи с чем был издан Указ Президента РФ в 2015 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», в п. 43 которого коррупция названа в числе основных угроз государственной и общественной безопасности¹. С каждым годом взяточничество приобретает более изощренный характер, в целях наживы должностные лица изобретают все новые схемы осуществления своих корыстных планов, пытаясь любыми способами избежать наказания, что значительно осложняет работу правоохранительных органов, направленную на раскрытие и расследование преступлений коррупционной направленности.

Вместе с тем законодатель со своей стороны пытается своевременно вносить существенные изменения в уголовное законодательство, касаю-

¹О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683м // СПС «Консультант Плюс».

щиеся коррупционных составов преступлений, к примеру, предусматривая уголовную ответственность не только взяткополучателя или взяткодателя, а также посредников между ними. В данной статье рассматриваются некоторые проблемы предварительного расследования по уголовным делам в отношении посредников во взяточничестве.

Считаем, что предпосылкой криминализации посредничества во взяточничестве послужило Послание Президента РФ Д. А. Медведева Федеральному Собранию РФ 30 ноября 2010 г., в котором он указал, что в стране «сформировался такой вид преступного промысла, как посредничество во взяточничестве. Вокруг судов и других государственных органов, все это отлично знают, вьется множество проходимцев, заверяющих, что они знают, как решить любое дело, кому и сколько для этого “занести”. Я считаю, что посредничество во взяточничестве, так же как и кратный размер штрафа, необходимо внести в уголовный закон»². Через полгода (04.05.2011) с принятием Федерального закона № 97-ФЗ³ Уголовный кодекс РФ был дополнен ст. 291.1 «Посредничество во взяточничестве».

Рассматривая вопросы, с которыми сталкиваются органы предварительного расследования, следует отметить проблему разграничения в квалификации действий посредника между реальным посредничеством и мнимым, которое сопряжено с мошенничеством. В первом случае действия посредника соответствуют объективной стороне состава преступления, предусмотренного ст. 291.1 УК РФ, и направлены против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, а также подрывают авторитет должностных лиц.

Во втором случае мошенник, вводя в заблуждения взяткодателя относительно имеющихся у него связей в органах власти, из корыстных побуждений присваивает себе предназначенную для передачи взятку, не выполняя при этом обязательства перед взяткодателем, что необходимо квалифицировать как мошенничество. Стоит отметить, что иногда реальное и мнимое посредничества сливаются в один преступный умысел, таким образом, посредник, значительно искажая размеры взятки взяткодателю, действуя в рамках реализации соглашения между ним и взяткополучателем, передает только часть денежных средств последнему, остальную же оставляет себе, в этом случае его действия будут квалифицироваться по совокупности составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 291.1 и 159 УК РФ.

Отметим, что зачастую при расследовании уголовных дел, связанных с посредничеством во взяточничестве, следователи сталкиваются со следующей проблемой. Взяткодатель и взяткополучатель контактируют ис-

²Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 30 ноября 2010 г.: сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/9637> (дата обращения: 30.05.2018).

³О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции: федер. закон от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

ключительно через посредника, не зная друг друга в лицо, поэтому связать между собой данных лиц и процессуально задокументировать их криминальную деятельность крайне проблематично. Помимо этого, посредник, уверенный в своей безнаказанности, совершает коррупционные преступления неоднократно, получая материальную для себя зачастую двойную выгоду, – как со стороны взяткополучателя, так и взяткодателя, будучи убежденным в том, что ни с одной из сторон к нему претензий не будет.

Выводы

Способы решения проблем нам видятся в совершенствовании уголовного законодательства с целью исключить пробелы и не допустить лазейки для преступников в законах. Также стоит особое внимание уделить подготовке сотрудников органов предварительного расследования, для чего необходимо разработать новые и совершенствовать уже существующие методики проведения предварительного расследования, направленные на получение и закрепление доказательств коррупционной деятельности как взяткодателей, взяткополучателей, так и их посредников, а также эффективные профилактические меры, в числе которых следует выявлять обстоятельства, способствующие совершению преступления, и принимать исчерпывающие меры по их устранению. В этом вопросе мы солидарны с мнением о том, что «борьба с коррупцией должна вестись по всем направлениям: от совершенствования законодательства, работы правоохранительной и судебной систем до воспитания в гражданах нетерпимости к любым, в том числе бытовым, проявлениям этого социального зла и т.п. Профилактика коррупции предполагает осуществление комплекса целенаправленных мер по предупреждению противоправного поведения лиц, которые могут совершить коррупционное деяние, и правовому просвещению населения в целях формирования в обществе нетерпимости к коррупционным проявлениям. Следует так же разработать и активно внедрять некие универсальные правовые и организационные средства по ее предупреждению и пресечению» [2, с. 19].

Список литературы

1. **Каменский А. Б.** От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века. М.: РГГУ, 1999. 575 с.
2. **Патов Н. А.** Историко-правовой обзор мер противодействия коррупции // Мировой судья. 2018. № 4. С. 10 – 20.

References

1. **Kamenskiy A.B.** *Ot Petra I do Pavla I: reformy v Rossii XVIII veka* [From Peter I to Paul I: reforms in Russia of the XVIII century], Moscow: RGGU, 1999, 575 p. (In Russ.)
2. **Patov N.A.** [Historical and legal review of anti-corruption measures], *Mirovoy sud'ya* [Magistrate], 2018, no. 4, pp. 10-20. (In Russ.)

Some Aspects of Preliminary Investigation on Criminal Cases with Respect to Bribery Intermediaries

L. M. Babkin, *Candidate of Law, Professor,
Department of Criminal Procedure,
V. Ya. Kikot Ryazan Branch of Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ryazan, Russia;
rfmu@mvd.gov.ru*

I. A. Sorokina, *Lecturer,
Department of Criminal Procedure,
V. Ya. Kikot Ryazan Branch of Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ryazan, Russia;
irsen121@mail.ru*

The paper presents the analysis of the historical, legal and political prerequisites for the appearance of a corpus delicti associated with mediation in bribery. The difficult issues of qualifying crimes related to this story are covered. The problems of qualification of “imaginary” and “real” mediation and proving the connection between the bribe taker and the bribe giver are highlighted.

Keywords: bribe; corruption; mediation in a bribe; preliminary investigation; criminal process.

© Л. М. Бабкин, 2019

© И. А. Сорокина, 2019

Статья поступила в редакцию 30.05.2018

При цитировании использовать:

Бабкин Л. М., Сорокина И. А. О некоторых аспектах предварительного расследования по уголовным делам в отношении посредников во взяточничестве // *Право: история и современность.* 2019. № 2. С. 88 – 92. doi: 10.17277/pravo.2019.02.pp.088-092

Актуализированы морально-этические проблемы современных юристов с концептуальной точки зрения. В этой связи рассмотрены социокультурные концепции – «этический капитализм» и «цифровая экономика», повлиявшие на морально-этический стандарт профессионального поведения юристов. На этой основе выявлены основные признаки морально-этического стандарта современного юриста. Доказано, что деонтологическое содержание профессиональных кодексов юристов имеет актуальный характер.

Ключевые слова: профессиональная этика юристов; концепция профессионального сознания юристов; этический капитализм; цифровая реальность.

Людмила Константиновна Бондаренко, д-р филос. наук, профессор, кафедра «Уголовно-процессуальное право», Северо-Кавказский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Краснодар, Россия; sichaykin@mail.ru

МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЮРИСТА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Введение

Вопросы профессиональной этики субъектов юридической деятельности обрели за последние десятилетия особо острый характер. Общество оперативно реагирует на проявление аморальности и бескультурья представителей судебной власти, справедливо требуя от них неукоснительного соблюдения морально-этических норм. Правоохранительные органы поддерживают эту тенденцию, решительно реагируя на поступки, умаляющие авторитет судебной власти. (Так, краснодарские судьи А. Шевенко в 2017 г. и А. Крикоров в 2018 г. были исключены из судейского сообщества, Е. Хахалева в 2017 г. была выведена из президиума краевого суда, г. Краснодар [1, 3, 4].) В этой связи поднимается вопрос о моральном сознании и поведении субъектов юридической деятельности в контексте нового времени. Данные аспекты недостаточно осмыслены и требуют более внимательного изучения как со стороны российской общественности, так и профессионального сообщества. Исходя из этого, можно отметить, что задачами данного исследования являются: выявление морально-этических границ профессионального сознания современных юристов на основе анализа взаимодействия основных морально-нравственных систем в целях выявления основных признаков морально-этической концепции юриста на современном этапе.

Методы

Исходя из темы исследования, основными методами являются: обобщение фактических данных и системный обзор. Системный обзор направляется на поиск связи между основными концепциями времени и профес-

сиональным сознанием современных юристов. С этой целью исследуются: электронные ресурсы, справочные издания, телевизионные передачи, посвященные морально-этическим конфликтам в сфере общественной морали в современной России, а также федеральные законы и профессиональные кодексы, которые аккумулируют опыт регуляции общественных правоотношений.

Обсуждение

Концепция этики юриста, как представляется, должна основываться на постулатах современной общественной морали, складывавшейся на протяжении трех десятилетий: позднего советского периода (середина 1980 – начало 1990-х гг.), называемого в российской культуре периодом позднего модернизма; постсоветского периода (1990-е гг.), включающего транзитивный – перестроечный период (конец 1990-х гг.); постмодернистского периода (2000 – 2010 гг.), который иногда обозначается со стороны западных философов и политологов как «период “этического капитализма”» [6, с. 384]; новейшего периода – интеграционного общества» [7]. Более распространенным для двух последних периодов является общее определение – «информационное общество», то есть общество, основанное на современных коммуникационных технологиях. В этой связи встают вопросы о влиянии на профессиональную этику юристов различных морально-нравственных систем, бытующих в современном российском обществе (в целях выявления морально-этической концепции профессионального сознания юристов на современном этапе).

Наибольшее внимание в плане формирования морально-этического стандарта современного юриста привлекают две важнейшие парадигмы информационного общества: «этический капитализм» и «цифровая экономика».

Термин «этический капитализм» главным образом относится к социальной политике российского государства (в котором велика роль Президента РФ В. В. Путина) и благотворительной деятельности крупнейших российских меценатов, поддерживающих развитие науки, искусства, медицины, культуры, образования и спорта в Российской Федерации и за ее пределами (А. Усманов, О. Дерипаска, С. Галицкий, В. Вексельберг и др.). Морально-этическое начало проявляется в антикоррупционной политике; проведении беспрецедентной для российского государства демографической политики¹; в участии государства при устранении последствий техногенных и природных катастроф и др. Это особенно важно на фоне усиления классового и имущественного неравенства, о чем говорилось в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации

¹ Об утверждении Концепции демографической политики на период до 2025 года: указ Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351 [Электронный ресурс] / Правительство РФ: распоряжение от 14 апреля 2016 г. № 669-р. URL: <https://docplayer.ru/32603934-Pravitelstvo-rossiyskoy-federacii.html/> (дата обращения: 06.02.2019).

до 2020 года»². Согласно подсчетам экономистов [2], с 2013 по 2016 гг. число бедных россиян выросло почти на 6 млн (с 15,5 млн до 21,4 млн в первом полугодии 2016 г.) или до 14,6 % населения. Эта тенденция, как указывают российские СМИ, продолжилась и в 2017–2018 гг. В таких условиях вопросы морали и этики приобретают особый политический и социальный смысл. Как показала общественная практика последних десятилетий, актуальность системы морально-этических ценностей, декларируемых сверху, определяется своевременным решением социальных проблем. Это является необходимым условием сплочения российского общества.

Согласно официальной идеологии последнего времени, внутренняя политика государства направлена на примирение всех слоев российского общества, на основе идеи равенства всех перед законом и судом, признания национальной и культурной идентичности народа, в противовес идеологическому антагонизму – классовый борьбе, направленной против частной собственности, имущественного и социального неравенства граждан. В этом плане правовая идеология приобретает особый вес, тем самым обозначая укрепление в российском обществе правового сознания (в противовес правовому нигилизму).

О новых путях консолидации российского общества на морально-этической основе, создании общих морально-нравственных ценностей, приемлемых для всех слоев населения, говорят, практически, все духовные лидеры, начиная от видных политиков и заканчивая Патриархом всея Руси Кириллом [5]. Таким образом, закладываются основы гражданской солидарности всех слоев общества в новых историко-культурных условиях. (Эти идеи звучат по-особенному на фоне сложной международной обстановки, в которой оказалась Россия.)

Погружение российского общества в единую цифровую среду обозначило развитие интеграционных тенденций во всех сферах жизнедеятельности. Цифровые технологии связали основные потребности людей с формами их удовлетворения. Это, с одной стороны, способствовало консолидации общества, с другой, – усилило контроль государства (и мегакорпораций) за деятельностью граждан (что позволяет говорить о новых чертах тоталитаризма).

Новая общественная парадигма переформатировала социальное время. В результате этого усилились прагматизм и рациональность, которые, по сути, определяют общественную ценность предметов, явлений и отношений. Все традиционные ценности пересматриваются с точки зрения их целесообразности в информационной реальности. Гонка за информационной актуальностью изменила морально-этические контуры личности и общества в целом. С одной стороны, это сняло морально-нравственные ограничения, с другой, – поставило знак равенства между актуальностью информации как высшей ценностью (в любых направлениях человеческой деятельности) и морально-нравственными ориентирами членов российского общества. (Например, это отражено в идиоме массового сознания:

² Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс]: указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года № 537. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87685/ (дата обращения: 02.02.2019).

«чем известнее, тем “лучше”, или чем личность известнее, тем весомее она в новых информационных условиях».) Более того, благодаря информационным технологиям, традиционные (вечные морально-нравственные ценности) пересекаются с новыми эстетико-этическими веяниями, становясь новой морально-этической нормой – мифологической синкретикой, формируя актуальные морально-этические образы – стереотипные морально-нравственные знания, способные регулировать общественные отношения. Например, таким гибридом в массовом сознании является этика потребления в контексте тотальной эстетики, когда происходит подмена понятий, – в жизни хорошо лишь то, что производит внешне приятное впечатление и пр.

Рассматриваемые социокультурные концепции существуют в информационной среде параллельно, давая возможность развитию морального сознания многослойного российского общества. В каждом социуме (группе, коллективе, профессиональном сообществе и пр.) существуют морально-этические нормы и требования, которые исходят из фактора общественной необходимости и целесообразности. Разница между этими мировоззренческими системами заключается во времени протекания общественных процессов (!); качественном и количественном составе основных участников; субъективных морально-нравственных целях и допустимых с их точки зрения морально-этических средствах достижения целей. Это, по большому счету, исключает всеобщность некоторых традиционных морально-этических норм. Например, как приверженность каким-либо моральным авторитетам, религиозным идеалам, определенной системе морально-нравственных ценностей, которая актуальна среди людей, сформировавшихся в советский период, или в 1990-х гг. Это, с одной стороны, предопределяет высокую конкуренцию между основными морально-нравственными системами, с другой, – является залогом интенсивного развития общественной морали в целом.

Если ранее поляризация морально-нравственных систем осуществлялась по критерию времени: отношению к прошлому или будущему («прогресс – регресс»), и все многообразие морально-нравственных систем дифференцировалось по признакам «отсталый – прогрессивный», то в настоящее время, при всем многообразии морально-нравственных систем (цивилизационных, классовых, гендерных, социокультурных, региональных, профессиональных и др.), требуются иные критерии, которые должны иметь общий «инструментальный» характер. В этой связи следует выделить прагматическую основу разных морально-этических систем; и на этой основе – актуальные критерии: «адекватность» или «неадекватность» морально-нравственных норм, применяемых в конкретной ситуации. Соответственно, главным признаком актуальности различных морально-нравственных систем является их адекватность морально-этической ситуации.

Однако вышедший на первый план фактор целесообразности не исключает разработанных ранее гуманистических принципов, которые аккумулированы в традиционной морали и праве как формах общественного сознания. В этом плане современное право соотносится с современной

моралью посредством давно отработанных связей, которые обрели в информационных условиях особую ясность.

Как известно, в основе правовых норм лежат моральные нормы, воспринимаемые в праве как особый объект, который защищается законом. В этом плане следует обратиться к правовым нормам, в которых отражены морально-нравственные отношения, имеющие общественную ценность. Например, это отражено в системе материального и процессуального права:

– Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях: глава 6. Административные правонарушения, посягающие на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность³;

– Уголовном кодексе Российской Федерации: глава 17. Преступления против свободы, чести и достоинства личности; глава 19. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина; глава 25. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности⁴;

– Гражданском кодексе Российской Федерации⁵: глава 59. Обязательства вследствие причинения вреда. § 1. Общие положения о возмещении вреда (ст.ст. 1064 – 1083); § 2. Возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина (ст.ст. 1084 – 1094); § 4. Компенсация морального вреда (ст.ст. 1099 – 1101).

Морально-нравственные отношения являются объектом охраны в уголовном праве. Например, это отражено в процессуальном праве:

– Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации данные аспекты регулируются в главе 2. Принципы уголовного судопроизводства в ст. 9. Уважение чести и достоинства личности. В ней провозглашается: «1. В ходе уголовного судопроизводства запрещаются осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоинство либо создающее опасность, не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению»⁶.

Таким образом, в выделенных главах федеральных законов мораль, по сути дела, является объектом в разных ипостасях: «принцип гуманизма», «честь», «достоинство», «деловая репутация», «общественная нравственность», «моральный вред»; «морально-нравственные страдания» и пр.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ. URL: Consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661 (дата обращения: 02.01.2019).

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ. URL: Consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 02.01.2019).

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019 г.). URL: bazanpa.ru/gk1 (дата обращения: 02.01.2019).

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2018, с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019). URL: Consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 09.01.2019).

Право с помощью норм материального и процессуального права разрешает вновь возникающие, в том числе морально-нравственные противоречия между субъектами права, ориентируясь в большей степени на формально обозначенные стандарты права, в которых аккумулированы и вечные морально-нравственные ценности, и идеология нового времени. В этом смысле вновь вводимые правовые нормы, являясь идеологическим продуктом правящей власти, могут противоречить традиционным, сложившимся веками морально-нравственным нормам, бытующим среди определенного круга людей.

Профессиональная этика юристов отражает этот сложный (перекрестный) процесс слияния правовых и моральных норм, оставаясь в восприятии общества незыблемым авторитетом в сфере общественной морали. Это можно увидеть на примере измененных с 2010 г. на основе «Типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих РФ и муниципальных служащих»⁷ профессиональных кодексов субъектов юридической деятельности⁸. На основе анализа текстов профессиональных кодексов можно выделить ключевые моменты, которые отражают процесс взаимодействия профессиональной морали юристов с общественной практикой в новых социокультурных условиях. Среди прочих выделяются: повышение личной ответственности сотрудников правоохранительных органов и личной ответственности руководителя за соблюдение морально-этических норм в служебном коллективе; повышение требования к поддержанию высокого профессионального уровня сотрудников правоохранительных органов; формализация отношений между подчи-

⁷ Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих РФ и муниципальных служащих: утв. решением Президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г., протокол № 21 [Электронный ресурс]. URL: <https://mcp.dogm.mos.ru/anti-corruption/normative-legal-and-other-acts-in-the-field-of-combating-corruption/4985721/> (дата обращения: 07.02.2019).

⁸ Кодекс судейской этики (с изменениями от 8 декабря 2016 г.): утв. VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/info/legalbases/kodeks/> (дата обращения: 09.01.2019); Кодекс профессиональной этики сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 31.10.2013 года № 883 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70433742/> (дата обращения: 02.02.2019); Кодекс этики и служебного поведения федеральных государственных служащих Следственного комитета Российской Федерации: утв. Следственным комитетом РФ 11.04.2011 (по состоянию на 08.09.2017) [Электронный ресурс]. URL: <http://legalacts.ru/doc> (дата обращения: 09.12.2018); Кодекс этики и служебного поведения федерального государственного гражданского служащего органов прокуратуры Российской Федерации: утв. Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 25.03.2011 № 79 [Электронный ресурс]. URL: <http://zakon.su/wp-content/> (дата обращения: 09.12.2018); Кодекс профессиональной этики адвоката: принят I Всерос. съездом адвокатов 31.01.2003 (ред. от 20.04.2017) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44841/ (дата обращения: 02.02.2019); Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации 26 ноября 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71157562/> (дата обращения: 09.01.2019).

ненными и руководителем; конкретизация решения конфликтов в служебной деятельности различных уровней; повышение требований к культуре общения государственных служащих с гражданами (и не гражданами) Российской Федерации; повышение требований к социальной культуре и личностной культуре, что выразилось в требовании толерантности (!); соблюдение морально-этических норм как в служебной деятельности, так и внеслужебной; повышение требований о недопустимости умаления авторитета судебной власти, что выразилось в требовании соблюдения госслужащими законодательства РФ, регулирующего конфликт интересов.

Казалось бы, то что ранее звучало на уровне рекомендации, обрело в условиях информационного общества особый морально-этический вес, составив основу профессионального поведения современного юриста. Давление со стороны государственного аппарата, требующего от госслужащих неукоснительного соблюдения морально-этических норм в рамках антикоррупционной политики, вместе с цифровой реальностью, с ее огромными возможностями фиксации любой информации, в том числе профессионального поведения и поведения госслужащих вне службы, стали реальными условиями формирования профессионального сознания, поведения и профессиональной деятельности современного юриста.

Результаты

Исходя из задач исследования (выявления морально-этических границ профессионального сознания современного юриста и анализа взаимодействия основных морально-нравственных систем), можно сделать следующие выводы:

1) морально-этическая концепция профессионального сознания юриста на современном этапе определяется парадигмой «информационного общества», ее важнейшими социокультурными концепциями: «этическим капитализмом» и «цифровой экономикой», повлиявшими на морально-этический стандарт профессионального поведения юристов;

2) основным признаком морально-нравственной концепции современного юриста является неотделимость морально-этических требований, предъявляемых к современному юристу, от общественной практики;

3) в морально-нравственных требованиях к профессиональному поведению юристов, закрепленных в этических кодексах, ощущается опора:

– на вечные морально-нравственные ценности, лежащие в основе общественной морали;

– идеологические (политические, классовые) ценности, закрепленные в праве;

– моральные ценности прагматического общества, основанные на идеологии потребления.

Выяснено, что данные аспекты легли в основу морально-этической концепции профессионального сознания современного юриста.

Заключение

На основе исследования процессов взаимовлияния форм общественного сознания: права и морали, получивших отражение в федеральных законах, указах Президента РФ, регулирующих общественные отношения в данных сферах, на основе исследования профессиональных кодексов юристов, регламентирующих профессиональное сознание, поведение и деятельность сотрудников правоохранительных органов, адвокатов и нотариусов, можно отметить, что повышение требований к социальной культуре, личностной культуре юристов обусловлено реалиями информационного общества. Это требует неукоснительного соблюдения современными юристами профессиональных морально-этических кодексов.

Список литературы

1. **В Краснодаре** очередной пьяный судья Арсен Криков [Электронный ресурс]. URL: [Новости-россии.ru-an.info](http://novosti-rossii.ru-an.info) (дата обращения: 06.02.2019).
2. **Кувшинова О.** На долю 10 % россиян приходится почти 90 % национального богатства 23 ноября 2016 00:38 // Ведомости 23 ноября 2016 00:38 [Электронный ресурс]. URL: <http://https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/11/23> (дата обращения: 01.12.2018.)
3. **Мат** краснодарского судьи Алексея Шевченко [Электронный ресурс]. URL: [youtube.com>watch?v=Xj5y4BDb5UQ](http://youtube.com/watch?v=Xj5y4BDb5UQ) (дата обращения: 06.02.2019).
4. **Политика/Безопасность и право.** Председателю Краснодарского суда припомнили грехи подчиненной Елены Хахалевой (которую в сентябре 2017 г. Верховный Суд вывел из состава президиума Краснодарского краевого суда), Александру Чернову не разрешили возглавить Четвертый кассационный суд [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/09/25/782005-predsdatelyu-krasnodarskogo-suda-ripomnili-grehi-podchineno> (дата обращения: 06.02.2019).
5. **«Рождественские чтения»:** интервью Д. Киселева с Патриархом всея Руси Кириллом 07 января 2019 г. ТВК «Россия-1».
6. **Тоффлер Э.** Третья волна. М.: АСТ, 2010. 795 с.
7. **Экономический форум в Давосе**, 23 января, 2019 г.: материалы форума. Интервью Г. Грефа. ТВК «1», ТВП «Новости».

References

1. **available at:** Novosti-rossii.ru-an.info (accessed: 06 February 02.2019).
2. **Kuvshinova O.** available at: <http://https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/11/23> (accessed: 01.12.2018.)
3. **available at:** [youtube.com>watch?v=Xj5y4BDb5UQ](http://youtube.com/watch?v=Xj5y4BDb5UQ) (accessed: 06 February 2019).
4. **available at:** <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/09/25/782005-predsdatelyu-krasnodarskogo-suda-ripomnili-grehi-podchineno> (accessed: 06 February 2019).
5. **“Rozhdestvenskiye chteniya”:** interv'yu D. Kiseleva s Patriarkhom vseya Rusi Kirillom [“Christmas readings”: interview of D. Kiselev with Patriarch of All Russia Kirill], January 7, 2019 of Russia-1 TVK. (In Russ.)
6. **Toffler E.** *Tret'ya volna* [The Third Wave], Moscow: AST, 2010, 795 p. (In Russ.)
7. **Ekonomicheskii forum v Davose** [Davos Economic Forum], 23 January, 2019: forum materials, interview with G. Gref, TVK “1”, TVP “News”. (In Russ.)

The Existing Moral and Ethical Concept of a Lawyer

L. K. Bondarenko, *Doctor of Philosophy, Professor,
Department of Criminal Procedure Law,
North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice,
Krasnodar, Russia;
sichaykin@mail.ru*

The article reveals the moral and ethical problems of modern lawyers from a conceptual point of view. In this regard, socio-cultural concepts, “ethical capitalism” and “digital economy”, which influenced the moral and ethical standard of professional behavior of lawyers, are considered. On this basis, the main features of the moral and ethical standard of a modern lawyer are identified. It is proved that the deontological content of professional codes of lawyers is relevant.

Keywords: professional ethics of lawyers; the concept of professional consciousness of lawyers; ethical capitalism; digital reality.

© Л. К. Бондаренко, 2019

Статья поступила в редакцию 20.02.2019

При цитировании использовать:

Бондаренко Л. К. Морально-этическая концепция юриста на современном этапе // *Право: история и современность*. 2019. № 2. С. 93 – 101. doi: 10.17277/pravo.2019.02.pp.093-101

Проанализированы современные подходы отечественных и зарубежных авторов к правам человека в их международно-правовом измерении. Рассмотрены два наметившихся в последнее время подхода – универсалистский, закрепленный в ряде международно-правовых документов, и цивилизационный, получивший развитие в ряде работ отечественных правоведов и страноведов. Отмечена проблематичность универсалистского подхода к правам, являющегося выражением идей евроцентризма, не учитывающего реалий и многообразия человеческих обществ и рассматривающего западный универсалистский подход к пониманию прав человека в качестве единственно приемлемого.

Ключевые слова: права человека; универсализм; цивилизационный подход.

Борис Александрович Куркин, д-р юрид. наук, профессор, кафедра «Международное право», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», Тамбов, Россия; kurkin.boris2012@yandex.ru

Ирина Сергеевна Искевич, канд. юрид. наук, доцент, кафедра «Международное право», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», Тамбов, Россия; irina_77707@list.ru

УНИВЕРСАЛИСТСКОЕ И ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ПОНИМАНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ*

Прошло 70 лет с момента принятия Всеобщей декларации прав человека. За эти годы четко оформились тенденции в понимании и толковании этого документа, меняющиеся, разумеется, вместе с миром, в котором они действуют или не действуют.

Современная российская правовая теория постоянно подчеркивает универсальную ценность прав человека. Данный тезис изначально был краеугольным камнем либеральной конституционно-правовой идеологии в России. По мнению Е. А. Лукашевой, права человека позволяют «измерять все важнейшие явления и события, происходящие в обществе и в мире»[2, с. 234].

Все демократические правовые системы (и внутригосударственные, и международные), – подчеркивает автор, – выстраиваются вокруг главной универсальной идеи – обеспечения прав человека, в которых выражены основные притязания человека на определенные блага и условия его нормальной жизнедеятельности (свобода, право на жизнь, неприкосновен-

* По материалам Международной научно-практической конференции, состоявшейся в ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет» 29–30 мая 2018 г., «Всеобщая декларация прав человека как правовое условие устойчивого развития государства и общества», посвященная 70-летию Декларации прав человека 1948 года.

ность личности, право собственности, право на свободу совести, мнений, убеждений, достойный уровень жизни и др.). Эти права являются естественными и неотъемлемыми, и от осознания этого факта и реализации прав человека, обеспечивающих его достойную жизнь, зависит устойчивость любой системы (национальной и международной) [2, с. 39].

Таким образом, право, права человека, по Е. А. Лукашевой, являются, с одной стороны, универсальной ценностью, с другой, – являются таковой лишь в рамках демократических, то есть западных, либеральных правовых систем.

Современная российская теория прав человека активно и оперативно реагировала и реагирует на возникновение в современном общественном сознании новых концепций и доктрин, в частности, доктрин «глобализации», устойчивого развития и т.д. Живым примером тому являются работы современных теоретиков права и прав человека, в частности Е. А. Лукашевой, под руководством и при активном участии которой появляются работы, посвященные связи прав человека с вышеуказанными концепциями и доктринами [2, с. 21].

«Глобализация прав человека, – отмечает Е. А. Лукашева, – отражает возрастание и углубление всеобщей зависимости, которая объективно определяется новыми вызовами цивилизации, требующими совместной деятельности людей, преодолевающей государственные, социокультурные, конфессиональные, национальные и иные барьеры. Поэтому глобализация прав человека – это отражение более общей закономерности – процесса мировой глобализации, которая неизбежно ведет к созданию единого правового пространства, где взаимодействие людей, групп и общностей должно осуществляться на основе свободы и прав человека» [2, с. 6].

Координируя взаимодействие людей, права человека обладают незаменимым свойством: они не только ограничивают власть государства, но и делают ее подзаконной [2, с. 6].

Следует выделить в этой связи новый ракурс, под которым ведущие российские теоретики права исследуют феномен прав человека. Этим ракурсом являются идеи «глобализации» и «устойчивого развития». При этом отечественное правоведение выделяет права человека в качестве одного из важнейших факторов, способствующих такому «устойчивому развитию».

Устойчивое развитие, как подчеркивает Е.А. Лукашева, невозможно без обеспечения свободы и автономии личности, по своему усмотрению определяющей способы и сферы своей жизнедеятельности. Эта свобода и ее границы содержатся в правах человека.

Помимо этого, права человека и их реализация, по мнению Е. А. Лукашевой, «маркируют» природу государства. При этом важна связь провозглашенных прав и четко отработанных механизмов, процедур, надежно обеспечивающих их реализацию. Нередко тоталитарные государства провозглашают широкий каталог прав и свобод, однако их реализация не обеспечена. Поэтому только связь двух компонентов – провозглашенных прав и механизмов обеспечения их реализации – свидетельствует о подлинном демократизме государства. И хотя демократия всегда содержит в себе факторы неустойчивости (борьба мнений, различие понятий, противостояние политических партий и группировок), она все же значительно

надежнее обеспечивает стабильность развития, позволяя в той или иной степени отражать, учитывать и примирять все эти различия и противоречия. Демократия, отражая противоречивость мнений и позиций, создавая поле их борьбы, как это ни парадоксально, значительно надежнее обеспечивает стабильность и устойчивость, чем тотальное показное единство, которое неизбежно кончается взрывом и ведет к разрушению антидемократического строя [2, с. 35].

Принцип формального юридического равенства, на котором основаны все права человека, – подчеркивает Е. А. Лукашева, – примиряет противоречивые и разнонаправленные интересы людей, создает своего рода консенсус относительно характера их взаимодействия, объема благ и притязаний, на которые может рассчитывать каждый, определяет роль государства в отношении к правам человека и способам их защиты. Права человека консенсуальны по своей природе, поэтому они играют важнейшую роль в установлении согласия в обществе и обеспечении устойчивости его развития.

Ссылаясь на Всеобщую декларацию прав человека 1948 г., Е. А. Лукашева отмечает, что этот документ определил права человека как задачу, к выполнению которой должны стремиться все народы и государства, с тем чтобы обеспечить эти права и свободы, добиться их всеобщего и эффективного признания и осуществления. «Тем самым права человека из внутригосударственной проблемы стали задачей международной значимости, приобрели глобальный, универсальный характер» [2, с. 6].

Вместе с тем в другой работе Е. А. Лукашева пишет, что несмотря на огромную гуманистическую и нравственную сущность прав человека, нельзя не затронуть вопрос и о том, почему «права человека в современном мире – явление не универсальное, а большинство государств мира не являются правовыми (они могут быть авторитарными, тоталитарными, а также лишенными каких-либо четких характеристик» [7, с. 28].

Такой видится одному из ведущих российских правоведов роль прав человека в современном мире.

Эту же тему развивает и О. В. Орлова. Глобализация, по ее мнению, неразрывно связана с правами человека (в том числе политическими), «ибо все то, что составляет основу гражданского общества – создание необходимых условий для удовлетворения всесторонних интересов человека, развитие его физических и духовных сил, – имеет значение не только для отдельных стран, но и всего человечества в целом. Более того, масштабное решение глобальных проблем сегодня – это “шанс” для выживания и прогресса человеческой цивилизации. Однако, как показывает история, невозможно внедрение демократии извне, ибо нельзя силой заставить человека быть свободным» [3, с. 50].

В современной российской правовой теории явно наметился и иной – отличный от универсализма – взгляд на роль, значение и место института прав человека в современной общественно-политической жизни. И порой он присутствует в работах одних и тех же авторов.

«Международно-правовые документы по правам человека, а также конституции европейских демократических государств, – подчеркивает автор, – мы также считаем универсальными образцами, приемлемыми и необходимыми для всех регионов мира» [2, с. 7].

На наш взгляд, государств без «каких-либо четких характеристик» не бывает. К тому же отнесение тех или иных государств к числу «правовых» или «неправовых» требует достаточно четких научных критериев, а таковыми в соответствии с господствующей на Западе и в России либеральной правовой теорией признаются лишь те, что выработаны самой же либеральной политико-правовой теорией. И в силу этого обстоятельства такой критерий нельзя назвать научным. Он может быть лишь субъективным, концептуальным, то есть в достаточной мере произвольным, идеологичным.

Для современной российской правовой теории, теории прав человека характерно и разнообразие методологических подходов к изучению этого института, среди которых все бóльший удельный вес приобретает так называемый цивилизационный (культурологический) подход – в противовес традиционному и формационному.

Так, обосновывая универсальность значения Всеобщей декларации прав человека, Е. А. Лукашева ссылается на то, что как минимум 90 национальных конституций, принятых после 1948 г., содержат перечень фундаментальных прав, которые или воспроизводят положения Всеобщей декларации, или включены в них под ее влиянием. И тут же отмечает, что «традиционное право очень часто оказывает сопротивление новшествам современности и что так называемая “передача” права в силу специфики традиционных культур нередко бывает иллюзорной [2, с. 7–8]. На это обстоятельство обратил внимание и французский исследователь Н. Рулан [11, с. 185].

В этой связи Е. А. Лукашева делает весьма существенную оговорку: оценивая новые тенденции в развитии прав человека, которые выявляются к концу XX в., «следует взвешенно подходить к соотношению европейских “универсальных” стандартов и традиционализма, культуры, религии иных цивилизаций, поскольку прямолинейного пути к утверждению европейских норм и принципов в различных культурах и цивилизациях просто не существует» [2, с. 35].

Аналогичная противоречивость позиции относительно универсальности западного понимания прав человека характерна и для Н. В. Варламовой. Как отмечает автор, «западная идеология естественных и неотчуждаемых прав человека все активнее заявляет претензии на установление таких всеобщих универсальных стандартов социальной организации. И дело здесь отнюдь не в том, что лежащая в ее основе ценность личной свободы сама по себе является общепризнанной и безусловной. Напротив, как справедливо подчеркивают критики европоцентризма, большинство человеческих культур и цивилизаций создали социальные порядки, базирующиеся на принципиально иных установках» [6]. В их основе приоритет самого порядка, воплощенного в той или иной системе моральных или религиозных постулатов, и конституируемой им социальной общности, а не отдельной личности. Данные социальные порядки призваны обеспечивать не индивидуальную свободу, а единение, солидарность, соучастие людей в целях реализации определенных моральных или религиозных ценностей. Однако, как полагает Н. В. Варламова, «претендовать на объе-

дияющую роль в глобализирующемся мире эти порядки не могут, причем не потому, что утверждаемые ими моральные или религиозные ценности хуже, чем личная свобода, а потому, что они исключают все иные ценности, не признавая их таковыми».

Любой моральный или религиозный порядок не допускает существования внутри себя порядка, основанного на иных моральных или религиозных догматах. И, следовательно, утвердившись в качестве глобального социального порядка, снивелирует (поглотит, подавит) все иные формы социальной организации. Идеология же «естественных и неотчуждаемых прав человека в отличие от них предполагает максимально абстрактный и формализованный социальный порядок» [6].

Гарантируя свободу и формальное равенство всех участников социального взаимодействия, данный (правовой) социальный порядок предоставляет им и свободу морального и религиозного самоопределения. Признание личной свободы в качестве основополагающего принципа социальной организации отнюдь не освобождает человека от любых моральных или религиозных обязательств, а просто дает ему возможность самостоятельно выбирать убеждения и соответствующий им образ жизни, требуя при этом уважать аналогичный (в том числе противоположный) выбор других членов общества.

Таким образом, заключает автор, «именно идеология естественных неотчуждаемых прав человека позволяет конституировать социальный порядок, в рамках которого в равной мере (и в определенных пределах, как раз и обеспечивающих их сосуществование) признаются и защищаются различные моральные и религиозные системы социальной регуляции и основанные на них социальные порядки. Глобализация и универсализация социального порядка в масштабах планеты, осуществляемая на таких основах, не повлечет за собой уничтожение культурно-цивилизационного разнообразия человечества и позволит всем народам, вовлеченным в интеграционные процессы, сохранить свою национальную, культурную, религиозную, языковую и т.п. идентичность» [6].

Тем самым признавая многообразие понимания того, что в западной правовой науке понимается в качестве прав человека, автор утверждает универсализм такого понимания и пригодность его для прочих культур, обществ и государств.

Вместе с тем в отечественной науке международного права существует и иная точка зрения на роль Всеобщей декларации прав человека.

Так, С. В. Черниченко полагает, что «Всеобщая декларация прав человека построена на универсальной концепции межгосударственного сотрудничества в области прав человека, а не универсальной концепции прав человека» [10, с. 242].

Действительно, международно-правовое признание права и свободы человека получили уже в XX в., в частности, во Всеобщей декларации прав человека и гражданина 1948 г., Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах от того же года, Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. и др.

В данной декларации отражен «универсалистский» – чисто западно-либеральный подход к правам человека. Но, как отмечает И. Л. Честнов, еще в ходе подготовки проекта Всеобщей декларации прав человека Американской антропологической ассоциацией был подготовлен «Меморандум о правах человека», отражающий иное понимание этой проблемы. В нем, в частности, было записано: «Стандарты и ценности соотносительны с культурами, из которых они происходят, так что любая попытка сформулировать всеобщие постулаты на основе представлений или моральных кодексов одной из культур ограничивает применимость соответствующей декларации прав человека к человечеству в целом... Основопологающее значение должен иметь всеобщий стандарт свободы и справедливости, базирующийся на принципе, согласно которому человек свободен только тогда, когда может жить согласно пониманию свободы, принятому в его обществе» [14, с. 81].

В таком же духе высказывается и Н. А. Ушаков, утверждая, что «нет... и не может быть каких-либо международных стандартов применительно к основным правам и свободам человека, ибо практика государств их не выработала, единообразного понимания существа этих прав и свобод не существует, как не существует и обычно-правовых норм общего международного права, возводящих некую единообразную практику государств на уровень международных обязательств государств по общему международному праву. В рамках Организации Объединенных Наций государства согласовали содержание ряда универсального характера международных договоров, касающихся их взаимных обязательств в пользу индивидов, проживающих на их территории, в том числе два пакта об основных правах человека. Но такие пакты становятся обязательными только для государств-участников этих договоров, то есть для тех государств, которые их ратифицировали. А всеобщего такого участия отнюдь не наблюдается. Кроме того, пакты предусматривают определенный механизм разрешения споров между государствами-участниками по поводу возможного несоблюдения ими своих международных обязательств. Вне этого механизма государства-участники не могут прибегать к мерам давления или принуждения друг против друга. И тем более не могут требовать соблюдения неких не существующих международных стандартов применительно к государствам, не участвующим в пактах» [12, с. 41].

В отечественной литературе обращается внимание и на невозможность трактовки прав и свобод человека как высших, абсолютных ценностей, не подлежащих никаким ограничениям. Например, А. Ф. Черданцев отмечает, что права и интересы человека, гражданина фактически не ставятся выше интересов общества. Это вытекает из конституций самих правовых государств. Осуществление прав и свобод каждого отдельного человека ограничивается в первую очередь правами другого человека. Их осуществление, как сказано, например, в ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, не должно нарушать права и свободы других лиц.

Наличие разных подходов к проблематике прав человека восходит к полемике, развернувшейся в российском обществоведении между сторонниками формационного и цивилизационного подходов к изучению государства, права и прав человека. Дискуссия на эту тему развернулась

в российском обществоведении в конце 80-х годов XX века и была обусловлена недостаточностью, по мнению ряда теоретиков, формационного подхода к изучению указанных феноменов человеческой культуры [13].

Против теории «универсализации» прав человека, якобы одинаково пригодных для населения всей планеты, резко возражал и академик Н. Н. Моисеев. По его мнению, это является такой же иллюзией, как и представление о возможности однозначной интерпретации представлений о «добре». Попытка унифицировать понятие прав человека говорит лишь о незрелости нашей планетарной цивилизации или, лучше сказать, цивилизаций, непонимании того общего процесса самоорганизации, которым определяется развитие общества.

«Возможность глобальной стандартизации прав человека исключена, поскольку она не учитывает характера той цивилизации, в которой человек воспитан, те тысячи поколений, которые адаптировали свои правила жизни к тем условиям, которые определила окружающая их природа» [9, с. 104 – 109].

Сходную позицию занимает и О. В. Орлова, полагающая, что права человека являются исключительно достоянием западного мира. «Что же касается традиционных (то есть религиозных) цивилизаций, – как отмечает она, – то для них права человека в европейском понимании – пустой звук. Если даже они и не отрицают права человека и его свободу, то понимают их несколько по-иному. Тем не менее именно права человека, в первую очередь политические, составляют суть гражданского общества. И неслучайно они получили статус международно-правового стандарта для государств, обязавшихся признавать и соблюдать основные права и свободы человека» [3, с. 50].

Права человека, продолжает Е. А. Лукашева, – главный ориентир и высшая ценность, которыми должно руководствоваться государство. Обеспечение прав человека – обязанность законодательной, исполнительной, судебной властей. «Если эта обязанность соблюдается, общество может быть охарактеризовано как стабильное и устойчивое, если государство пренебрегает ею, в обществе создается напряженность, образуется угроза его устойчивому развитию».

Такой видится ведущим российским правоведам роль прав человека в современном мире, и современная российская конституционно-правовая теория постоянно подчеркивает универсальную ценность прав человека. Этот тезис изначально был краеугольным камнем либеральной конституционно-правовой идеологии в России, покоящейся на идее европоцентризма.

Такому видению проблемы в известной мере противостоят отечественные юристы, занимающиеся исследованием проблем прав человека в рамках иных – не-европейских культур и цивилизаций.

Страноведческие исследования отечественных юристов в области прав человека являются неким «боковым ветвлением» теории прав человека, ветвлением вполне самостоятельным и зачастую не вписывающимся в общие рамки развиваемой конституционализмом теории прав человека. Вместе с тем они являют собой не столько четко обозначившуюся тенден-

цию в развитии этой теории, сколько немаловажный симптом, делающий необходимым известную коррекцию российской теории, по крайней мере, в плане утверждения и признания универсализма либеральной концепции прав человека.

Отметим, что ряд отечественных теоретиков занимает весьма противоречивую позицию, признавая одновременно универсальность прав человека в том виде, в каком они были разработаны на Западе, а с другой, – признавая необходимость культурологического, цивилизационного подхода к изучению восприятия идей прав человека в восточных культурах. Такая противоречивая, на наш взгляд, позиция характерна и для работ И. А. Ледях [1, с. 214].

Вместе с тем в современной российской правовой теории явно намечился и иной – отличный от универсализма – взгляд на роль, значение и место института прав человека в современной общественно-политической жизни.

Тема об «универсальности» идеи прав человека подвергается в отечественной правовой литературе весьма существенной ревизии, и будущее отечественной теории прав человека зависит во многом от того, насколько чутко будут ее представители реагировать на конкретные историко-философские и культурологические исследования в данной области.

Следует констатировать, что воззрение на права человека как на универсальную ценность, приемлемую для всех стран и народов, по-прежнему остается доминирующим в российской правовой теории.

Вместе с тем в российской правовой науке все более отчетливо прослеживается и противоположная тенденция к выявлению особых специфических свойств правопонимания, а также понимания и интерпретации прав человека в не-европейских культурах, что ставит под сомнение саму идею универсализма либеральной концепции прав человека.

Список литературы

1. **Ледях И. А.** Права человека и международное гуманитарное право // Права человека. Итоги века, тенденции, перспективы / Рук. авт. коллектива чл.-корр. РАН Е. А. Лукашева. М.: НОРМА, 2002. С. 214 – 248.
2. **Лукашева Е. А.** Права человека, политика, мораль: гл. 9. В кн. Права человека / под ред. Е. А. Лукашевой. М.: НОРМА, 1999. С. 254 – 293.
3. **Орлова О. В.** Права и свободы личности как субъекта политической жизни // Государство и право. 2007. № 7. С. 50 – 56.
4. **Права человека.** Итоги века, тенденции, перспективы / Рук. авт. коллектива чл.-корр. РАН Е. А. Лукашева. М.: НОРМА, 2002.
5. **Права человека и процессы глобализации современного мира** / Рук. авт. коллектива чл.-корр. РАН Е. А. Лукашева. М.: НОРМА, 2005.
6. **Колотова Н. В.** Право и права человека в условиях глобализации (научная конференция) // Государство и право. 2006. № 2. С. 105 – 120.
7. **Права человека: учебник** / отв. ред. Е. А. Лукашева. 2-е изд. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2011. 560 с.
8. **Каламкарян Р. А.** Права человека в России: декларации, нормы и жизнь (материалы Международной конференции, посвященной 50-летию Всеобщей декларации прав человека) // Государство и право. 2000. № 3. С. 37 – 50.

9. **Моисеев Н. Н.** Судьба цивилизации. Путь разума. М.: Изд-во МНЭПУ, 1998. 228 с.
10. **Россия** и Совет Европы: 5 лет вместе: Междунар. конф. (Москва, 15 – 17 мая 2001 г.). М.: Норма, 2001.
11. **Рулан Н.** Юридическая антропология: пер. с фр. М.: Норма, 1999. 310 с.
12. **Ушаков Н. А.** Государство в системе международно-правового регулирования: учеб. пособие / Акад. правовой ун-т при Ин-те государства и права РАН. М.: Ин-т государства и права РАН, 1997. 62 с.
13. **Формация** или цивилизация?: материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 34 – 59.
14. **Честнов И. Л.** Универсальны ли права человека? (Полемические размышления о Всеобщей декларации прав человека) // Правоведение. 1999. № 1. С. 73 – 82.

References

1. **Ledyakh I.A.** *Prava cheloveka. Itogi veka, tendentsii, perspektivy* [Human Rights. Results of the century, trends, prospects], Moscow: NORMA, 2002, pp. 214-248. (In Russ.)
2. **Lukasheva Ye.A.** *Prava cheloveka* [Human Rights], Moscow, 1999. (In Russ.)
3. **Orlova O.V.** [Rights and freedoms of an individual as a subject of political life], *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 2007, no. 7, pp. 50-56. (In Russ.)
4. **Lukasheva Ye.A.** (Ed.) *Prava cheloveka. Itogi veka, tendentsii, perspektivy* [Human rights. Results of the century, trends, prospects], Moscow: NORMA, 2002. (In Russ.)
5. **Lukasheva Ye.A.** (Ed.) *Prava cheloveka i protsessy globalizatsii sovremennogo mira* [Human rights and globalization processes of the modern world], Moscow: NORMA, 2005. (In Russ.)
6. **Kolotova N. V.** *Pravo i prava cheloveka v usloviyakh globalizatsii (nauchnaya konferentsiya)* [Law and human rights in the context of globalization (scientific conference)], *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 2006, no. 2, pp. 105-120 (In Russ.)
7. **Lukasheva Ye.A.** (Ed.) *Prava cheloveka* [Human Rights], Moscow: NORMA, 2011, 560 p. (In Russ.)
8. **Kalamkaryan R.A.** *Prava cheloveka v Rossii: deklaratsii, normy i zhizn': materialy Mezhdunar. konf., posvyashchennoy 50-letiyu Vseobshchey deklaratsii prav cheloveka* [Human rights in Russia: declarations, norms and life: materials of the International Conference, dedicated to the 50th anniversary of the Universal Declaration of Human Rights], *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 2000, no. 3, pp. 37-50. (In Russ.)
9. **Moiseyev N.N.** *Sud'ba tsivilizatsii. Put' razuma* [The fate of civilization. The path of reason], Moscow, 1998, 228 p. (In Russ.)
10. **Rossiya i Sovet Yevropy: 5 let vmeste** [Russia and the Council of Europe: 5 years together], *Mezhdunar. konf.* Moscow, 2001. (In Russ.)
11. **Rulan N.** *Yuridicheskaya antropologiya* [Legal Anthropology], Moscow, Norma, 1999. 310 p. (In Russ.)
12. **Ushakov N.A.** *Gosudarstvo v sisteme mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya* [The state in the system of international legal regulation], Moscow, 1997, 62 p. (In Russ.)
13. **Formatsiya ili tsivilizatsiya?: materialy «kruglogo stola»** [Formation or civilization?: materials of the “round table”], *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 1989, no. 10, pp. 34-59 (In Russ.)
14. **Chestnov I.L.** [Are human rights universal? (Polemic thinking about the Universal Declaration of Human Rights)], *Pravovedeniye* [Jurisprudence], 1999, no. 1, pp. 73-82. (In Russ.)

Universalistic and Civilizational Understanding of Human Rights in Modern Legal Doctrine

B. A. Kurkin, *Doctor of Law, Professor,
Department of International Law, Tambov State Technical University,
Tambov, Russia;
kurkin.boris2012@yandex.ru*

I. S. Iskevich, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Department of International Law, Tambov State Technical University,
Tambov, Russia;
irina_77707@list.ru*

The article analyzes modern concepts of domestic and foreign authors concerning human rights in the context of international law. It addresses the two recently outlined approaches to the problem – a universalist one, confirmed in a number of international legal documents and a civilizational one, developed in several works of domestic legal scholars and country experts. The author notes a problematic basis of the universalist approach to human rights as reflecting the Eurocentric ideas that are leaving out realities and diversity of human societies and consider the western universalist concept of human rights as the only one acceptable.

Keywords: human rights; universalism; civilizational concept.

© Б. А. Куркин, 2019
© И. С. Искевич, 2019

Статья поступила в редакцию 30.05.2018

При цитировании использовать:

Куркин Б. А., Искевич И. С. Универсалистское и цивилизационное понимание прав человека в современной правовой доктрине // *Право: история и современность.* 2019. № 2. С. 102 – 111. doi: 10.17277/pravo.2019.02.pp.102-111

Актуализированы сложные дискуссионные проблемы уголовного процесса, связанные с коррупцией и потенциальной коррупциогенностью правовых норм. Рассмотрены критерии «эффективности» уголовного процесса, целесообразность различных форм участия в нем прокурора. Аналитическая часть статьи построена на официальной статистике об основных показателях деятельности органов прокуратуры за 2016–2017 гг.

Ключевые слова: досудебное производство по уголовному делу; коррупция; надзор за следствием; прокурор; уголовный процесс.

Оксана Валерьевна Мичуринa, д-р юрид. наук, профессор,
кафедра уголовного процесса,
ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В. Я. Кикотя», Москва, Россия;
okmich@inbox.ru

КОРРУПЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ НАРУШЕНИЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНАМИ И ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМИ ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ *

Введение

Коррупция представляет собой опасное явление во всех сферах государственной власти, будь то власть законодательная, судебная или исполнительная. Поэтому проблемы обеспечения законности в деятельности государственных органов и должностных лиц остается всегда актуальной. Ненадлежащее состояние законности является объективной предпосылкой к невыполнению правом своей основной функции – регулятора общественных отношений. Наиболее остро эта проблема проявляется в уголовном судопроизводстве, в том числе в досудебной его части, которому априори присуще принуждение, проявляющееся не только в применении мер процессуального принуждения, но и производстве следственных, иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы участников уголовного судопроизводства.

Государственные органы и должностные лица, осуществляющие досудебное производство по уголовному делу, должны стремиться к наименьшему их ограничению, обусловленному лишь реальной необходимостью производства по уголовному делу. Сам по себе факт ограничения прав и свобод неприемлем и признается существенным уголовно-процессуальным нарушением. Кроме того, следует учитывать, что в досу-

* По материалам Международной научно-практической конференции, состоявшейся в ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет» 29–30 мая 2018 г., «Всеобщая декларация прав человека как правовое условие устойчивого развития государства и общества», посвященная 70-летию Декларации прав человека 1948 года.

дебной части уголовного судопроизводства формируется основная доказательственная база по уголовному делу, поэтому несоблюдение установленного законом процессуального порядка доказывания может иметь самые негативные последствия вплоть до исключения отдельных доказательств и признания их недопустимыми.

Обсуждение

Нельзя не отметить, что исходя из специфики уголовно-процессуальной деятельности, любые действия и решения государственных органов и должностных лиц, осуществляющих досудебное производство по уголовному делу, детально регламентированы законом и должны полностью ему соответствовать. В ст. 7 УПК РФ говорится, что нарушение норм УПК РФ судом, прокурором, следователем, органом дознания, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания или дознавателем в ходе уголовного судопроизводства влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств.

Однако анализ статистики последних лет свидетельствует о том, что в деятельности государственных органов и должностных лиц, осуществляющих досудебное производство по уголовному делу, еще не снижаются негативные тенденции, связанные с нарушениями уголовно-процессуальных норм, в том числе и коррупционной направленности. Так, прокурорами при осуществлении надзора в порядке ст. 37 УПК РФ в 2015 г. было выявлено 4 908 615 нарушений, 2016 г. – 5 067 850 (+3,2 %), 2017 г. – 5 156 665 (+1,8 %), в порядке ст. 124 УПК РФ ими же в 2015 г. было рассмотрено 252 168 жалоб на действия (бездействия) и решения следователей и дознавателей, 2016 г. – 256 296 (+1,5 %), 2017 г. – 247 211 (–3,5 %)¹.

В средствах массовой информации все чаще придаются огласке случаи обнаружения коррупционных проявлений в уголовно-процессуальной сфере и возбуждения уголовных дел в отношении должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. По данным Председателя Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкина фигурантами уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности нередко становятся именно представители правоохранительных органов. Так, за 2017 г. в качестве обвиняемых было привлечено 845 сотрудников органов внутренних дел, около 400 прокуроров, судей, следователей, адвокатов и др.²

В чем причина этих явлений? Всегда ли только в корыстных устремлениях должностных лиц? Разумеется, что не все нарушения уголовно-процессуальных норм имеют явный коррупционный окрас. Причины многих из них отчасти кроются в недостатках формирования и профессио-

¹ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь – декабрь 2016 г., за январь – декабрь 2017 г.: сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/1336134/> (дата обращения: 27.11.2018).

² Козлова Н. Судят по делам // Российская газета. 2017. 7 декабря.

нальной подготовки сотрудников органов дознания и предварительного следствия, их процессуальной загруженности и даже в пробелах законодательной регламентации уголовно-процессуальной деятельности. Сокращение штатной численности сотрудников органов внутренних дел, на которые возложен наибольший объем уголовно-процессуальной деятельности, по сравнению со всеми другими правоохранительными органами, на фоне отсутствия стойкой тенденции к уменьшению преступности ведет к возрастанию процессуальной нагрузки, что порождает волокиту, медлительность, снижает эффективность дальнейшего производства по уголовному делу. Либо, напротив, вызывает стремление к ложной эффективности путем ускорения и упрощения уголовно-процессуальной деятельности. В некоторой степени такая практика создает благоприятную среду для различного рода злоупотреблений, порождающих уголовно-процессуальные нарушения, наносит ощутимый вред борьбе с преступностью, затрагивает права и свободы участников уголовного судопроизводства.

Следует признать, что в повышении качества уголовно-процессуальной деятельности государственных органов и должностных лиц, осуществляющих досудебное производство по уголовному делу, снижении количества уголовно-процессуальных нарушений немаловажная роль отводится эффективному прокурорскому надзору и процессуальному контролю. Именно четко отлаженная система контрольно-надзорной деятельности может наиболее эффективно проявить себя в противодействии коррупционным процессам. В этих обстоятельствах особо значимым представляется определение путей оптимизации системы контрольно-надзорных полномочий путем корректировки уголовно-процессуального законодательства, установление новых механизмов законности и правового устранения коррупционных проявлений.

Вместе с тем поддерживая в целом позицию отдельных авторов относительно оптимизации надзорной деятельности прокурора и обеспечения баланса его полномочий по уголовному преследованию и надзору за исполнением законов, вряд ли можно безоговорочно согласиться с предложениями о необходимости вернуть прокурору некогда утраченное право возбуждать уголовные дела³. Подобные законодательные инициативы высказывались с 2007 года уже не раз и в настоящее время соответствующий законопроект в очередной раз внесен на обсуждение в Государственную Думу Российской Федерации. Несмотря на это считаем совершенно справедливым и обоснованным утрату прокурором полномочия на возбуждение уголовного дела. С нашей точки зрения, его надзорная функция предполагает лишь констатацию факта нарушения закона и выдвижение требования о его устранении и не может означать возможность принятия какого-либо решения вместо поднадзорного субъекта. Нами усматривается явная коррупциогенность в таких необоснованно широких полномочиях прокурора. Поэтому полагаем вполне достаточным альтернативное полномочие прокурора по вынесению постановления о направлении соот-

³См., например: Митькова Ю. С. Дознание в органах внутренних дел как сфера реализации контрольно-надзорных полномочий в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2018. С. 14, 149–150, 155.

ветствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании в порядке п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ.

Не видим целесообразности и в возвращении более усложненного порядка возбуждения уголовного дела, когда прокурор давал согласие на это. Столько доводов «против» уже было высказано на страницах юридической печати, когда эта новелла, появившаяся с принятием УПК РФ, породила трудности на практике. Прокуроры не всегда имели реальную возможность выезжать на места большинства преступлений, по которым было необходимо осуществление расследования «по горячим следам». В таких ситуациях возвращение следователя или дознавателя с места происшествия для получения согласия прокурора означало упущенное время, создавало угрозу утраты доказательств, установления лица, совершившего преступление. Поэтому такая процедура не только не предотвращала, а, напротив, способствовала нарушениям уголовно-процессуальных норм. Кроме того, отказ прокурора в даче согласия на возбуждение уголовного дела необоснованно затруднял доступ граждан к правосудию, чем ограничивал права и законные интересы потерпевшего. Поэтому считаем совершенно справедливой отмену законодателем процедуры согласования с прокурором решения следователя, органа дознания и дознавателя о возбуждении уголовного дела. Для проверки им законности и обоснованности возбуждения уголовного дела в ч. 4 ст. 146 УПК РФ теперь указано, что копия постановления о возбуждении уголовного дела незамедлительно направляется прокурору.

Заключение

Осознавая назревшую необходимость в перераспределении полномочий между начальником подразделения дознания и начальником органа дознания и видя в этом эффективный барьер против нарушений уголовно-процессуальных норм, многие исследователи предлагают делегировать начальником органа дознания утверждение обвинительного акта начальнику подразделения дознания⁴. Вместе с тем новеллы, касающиеся повышения процессуального статуса начальника подразделения дознания, допустимы лишь для случаев его производства правомочным (штатным), но никак не уполномоченным (внештатным) дознавателем. Последний в силу требований закона не может процессуально подчиняться начальнику подразделения дознания и окажется вне сферы реализации контрольно-надзорных полномочий. Ведь отношения начальника подразделения дознания и уполномоченного (внештатного) дознавателя имеют не субординационный, а скорее координационный характер в силу отсутствия не только служебной, но и процессуальной соподчиненности друг с другом.

⁴ Арепьева Т. А. Начальник подразделения дознания в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2013. С. 96; Гришин Д. А. Реализация принципа законности при производстве дознания: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2009. С. 9; Кузембаева М. М. Функциональная характеристика деятельности дознавателя и органа дознания в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 78.

Процессуальные полномочия начальника подразделения дознания ограничены не только сферой дознания, но и вверенным ему подразделением. Иными словами, руководство начальника подразделения дознания распространяется лишь на находящиеся в его подчинении дознавателей, что подтверждается ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ: «Начальник подразделения дознания по отношению к находящимся в его подчинении дознавателей уполномочен ...». При этом начальник органа дознания осуществляет процессуальное руководство для надлежащей организации деятельности не только дознавателя правомочного, но и уполномоченного (мы назвали его ранее штатный и внештатный), а также любого другого должностного лица органа дознания, в том числе начальника подразделения дознания. Поэтому с позиции прогнозирования коррупционных рисков, предложенное выше перераспределение полномочий между начальником подразделения дознания и начальником органа дознания совершенно нецелесообразно. Нежелательно также полное устранение начальника органа дознания из сферы процессуального руководства с предоставлением всех его полномочий начальнику подразделения дознания.

Таким образом, вывод очевиден – в выявлении и предотвращении любых нарушений уголовно-процессуальных норм, допускаемых государственными органами и должностными лицами, осуществляющими досудебное производство по уголовному делу, важное место отводится обеспечению эффективной нормативной регламентации контрольно-надзорной сферы. Однако все изменения уголовно-процессуального законодательства в этом направлении должны осуществляться с учетом коррупциогенности предлагаемых новелл.

Список литературы

1. **Арепьева Т. А.** Начальник подразделения дознания в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Воронеж, 2013. 227 с.
2. **Гришин Д. А.** Реализация принципа законности при производстве дознания: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2009. 209 с.
3. **Кузембаева М. М.** Функциональная характеристика деятельности дознавателя и органа дознания в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Омск, 2006. 228 с.
4. **Митькова Ю. С.** Дознание в органах внутренних дел как сфера реализации контрольно-надзорных полномочий в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Волгоград, 2018.

References

1. **Arep'yeva T.A.** *PhD Dissertation (Law)*, 12.00.09. Voronezh, 2013, 227 p. (In Russ.)
2. **Grishin D.A.** *PhD Dissertation (Law)*, 12.00.09, Moscow, 2009, 209 p. (In Russ.)
3. **Kuzembayeva M.M.** *PhD Dissertation (Law)*, 12.00.09, Omsk, 2006, 228 p. (In Russ.)
4. **Mit'kova Yu.S.** *PhD Dissertation (Law)*, 12.00.09. Volgograd, 2018. (In Russ.)

Corruption Aspects of Criminal Procedure Violations by Government Bodies and Individuals for a Criminal Case

O. V. Michurina, Doctor of Law, Professor,
Department of Criminal Procedure,
V. Y. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the
Russian Federation, Moscow, Russia;
okmich@inbox.ru

Complex debatable problems of the criminal process related to corruption and the potential corruption of legal norms are updated. The criteria for the “effectiveness” of the criminal process, the expediency of various forms of participation of the prosecutor in it are considered. The analytical part of the article is based on official statistics on the main indicators of the activities of the prosecution authorities for 2016–2017.

Keywords: pre-trial criminal proceedings; corruption; supervision of the investigation; the prosecutor; criminal process.

© О. В. Мичурина, 2019

Статья поступила в редакцию 30.05.2018

При цитировании использовать:

Мичурина О. В. Коррупционные аспекты нарушений уголовно-процессуальных норм государственными органами и должностными лицами, осуществляющими досудебное производство по уголовному делу // Право: история и современность. 2019. № 2. С. 112 – 117. doi: 10.17277/pravo.2019.02.pp.112-117

Суммированы известные подходы к классификации прав и свобод человека в соответствии с историческими этапами формирования их правовой базы. Актуализирована доктринальная вариативность четвертого этапа развития прав и свобод. Вынесен на обсуждение один из подходов к классификации прав и свобод человека и гражданина, основу которого составляет духовно-этическое содержание благополучия человека.

Ключевые слова: классификация прав и свобод; права и свободы человека; поколения прав; ценности; «четвертое» поколение прав и свобод.

Галина Алексеевна Прокопович, д-р юрид. наук, профессор,
кафедра теории государства и права им. Г. В. Мальцева,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ», Москва, Россия;
galina-prokopovich@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД К КЛАССИФИКАЦИИ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА*

Введение

Права и свободы человека и гражданина отличаются большим разнообразием, а потому весьма актуальна их классификация. Отметим, что в теории права не существует единственного подхода к такой классификации.

Самым распространенным подходом к классификации является тот, который позволяет выделить «твердое ядро» среди всех прав и свобод человека, – то, что нельзя нарушать ни при каких обстоятельствах.

Впервые «твердое ядро» появилось в международном праве, в частности, в Европейской Конвенции о защите прав и основных свобод человека и гражданина от 4 ноября 1950 года. В него вошли следующие права и свободы человека: право на жизнь; запрет пыток или бесчеловечного или унижающего человеческого достоинства обращения или наказания; запрет рабства или подневольного состояния; запрещение ретроактивного закона, вводящего или ужесточающего уголовное наказание. Позднее этот перечень был дополнен на основании Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года следующими правами: запретом лишения свободы из-за невозможности выполнения договорных обязательств; правом на свободу мысли, совести и религии, включая право родителей давать своим детям религиозное и нравственное воспитание в соответствии с собственными убеждениями [16, с. 90–91].

* По материалам Международной научно-практической конференции, состоявшейся в ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет» 29–30 мая 2018 г., «Всеобщая декларация прав человека как правовое условие устойчивого развития государства и общества», посвященная 70-летию Декларации прав человека 1948 года.

Международное право в развитии прав и свобод человека и гражданина пошло намного дальше законодательства отдельных стран мира, но все же следует отметить, что и национальное законодательство старается не отставать от международного и также содержит в себе «твердые ядра» прав и свобод человека и гражданина, которые по основным положениям аналогичны «твердому ядру» международного права. Если мы, например, обратимся к Конституции Российской Федерации, то обнаружим «твердое ядро» прав, в которое входит более восьми основных прав и свобод человека и гражданина. И только три перечня прав, предусмотренных Конституцией России, совпадают с международными правами, вошедшими в «твердое ядро» прав: право на жизнь, запрет пыток, насилия, жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения или наказания, а также медицинских, научных и иных опытов, право на свободу совести и вероисповедания [3].

Обсуждение

В последнее время ученые все чаще говорят о так называемых четырех поколениях прав человека [8].

Первое поколение прав человека (конец XVIII в.) – это этап юридического провозглашения тех прав и свобод, которые вытекают из особого достоинства человека и гражданина в правовом государстве. Права первого поколения в целом противостоят государству, от которого требуется, чтобы права и свободы уважались. Гражданские и политические права были завоеваны в ходе буржуазно-демократических революций в Европе и США, получив отражение во французской Декларации прав и свобод человека и гражданина, а также в Декларации независимости США.

Второе поколение прав человека (конец XIX – начало XX вв.) связано с процессом социализации общества. Речь здесь идет о правах и свободах, реализуемых с помощью государства. Их называют правами-поручениями к государству, которые у него для реализации должны быть истребованы. Природа этих прав предполагает равенство всех перед всеми: экономические, социальные, культурные права и свободы. К ним можно отнести право на труд, право на получение образования, право на достойный уровень жизни. Нельзя в данном контексте не сказать и о социальных гарантиях, например, о праве на пособие по безработице, на пенсионное обеспечение и пр.

Третье поколение прав связано с интернационализацией. С одной стороны, это так называемые «неотчуждаемые» коллективные «права народов», к числу которых относятся: право народа на существование, самоопределение, развитие, суверенитет над своими естественными богатствами и природными ресурсами, право на благоприятную окружающую среду, равноправие с другими народами, право на развитие и др. «Твердое ядро» данных прав заложено в международных документах, закрепляющих основные индивидуальные права [22].

Четвертое поколение прав человека начало формироваться в 1990-х гг. XX в. По мнению Ф. М. Рудинского, эти права должны защищать человека от угроз, связанных с экспериментами в сфере генетической наследст-

венности личности, то есть это такие права человека, которые связаны с клонированием и другими открытиями в области биологии [18]. Тем не менее, имеют право на существование и другие точки зрения. Так, например, А. Б. Венгерова называет четвертое поколение правами человечества (право на мир, ядерную безопасность, космос, экологические, информационные права и др.) [1]. Ю. А. Дмитриев в четвертое поколение включает лишь информационные права и технологии [7]. На наш взгляд, это не совсем верно, поскольку четвертое поколение прав – это правовой ответ вызову XXI в., когда речь идет уже о выживании человечества как биологического вида, о сохранении цивилизации, о космической социализации человечества.

Но нам хотелось бы больше уделить внимания пятому поколению прав, открытых в России в начале XXI в. Основу их составляют такие ценности, как Любовь, информация и энергия.

Еще в августе 2003 г. российский политолог Ольга Юрьевна Малинова предсказала появление прав человека пятого поколения, в основу которых было положено осмысление на данном этапе развития человечества законов Мироздания. Речь шла о введении в юридическую науку (включая право) Божественных прав и свобод, имеющих многотысячелетнюю историю [12]. К пятому поколению прав относятся такие права, как право на Любовь, Вера и любовь к Богу, единство с Творцом, право на рождение в Любви, право на информацию и управление энергией, право на Сотворчество, совершенствование и одухотворение окружающего мира и другие права, которые вытекают из Любви и Божественной энергии. Появлению Божественных прав и свобод предшествовало создание Материальных и Духовных миров, в том числе и планеты Земля, сотворение человека. Наделение человека Божественными правами предусматривает и соответствующие обязанности носителя этих прав, возникающие при их реализации.

Говоря об управлении энергией, необходимо для начала дать ее понятие. В науке под энергией (от *греч.* *enérgeia* – действие, деятельность) понимается общая количественная мера движения и взаимодействия всех видов материи. Энергия в природе не возникает из ничего и не исчезает, а может переходить из одной формы в другую, связывая воедино все явления природы.

Любовь является очень мощным видом Божественной энергии, которая распространяется на всех не только на Земле, но и во Вселенной. Любовь способствует жизни и связывает человека с Богом-Творцом и всеми мирами. Именно поэтому каждый человек имеет право на рождение в Любви, которая через Бога исходит от женщины и мужчины. Дети, рожденные без Любви, чаще всего обречены к духовным и нравственным страданиям. К сожалению, этот аспект еще не получил правовой оценки.

Любовь – понятие многогранное. Например, В. В. Марасин говорил: «Любовь – это дар небес, который требует, чтобы его лелеяли самые совершенные души и самое прекрасное воображение» [13]. А вот Л. Н. Толстой неоднократно говорил: «Где любовь, там и Бог» [21, с. 605]. В Любви и через Любовь в человеке обнаруживается Божественное начало. Любовь сравнивают с гармонией [9, с. 112]. Любовь возвышает человека, помогает преодолеть эгоистические интересы, придает жизни смысл

[5, с. 101]. Любовь смиренна, она есть служение другим людям, деятельная и всегда бескорыстная [5, с. 102 – 104]. Подлинная любовь человека проявляется в его отношении к врагам. По этому поводу Иисус Христос в своей заповеди говорил следующее: «Но вам слушающим говорю: любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас» [11]. Как высший, основополагающий закон жизни, Любовь является единственным нравственным законом. Человечество не может отступить от закона Любви, чтобы не деградировать в «нравственную порочность».

Любовь, как указывает Э. А. Гутнов, должна быть одухотворена, проникнута началом, где первая не может быть исключительно духовной, она духовно-душевна и духовно-телесна [6]. Разумеется, что одухотворение человеческой любви и самого человека происходит через мораль [4, с. 7]. Основу морали составляет Любовь. При этом мораль, по мнению С. Н. Лазарева, определяется количеством любви, которую она содержит, где первая невозможна без второй [10]. Негативные мысли и эмоции человека блокируют и замедляют движение Божественной энергии, в которую входит и творческая энергия [17, с. 115 – 119]. Мысль также представляет собой разновидность Божественной энергии.

Что же касается информации, то согласно научному определению, она представляет собой сведения, сообщения или данные, причем форма их представления значения не имеет. Под информацией, которая была отнесена к пятому поколению прав человека, понимается творящая информация (Божественная информация, «чистая энергия») [19, с. 113]. Академик Г. И. Шипов указанную информацию включает в один из уровней модели мира [2]. В монографии В. Н. Мегре указывается, что информация – это образ, а образ – это информация [15, с. 123]. Академик А. С. Маркон отмечает, что «Бог – прежде всего информационное Бытие, идея, дух, Слово, Логос. Но Он же – и тонко энергетическое Бытие, эмоция, душа, Любовь» [14, с. 17].

Человек наделен правом на управление информацией и энергией, которое происходит через сознание и мысль [20, с. 129]. Сверхсознание рассматривается как высшая форма развития информации [19, с. 113].

Считается, что наивысшим уровнем управления является управление посредством Энергии Любви. Вселенной и Землей управляет Бог-Творец, который создал человека для совершенствования и одухотворения окружающего мира и Вселенной. Если не понимать или неправильно понимать сущность Божественной энергии и информации, то это, скорее всего, приведет к нарушению существующих законов Вселенной. Поэтому необходимо серьезно относиться к информации, которая передается людьми, чтобы не навредить человеку и окружающему миру.

Отметим, что к пятому поколению прав относятся Божественные права и свободы человека, направленные на защиту его души и духа от разрушительной силы непредсказуемого и порой неконтролируемого научно-технического прогресса в области биологии, медицины и техники.

Фундаментом всех существующих прав и свобод человека и гражданина по своей значимости выступают Божественные права и свободы, так как они охватывают не только Человека и наш Мир, но и всю Вселенную.

Они призваны формировать у человека правильное мировоззрение и эмоции. Мы не должны злоупотреблять Божественными правами и свободами, поскольку это приведет к нарушению прав других людей и живых существ, а также Божественных и духовно-нравственных законов Вселенной. Примерами таких негативных последствий могут служить экологические катастрофы, исчезновение флоры и фауны, военные конфликты, гибель людей, психическое и иное энергетическое воздействие на волю и разум человека, преступность, наркомания, терроризм и пр. Безусловно, человечество должно разумно и бережно пользоваться своими правами, которые вытекают из пятого поколения прав человека. В настоящее время нет запрета на оказание «услуг» по энергетическому воздействию на человека, его психику и душу. Речь идет о разного рода ворожбе, приворотах, заговорах, энергетическом вампиризме и т.д. От указанных действий на государственном уровне человек не защищен, поскольку в российском законодательстве отсутствует запрет на негативное энергетическое воздействие и не предусмотрены меры уголовного преследования и наказания виновных за подобные действия. Такой пробел в законодательстве привел к появлению всевозможных сект, занимающихся энергетическим вампиризмом. Конечно, наукой это еще не доказано, но не подобное ли воздействие лежит в основе различного рода заболеваний, причины которых медицина и наука найти пока не могут?

Заключение

Как указывает О. Ю. Малинова, корпус прав, требующих защиты, неизбежно будет расширяться, и каждое поколение прав будет приносить новую логику узаконивания притязаний [12, с. 90–91]. Надлежащее закрепление в международной и национальных правовых системах пятого поколения прав и свобод человека, их обеспечение, защита и реальное воплощение в жизнь позволит отвлечь от человека опасность духовной гибели в результате нарушения Божественных и духовно-нравственных законов.

Список литературы

1. Венгеров А. Б. Теория государства и права. М.: Новый Юрист, 2013. 500 с.
2. Волченко В. Н. Духовная экоэтика в мире сознания и в Интернете // Сознание и физическая реальность. 1997. Т. 2, № 4. С. 1 – 14.
3. Головистикова А. Н., Грудцына Л. Ю. Права человека: учебник. М.: Эксмо, 2006. 864 с.
4. Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. Этика: учебник. М.: Гардарики, 1998. 472 с.
5. Гусейнов А. А. Великие моралисты. М.: Республика, 1995. 351 с.
6. Гутнов Э. А. Мысли о жизни, смерти, духовности, красоте // Российская газета. 1993. № 236.
7. Дмитриев Ю. А., Златопольский А. А. Гражданин и власть. М.: НОРМА. 2014. 387 с.
8. Комаров С. А. Общая теория государства и права: учеб. для бакалавриата и магистратуры. 9-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2018. 506 с.
9. Лазарев С. Н. Диагностика кармы. Кн. 1: Система полевой саморегуляции. СПб.: СФЕРА, 1993. 160 с.
10. Лазарев С. Н. Диагностика кармы. Кн. 4. Прикосновение к будущему. СПб.: Академия парапсихологии, 1997. 208 с.

11. **Библия.** Новый завет. Евангелие от Матфея [Электронный ресурс]. URL: <http://prayerssaints.ru/?id=bibliya/mf> ©prayerssaints.ru (дата обращения: 11 мая 2018).
12. **Малинова О. Ю.** Три поколения прав человека // Пчела. 2003. № 3 (43).
13. **Марасин В. В.** 56 полюсов поведения. Донецк: Сталкер, 1997. 416 с.
14. **Маркон А. С.** Вера и религия // Сознание и физическая реальность. 2000. Т. 5, № 2. С. 14 – 19.
15. **Мегре В. Н.** Анаста. СПб.: ДИЛЯ, 2010. 288 с.
16. **Поколение** прав человека: основные этапы развития правовой идеи и правового института // Институт Уполномоченного по правам человека в субъекте РФ: учеб. пособие / Под ред. А. Ю. Сунгурова. СПб., 2003. С. 90–91.
17. **Прокопович Г. А.** Энергия как объект правового регулирования // Право и государство: теория и практика. 2014. № 11. С. 115 – 119.
18. **Рудинский Ф. М.** Права человека в современном мире (марксистская оценка ситуации) // Марксизм и современность. 2000. № 1 (15).
19. **Тихоплав В. Ю., Тихоплав Т. С.** Физика веры. СПб.: Весь, 2003. 256 с.
20. **Тихоплав В. Ю., Тихоплав Т. С.** Время Бога: сознание и жизнь. М.: АСТ: Астрель, 2005. 334 с.
21. **Толстой Л. Н.** Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2. Повести. Рассказы. Рассказы для детей. 1857 – 1886. М.: Лексика, 1996. 733 с.
22. **Устав** Организации Объединенных Наций от 24.06.1945 // Сб. действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956. С. 14 – 47.

References

1. **Vengerov A.B.** *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law], Moscow: Novyy Yurist, 2013, 500 p.
2. **Volchenko V.N.** [Spiritual Ecoethics in the World of Consciousness and on the Internet], *Soznaniye i fizicheskaya real'nost'* [Conception and Physical Reality], 1997, vol. 2, no. 4, pp. 1-14. (In Russ., abstract in Eng.)
3. **Golovistikova A.N., Grudtsyna L.Yu.** *Prava cheloveka* [Human Rights], Moscow: Eksmo, 2006, 864 p. (In Russ.)
4. **Guseynov A.A., Apresyan R.G.** *Etika* [Ethics], Moscow: Gardariki, 1998, 472 p. (In Russ.)
5. **Guseynov A.A.** *Velikiye moralisty* [Great moralists], Moscow: Respublika, 1995, 351 p. (In Russ.)
6. **Gutnov E.A.** *Rossiyskaya gazeta*, 1993, no. 236. (In Russ.)
7. **Dmitriyev Yu.A., Zlatopol'skiy A.A.** *Grazhdanin i vlast'* [Citizen and power], Moscow: Norma. 2014, 387 p. (In Russ.)
8. **Komarov S.A.** *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava: ucheb. dlya bakalavriata i magistratury* [The General Theory of State and Law], Moscow: Yurayt, 2018, 506 p. (In Russ.)
9. **Lazarev S.N.** *Diagnostika karma* [Diagnosis of karma], Book 1. *Sistema polevoy samoregulyatsii* [The system of field self-regulation], St. Petersburg: SFERA, 1993, 160 p. (In Russ.)
10. **Lazarev S.N.** *Diagnostika karma* [Diagnosis of karma], Book 4. *Prikosnoveniye k budushchemu* [Touching the future], St. Petersburg: Akademiya parapsikhologii, 1997, 208 p. (In Russ.)
11. **Bibliya.** *Novyy zavet. Yevangeliye ot Matfeya* [The Bible. New Testament. Gospel of Matthew], available at: <http://prayerssaints.ru/?id=bibliya/mf>©prayerssaints.ru (accessed: 11 May 2018).
12. **Malinova O.Yu.** [Three generations of human rights], *Pchela* [Bee], 2003, no. 3 (43). (In Russ.)
13. **Marasin V.V.** *56 polyusov povedeniya* [56 poles of behavior], Donetsk: Stalker, 1997, 416 p. (In Russ.)

14. **Markon A.S.** [Belief and religion], *Soznaniye i fizicheskaya real'nost'* [Consciousness and physical reality], 2000, vol. 5, no. 2, pp. 14-19. (In Russ.)
15. **Megre V.N.** *Anasta* [Anasta], St. Petersburg: DILYA, 2010, 288 p. (In Russ.)
16. **Sungurov A.Yu.** (Ed.), *Institut Upolnomochennogo po pravam cheloveka v sub"yekte RF* [Institute of the Commissioner for Human Rights in the subject of the Russian Federation: textbook. manual], St. Petersburg, 2003, pp. 90-91. (In Russ.)
17. **Prokopovich G.A.** [Energy as an Object of Legal Regulation], *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and the State: Theory and Practice], 2014, no. 11, pp. 115-119. (In Russ.)
18. **Rudinskiy F.M.** [Human Rights in the Modern World (Marxist assessment of the situation)], *Marksizm i sovremennost'* [Marxism and Modernity], 2000, no. 1 (15). (In Russ.)
19. **Tikhoplav V.Yu., Tikhoplav T.S.** *Fizika very* [Physics of Faith], St. Petersburg: Ves', 2003, 256 p. (In Russ.)
20. **Tikhoplav V.Yu., Tikhoplav T.S.** *Vremya Boga: soznaniye i zhizn'* [The Time of God: Consciousness and Life], Moscow: AST: Astrel', 2005, 334 p. (In Russ.)
21. **Tolstoy L.N.** *Sobraniye sochineniy* [Collected Works], In 8 vol, vol. 2. *Povesti. Rasskazy. Rasskazy dlya detey* [Tale. Stories Tales for children], 1857-1886, Moscow: Leksika, 1996, 733 p. (In Russ.)
22. **Sbornik** *deystvuyushchikh dogovorov, soglasheniy i konventsiy, zaklyuchennykh SSSR s inostrannymi gosudarstvami* [Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states], issue XII. Moscow, 1956, pp. 14-47. (In Russ.)

Modern Approach to Classification of the Rights and Freedoms of an Individual and a Citizen

G. A. Prokopovich, *Doctor of Law, Professor,*
Department of Theory of State and Right, G. V. Maltsev,
Russian Academy of National Economy and Public Service
under the Russian President, Moscow, Russia;
galina-prokopovich@yandex.ru

The known approaches to the classification of human rights and freedoms in accordance with the historical stages of the formation of their legal base are formulated. The doctrinal variation of the fourth stage of development of rights and freedoms is updated. One of the approaches to the classification of human rights and freedoms of a person and a citizen, which is based on the spiritual and ethical content of human well-being, was brought up for discussion.

Keywords: classification of rights and freedoms; human rights and freedoms; generations of rights; values; the "fourth" generation of rights and freedoms.

© Г. А. Прокопович, 2019

Статья поступила в редакцию 30.05.2018

При цитировании использовать:

Прокопович Г. А. Современный подход к классификации прав и свобод человека и гражданина // *Право: история и современность*. 2019. № 2. С. 118 – 124. doi: 10.17277/pravo.2019.02.pp.118-124

Рассмотрены дискуссионные вопросы процесса реформирования системы образования и поиска новых подходов к содержанию и уровню образовательных отношений в государстве. Проведен анализ приоритетных направлений государственной политики в сфере образования, а также законодательного регулирования трансформаций в данной сфере. Обозначены важные шаги государственной политики, позволяющие достичь нового качества образования в России.

Ключевые слова: система образования; реформирование; приоритетные направления; качество; образовательное пространство; академическая мобильность.

Овсанна Мэлистовна Джавадова, канд. экон. наук, доцент,
кафедра экономики и внешнеэкономической деятельности,
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный
университет», Ставрополь, Россия;
ovsannadzhavadova2016@mail.ru

ПРИОРИТЕТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Введение

Актуальность исследуемой проблемы очевидна вследствие необходимости приведения в соответствие системы образования к реформам современной России. Сегодняшняя система образования складывалась много тысячелетий и в некоторой степени эта система довольно-таки консервативна, при том что общественные отношения требуют от образования постоянного и динамичного развития. И тогда объективно система образования страны, как основа развития человечества, как система, которую не может обойти ни один человек в своем развитии, становится центром образования, воспитания и функционирования наиболее развитой части населения в стремлении ее к мировому прогрессу, создавая систему всестороннего развития талантов у детей и одновременно у взрослых как для созидания внутри страны, так и для развития человеческого общества вообще.

И тогда понятно, что одной из важнейших составляющих социально-экономического развития страны является система образования. Сегодня, наряду с другими отраслями и сферами деятельности, российская система образования находится на стадии реформирования.

Научный руководитель – А. М. Дроздова, доктор юридических наук, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь, Россия.

Основная проблема исследования

Для того чтобы можно было достичь нашей стране определенных высот и признания в мире по современным меркам (так как советское образование признавалось одним из лучших всегда), понадобилось модернизировать процессы в образовательной сфере и проводить повсеместно инновации, основываясь на принципах и новых подходах как к содержанию, так и уровню современных образовательных отношений в каждой стране и в России в том числе.

Образовательная система России имеет глубокие и богатые исторические корни. Каждый исторический период развития российского государства привносил свои традиции и неповторимость. Особенности нашей системы образования несут в себе большой потенциал для ее дальнейшего развития. Однако изменения, происходящие в стране, требуют ее адаптации к современным реалиям. Вот почему вопросы расстановки приоритетов государственной политики в сфере образования в переходный период становятся особенно своевременными [3].

В современной России создана достаточно эффективная система законодательного регулирования образованием, имеет место быть установившаяся система законодательства, представленная рядом нормативных правовых актов, которые призваны поддерживать и развивать социально-экономические сферы жизни общества и в том числе образование. В 1990-е гг. были приняты такие законы как Закон РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» или Федеральный закон от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». Однако с течением времени реализация этих законов стала затруднительна, так как они в недостаточной мере учитывали стремительного развития в этом сегменте рыночной составляющей, а уже к XXI в. перестали соответствовать актуальным реалиям. Кроме того, эти законодательные документы зачастую вступали в противоречия с последующими правовыми актами. В связи с этим на протяжении последующих лет, правовая база, регулирующая образовательную деятельность в стране, совершенствовалась и адаптировалась. Например, в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 года были внесены изменения, которые по единодушному мнению экспертов международного уровня максимально эффективно регламентируют все знаковые направления системы образования.

Среди множества приоритетных направлений государственной политики в сфере образования особого внимания требует повышение качества многоуровневого образования. Оно включает работу по совершенствованию государственных образовательных стандартов, проведению единого государственного экзамена, созданию образовательных округов.

При этом необходимо понимать, что результаты процесса образования должны соответствовать меняющимся запросам общества, приоритетным направлениям развития экономики. Важно «уходить» от усредненных образовательных результатов. Сегодня, когда Россия взяла курс на инновационное преобразование страны, система образования должна сформировать

ровать поколение качественных конкурентоспособных специалистов, способных функционировать в условиях открытой экономики.

В контексте этой задачи актуальным является пересмотр критериев качественного образования, призванного обеспечить социально-культурную и экономическую модернизацию страны и индивидуальную успешность гражданина при условии соблюдения, защиты и охраны прав каждого.

Нельзя не согласиться с тем, что «признание прав человека означает не только право на их осуществление, но и выполнение определенных обязательств. В соответствии с международным правом, государства берут на себя обязательства по уважению и выполнению прав человека. Уважение прав человека подразумевает невмешательство государства в осуществление прав человека и воздержание от ограничения прав» [1, с. 3]. Именно на таких принципах должны строиться взаимоотношения государства и личности в сфере образования на всех уровнях.

С принятием в 1992 г. закона «Об образовании» в стране появились новые образовательные учреждения, в том числе частные. Сегодня в российской системе образования, кроме традиционных учебных заведений, таких как колледжи, вузы, активно внедряются институты дополнительного образования. Такие формы, как корпоративное обучение, дистанционные средства самообразования значительно расширяют равенство возможности получения качественного образования.

Еще одним приоритетным направлением государственной политики реформирования системы образования должно стать создание единого образовательного пространства. Присоединение России к Болонскому процессу в 2003 г. определило новые направления реформирования системы высшего образования на длительный период, что вызывает некоторое недоумение и объясняется, пожалуй, стремлением в Европу. Объективно следует заметить, что создание единого европейского образовательного пространства провозглашалось основной целью Болонской декларации. По мнению авторов названного документа (*заметим, что вовлекая Россию в Болонский процесс коллективный Запад признавал Россию в составе Европы, чего не наблюдается в последние годы...*), европейские государства должны были объединиться, создав единый экономический потенциал, с тем чтобы противостоять нарастающей конкуренции в сфере образования в мире. Российское образование, основанное на советском, по мнению руководителей страны, требовало преобразований, интеграции и инноваций [4].

Одним из направлений преобразования образования является расширение академической мобильности, которое предполагает создание условий для свободного перемещения студентов и преподавателей. Так, Северо-Кавказский федеральный университет стал координатором сетевого взаимодействия между федеральными университетами страны, что позволило поднять качество образовательного процесса в вузе и занять лидирующие позиции в рейтинге учебных заведений высшего образования.

Объективно понятно, что в настоящее время активно развивается мобильность в мире и в стране: новые транспортные структуры, новые скоростные и мощные автомобили, самолеты, скоростные поезда и т.д. и «виртуальная мобильность» в том числе, что естественно приводит к разработке и внедрению различных онлайн-курсов, особенно при реали-

зации технологий дистанционного образования. Заметно изменяется профессиональная мобильность преподавателей по вертикали, повышается компетентность работника, умножаются объекты изучения по специальности.

Если обратиться к проблемам рынка труда, то возникшие внешние запросы по обеспечению высокой восприимчивости со стороны образования привели к необходимости создания и функционирования модернизированной системы *непрерывного* профессионального образования, что само по себе объективно становится в политике государства приоритетным направлением в системе российского образования, приобретая актуальность в связи с изменениями и реформами пенсионной системы России.

В сложившейся ситуации непрерывное образование как принцип и система образования смогут предоставить для реализации каждой личности право на создание для себя индивидуального пути получения желаемого образования и профессиональной подготовки, с учетом индивидуальных возможностей человека в целях личного карьерного и профессионального роста.

Чтобы обеспечить растущие потребности населения в получении образовательных услуг, повышении квалификации и переквалификации, необходима доступная среда и созданная инфраструктура в системе непрерывного образования в течение всей жизни гражданина. Недопустима дискриминация, в том числе по возрасту. Это объективно должно вызвать увеличение количества образовательных организаций, которые смогут обеспечить растущие потребности населения и, в конечном счете, позволят решить ряд проблем страны с профессиональной подготовкой и обеспечением кадрами в необходимых объемах соответствующие сферы народного хозяйства. По мнению автора, следует создать и условия для распространения общественно-профессиональных механизмов аттестации и аккредитации образовательных программ, сформировать общенациональную систему оценки качества образования, получаемого гражданином, и реализации образовательных программ.

Заключение

Таким образом, существующая в стране программа развития образования позволяет обеспечить реализацию государственной политики развития человека не только через традиционные институты, но и через всю систему социализации гражданина.

Важным шагом государственной политики, позволяющим достичь новое качество образования, является вовлечение работодателей как в саму образовательную деятельность, так и в управление образовательным процессом. Необходимо их привлекать к разработке учебных планов, программ, составлению содержания и технологии образования, к разработке используемых методов, форм, средств обучения и воспитания.

Такую тенденцию необходимо развивать и, более того, активнее привлекать самих учащихся, представителей органов управления тех или иных регионов, широкую общественность. По нашему мнению, в консолидации кроется большой потенциал повышения качества образования, который раньше не использовался эффективно.

Вместе с тем именно работая в системе образования и воспитания личности, хочется напомнить о справедливости, о тех началах, которые вкладываются в человека с детства, а именно: будь честным, не вреди другому, возлюби ближнего своего и т.д. Так, «давайте же и сами будем справедливыми и станем воспитывать детей в атмосфере справедливости» [2, с. 13].

Список литературы

1. **Дроздова А. М.** Институт парламентского Уполномоченного по правам человека: учеб. пособие. Рязань: Концепция, 2016. 255 с.
2. **Дроздова А. М.** Принципы права и некоторые аспекты теоретического понимания принципов прав человека // Юридическая мысль. 2017. № 5. С. 8–14.
3. **Луков В. А.** Реформы образования в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hdirussia.ru/85> (дата обращения: 20.02.2019).
4. **Степанова И. А.** Реформирование системы образования в России: предпосылки и перспективы // Молодой ученый. 2015. № 21. С. 627–630.

References

1. **Drozdova A.M.** *Institut parlamentskogo Upolnomochennogo po pravam cheloveka* [Institute of Parliamentary Commissioner for Human Rights], Ryazan': Kontseptsiya, 2016, 255 p. (In Russ.)
2. **Drozdova A.M.** [Principles of law and some aspects of a theoretical understanding of the principles of human rights], *Yuridicheskaya mysl'* [Legal thought], 2017, no. 5, pp. 8-14. (In Russ., abstract in Eng.)
3. **Lukov V.A.** *Reformy obrazovaniya v Rossii* [Reforms of education in Russia], available at: <http://www.hdirussia.ru/85> (accessed: 20 February 2019).
4. **Stepanova I.A.** [Reforming the education system in Russia: prerequisites and perspectives], *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], 2015, no. 21, pp. 627-630. (In Russ., abstract in Eng.)

Priorities of Government Policy in Education

O. M. Dzhavadova, *Candidate of Economical Sciences,
of Economics and Management Institute,
North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia;
ovsannadzhavadova2016@mail.ru*

The paper discusses the questions related to the reforming of the education system and the search for new approaches to the content and level of educational relations in the State. The analysis of the priority directions of the government policy in education, as well as the legislative regulation of transformations is made. Important steps of the government policy aimed at reaching new level of quality of education in Russia are formulated.

Key words: education system; reforming; priority directions; quality; educational space; academic mobility.

© О. М. Джавадова, 2019

Статья поступила в редакцию 20.02.2019

При цитировании использовать:

Джавадова О. М. Приоритеты государственной политики в сфере образования // Право: история и современность. 2019. № 2. С. 125–129. doi: 10.17277/pravo.2019.02.pp.125-129

Для заметок